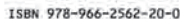

Пропонований збіжок містить матеріали, що були підготовані до Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанське читання». В наукових працях українських, російських та болгарських дослідників відображений актуальний проблеми савство-знавства, вводиться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушується актуальне для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

Видання призначене для археологів, істориків, музейних працівників, студентів, краєзнавців і всіх небайдужих до минувшини нашого краю зокрема і Південно-Східної Європи в цілому.

Обласний комунальний заклад
«Харківський науково-методичний центр
охорони культурної спадщини»

9 789662 562200

Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження • Збірник наукових праць • 2012 • Випуск 2

САЛТОВО-МАЯЦЬКА археологічна культура: проблеми та дослідження

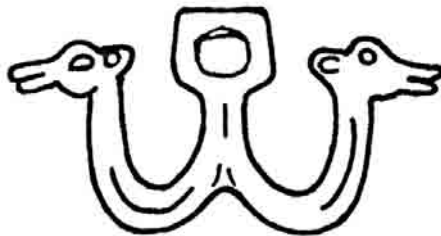
Збірник наукових праць • Випуск 2

Управління культури і туризму
Харківської обласної державної адміністрації
Обласний комунальний заклад
«Харківський науково-методичний центр
охорони культурної спадщини»

САЛТОВО-МАЯЦЬКА АРХЕОЛОГІЧНА КУЛЬТУРА: проблеми та дослідження

Випуск 2

*Збірник наукових праць, присвячених
проблемам та перспективам салтовознавства,
за матеріалами Міжнародної наукової конференції
«XVI Слобожанські читання»*

ВИДАВЕЦЬ САВЧУК О. О.
ХАРКІВ • 2012

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)
С16

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

головний редактор: провідний науковий співробітник відділу
пам'яток археології **Г. Є. Свистун**

члени колегії: д.і.н. **О. О. Тортіка**,
к.і.н. **В. В. Колода**,
к.і.н. **В. С. Аксьонов**

С16 Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження : збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання» / упоряд. Г. Є. Свистун. — Х. : Видавець Савчук О. О. ; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2012. — 148 с. ; 48 с. іл. — Випуск 2.
ISBN 978-966-2562-20-0

Пропонований збірник містить матеріали, що були підготовані до Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». В наукових працях українських, російських та болгарських дослідників відображені актуальні проблеми салтовознавства, вводяться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушуються актуальні для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

Видання призначене для археологів, істориків, музейних працівників, студентів, краєзнавців і всіх небайдужих до минувшини нашого краю зокрема і Південно-Східної Європи в цілому.

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)

На першій сторінці обкладинки: речі із
Верхньосалтівського та Кочетокського
могильників і Мохначанського городища.
Дослідження та фото В. В. Колоди та
Г. Є. Свистуна.

На четвертій сторінці обкладинки: піфос із
селища П'ятницьке та речі з Кочетокського
могильника. Дослідження та фото
В. І. Квітковського та Г. Є. Свистуна

Видавець: ФО-П Савчук Олександр Олегович
Тел.: 095.462.18.10, (057)7517586
www.savchook.com, e-mail: savchooks@mail.ru

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготівників та розповсюджувачів видавничої
продукції ДК № 3897 від 14.10.2010 року

Формат 60x84/8. Папір офсетний та крейдований.
Друк ризографічний та цифровий. Гарнітура Palatino Linotype.
Підписано до друку 05.03.2012 р.
Умовн. друк. арк. 17,2. Наклад 500 прим.

Надруковано з оригінал-макету в друкарні ФО-П
«Петрова І. В.» 61114, м. Харків, вул. Гв. Широніців, 79 в,
к. 137, тел. (057) 778-60-34, e-mail: bookfabrik@rambler.ru
Свідоцтво про держреєстрацію В00 № 948011 від 03.01.2003 р.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до
Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції: серія ХК № 133 від 23.02.2005 р.

Наукове видання
(в авторській редакції)
Технічний редактор О. О. Савчук
Відповідальний за випуск Г. Є. Свистун
Дизайн обкладинки С. В. Місяк

ISBN 978-966-2562-20-0

© ОКЗ «ХНМЦОКС», 2012
© Видавець Савчук О. О., макет, 2012

ЗМІСТ

ВСТУПНЕ СЛОВО О. Д. КОВАЛЕНКА	5
ВСТУПНЕ СЛОВО Г. М. КУЛИК.....	7
НАШІ АВТОРИ.....	8
СПИСОК СКОРОЧЕНЬ	9

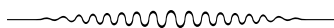
СТАТТІ

□ Аксёнов В. С. (Харьков) Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса с Т-образными фибулами.....	10
□ Дідик В. В. (Харків) Вироби степового зразку із ранньосередньовічного Коропівського скарбу	19
□ Квитковский В.И. (Харьков) Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I	26
□ Колода В. В. (Харьков) Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши	30
□ Коматарова-Балинова Е., Клисуранов К. (София, Болгария) Към разбирането на биритуализма и обряда на кремацията по примерите на некрополите Разделна, Девня 3 (България) и Сухая	37
□ Круглов Е. В. (Волгоград, Россия), Луночкин М. Н. (Чернышковский, Россия) Находки раннесредневековых монет в Чернышковском районе Волгоградской области.....	44
□ Лаптев А. А. (Харьков) Попытки ограбления IV-го Верхне-Салтовского катакомбного могильника.....	47
□ Майко В. В. (Симферополь) Судея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации	54
□ Моисеев А. В. (Воронеж, Россия) Поселенческий памятник салтово-маяцкой культуры Вознесеновка-3 на границе Среднего и Верхнего Подонья (предварительная информация)	63
□ Пономарев Л. Ю. (Керчь) Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников)	67
□ Свистун Г. Е. (Харьков) Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация)	79
□ Усманов Э. М. (Уфа, РФ) О термине «сакалиба» в восточных письменных источниках.....	85

□ Флёрв В. С., Флёрва В. Е. (Москва, Россия)	
Верхне-Ольшанское городище:	
извлечение из Отчёта о раскопках в 1991 году.....	90
□ Чендев Ю. Г., Сарапулкин В. А. (Белгород, Россия)	
Опыт палеогеографической реконструкции на примере	
исследования памятника салтово-маяцкой культуры	
в долине р. Тихая Сосна (Белгородская область)	96

ИЛЮСТРАЦІЇ

□ К статье В. С. Аксёнова	101
□ До статті В. В. Дідика.....	104
□ К статье В. И. Квитковского.....	106
□ К статье В. В. Колоды	108
□ К статье Е. Коматаровой-Балиновой, К. Клисуранова	114
□ К статье Е. В. Круглова, М. Н. Луночкина	117
□ К статье А. А. Лаптева	118
□ К статье В. В. Майко	120
□ К статье А. В. Моисеева.....	124
□ К статье Л. Ю. Пономарева.....	130
□ К статье Г. Е. Свистуна	133
□ К статье В. С. Флёрва, В. Е. Флёрвой	142
□ К статье Ю. Г. Чендева, В. А. Сарапулкина.....	148

ШАНОВНИЙ ЧИТАЧУ!

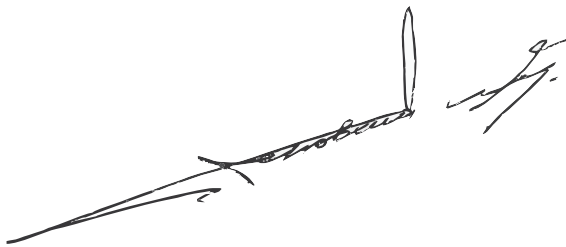
Після виходу першого ювілейного збірника археологічних робіт «Салтово-Маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині» стало зрозуміло, що заторкнута тема є надзвичайно актуальною не тільки для археології, а й для культури загалом.

Оголилися проблеми з охорони культурної спадщини, виявилися археологічні «білі плями» з цієї тематики, з'явилися нові аспекти уже історико-культурного усвідомлення нашого минулого, а, отже, поглибленого розуміння нашого сьогодення. Окрім того, щорічні польові дослідження археологічного Салтова приносять багатий і цікавий науковий матеріал, який потребує свого аналізу й узагальнення і, що головне, введення нових знань у науковий обіг. Тому стає очевидним, що на часі другий випуск цього наукового збірника, який присвячений тій же темі – пам'яткам Салтово-Маяцької археологічної культури.

Рівно 110 років тому – 15 серпня 1902 року – в Харкові відбулося урочисте відкриття XII Археологічного з'їзду – першого значного наукового форуму, що проходив у місті. На ньому були презентовані первісні здобутки у вивченні щойно відкритої ранньосередньовічної культури в с. Верхній Салтів, де до того часу доцентом Харківського університету О. М. Покровським було досліджено понад 20 катакомбних поховань на могильнику, який у подальшому дав назву середньовічній культурі. Цей могильник відкрив місцевий учитель В. О. Бабенко, який також його розкопував. Протягом 1901–1902 рр. участь у розкопках Салтівського могильника брали: голова Московського археологічного товариства графиня П. С. Уварова, Є. П. Пріфільєв, професор Д. І. Багалій, студенти П. П. Єфименко та М. Є. Воронець. Час наочно показує, що за період понад століття тема салтовознавства ніяким чином не вичерпана, а лише все більше

привертає до себе увагу світової наукової спільноти та широкого громадського загалу. І весь цей час центром салтовознавства по праву залишається Харківщина. Провідний харківський осередок садтовознавства гідно тримає лідерство у своїх дослідженнях. Не оминають харків'ян і проблеми, що стосуються охорони археологічної спадщини. Стурбованістю щодо збереження пам'яток пронизані багато праць науковців, які не тільки висвітлюють проблеми охорони, консервації та використання салтівських пам'яток Харківщини, але й активно пропагують необхідність їх збереження та шляху вирішення загальних пам'яткоохоронних проблем. Одночасно, завдяки активній практичній діяльності, харківські археологи, серед яких є і співробітники Науково-методичного центру охорони культурної спадщини, відкривають світу все більше таємниць минулого. Впевнений, що робота в цьому напрямку має великий потенціал в спектрі наукової новизни, підняття рейтингу вітчизняної культури, пропаганди нашої науки і культури в світі. Вже традиційно наш Центр та харківські археологи в цілому співпрацюють із зарубіжними колегами – перш за все, з Росії та Болгарії. Це дозволяє отримати більш плідні результати для загального розуміння значення Салтово-Маяцької археологічної культури для історії не тільки Харківщини, а й для всієї Південно-Східної Європи в добу раннього середньовіччя, її вплив на процес формування культурно-історичного розвитку.

Залишилося лише побажати фахівцям подальших творчих успіхів та натхнення в їх благородній справі. В спільних зусиллях ми зможемо отримати плідні результати на шляху збереження та збагачення нашої культурної спадщини.

О. Д. Коваленко,
директор Харківського
науково-методичного
центру охорони
культурної спадщини

ДОРОГІ ДРУЗИ!

Факт появи другого випуску наукового збірника, присвяченого нагальним проблемам та дослідженням в області салтовознавства, свідчить про те, що тема далеко не вичерпана. Наукова спільнота позитивно сприйняла перший – ювілейний – випуск та висловила побажання продовжити цю тематику, тим самим підтримавши подальший розвиток салтовознавства не тільки на теренах Харківщини, але й на міжнародному рівні. Водночас даний збірник підтримує подальший імідж Харкова як провідного центру у вивченні Салтово-Маяцької археологічної культури.

З нашим Центром охоче співпрацюють провідні вчені цього наукового напрямку як з України, так і з інших країн. Безпосередньо Салтово-Маяцька археологічна культура є міжнаціональним, міждержавним здобутком. Її ареал перебуває на території двох держав – України та Росії, а вплив виходить за їх межі і сягає, зокрема, Болгарії. Останнє наочно показано в роботі Євгенії Коматорової-Балінової та Камена Клісуранова, які співставили пам'ятки з Девня 3, Разделна в Болгарії та Красної Тірки, Сухой Томільші в Україні (Харківщина) і виявили аналогії та культурні паралелі.

Не менш актуальними для поглибленого розуміння давньої історії України та прилеглих до неї територій є праці інших авторів збірника. Також велику увагу в роботах вчених приділено питанням збереження археологічної спадщини. Зокрема, висвітлена стурбованість фахівців фактами грабунків салтово-маяцьких могильників, розоренням селищ та городищ. Питання щодо їх збереження є актуальним не тільки в Україні, але й в інших країнах на пострадянських теренах. Впевнена, що разом з науковцями нам вдасться провести більш плідну роботу щодо популяризації та збереження вітчизняної археологічної спадщини, що само по собі є справою досить тендітною та дорогоцінною, бо дозволяє прочитати нашу давню історію та доторкнутися до неї.

Г. М. Кулик,

завідувач відділом пам'яток археології

ОКЗ «ХНМЦОКС»

НАШІ АВТОРИ

Аксьонов Віктор Степанович – кандидат історичних наук, завідувачий відділом археології Харківського історичного музею (м. Харків)

Дідик Віктор Васильович – старший науковий співробітник відділу пам'яток археології Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини (м. Харків)

Квітковський Віктор Ігоревич – пошукач відділу давньоруської та середньовічної археології Інституту археології Національної академії наук України, викладач Харківського гуманітарно-педагогічного інституту (м. Харків)

Клісуранов Камен – аспірант Софійського університету «Св. Климент Охридски» (м. Софія, Болгарія)

Колода Володимир Васильович – кандидат історичних наук, завідувачий науково-дослідною археологічною лабораторією, доцент кафедри історії України Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (м. Харків)

Коматарова-Балінова Євгенія – науковий співробітник II ст. національного археологічного інституту та музею при Болгарській академії наук, (м. Софія, Болгарія)

Круглов Євгеній Вікторович – науковий консультант ТОВ «Хазар», Волгоградський державний університет (м. Волгоград, Росія)

Лаптєв Олексій Олексійович – науковий співробітник відділу пам'яток археології Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини (м. Харків)

Луночкін Михайл Ніколаєвич – директор Чернишковського козачого музею історії і етнографії (пгт Чернишковськ, Росія)

Майко Вадим Владиславович – кандидат історичних наук, завідувачий відділом

середньовічної археології Кримського філіалу Інституту археології Національної академії наук України (м. Сімферополь)

Моїсєєв Александр Вадімович – завідувачий Лабораторією історіографії археології Євразії Наукового центру історіографії вітчизняної археології Воронежського державного університету (м. Воронеж, Росія)

Пономарьов Леонід Юрійович – науковий співробітник благодійного фонду «Деметра» (м. Керч)

Сарапулкін Владімір Александрович – кандидат історичних наук, доцент кафедри російської і загальної історії Белгородського державного національного дослідного університету (м. Белгород, Росія)

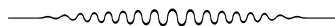
Свистун Геннадій Євгенович – пошукач відділу давньоруської та середньовічної археології Інституту археології Національної академії наук України, провідний науковий співробітник відділу пам'яток археології Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини (м. Харків)

Усманов Ерік Маратович – аспірант Башкiрського державного педагогічного університету ім. М. Акмулли (м. Уфа, Росія)

Фльоров Валерій Сергєєвич – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології Російської академії наук (м. Москва, Росія)

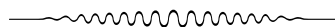
Фльорова Валентіна Євгенєвна – науковий співробітник Інституту археології Російської академії наук (м. Москва, Росія)

Чендєв Юрій Георгієвич – доктор географічних наук, завідувачий кафедрою природокористування і земельного кадастру Белгородського державного національного дослідного університету (м. Белгород, Росія)

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АДУ – Археологічні дослідження в Україні	ИИМК – Институт истории материальной культуры
АИК – Археологические исследования в Крыму	ИНМВ – Известия на народния музей – Варна
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України	ІА – Інститут археології
АН – Академия наук	КРС – крупный рогатый скот
АО – Археологические открытия	КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
АП – Археологічні пам'ятки	КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
АСГЭ – Археологические сообщения государственного Эрмитажа	ЛГУ – Ленинградский государственный университет
БИ – Боспорские исследования	ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
БСП – Българите в Северното Причерноморие	ЛС СМК – лепной сосуд салтово-маяцкой культуры.
ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт	МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
ВГУ – Воронежский государственный университет	МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ВИ – Вестник истории	НА – Научный архив
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей	НАВ – Нижневолжский археологический вестник
ВолГУ – Волгоградский государственный университет	НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры	НТР – научно-техническая революция
ВСМ – Верхнесалтовский могильник	РА – Российская археология
ВХГУ – Вестник Харьковского государственного университета	РАН – Российская Академия наук
ВХДУ – Вісник Харківського державного університету	СА – Советская археология
ВХУ – Вісник Харківського університету	САИ – Свод археологических источников
ГИМ – Государственный исторический музей	СМК – салтово-маяцкая культура
ГС СМК – гончарный сосуд салтово-маяцкой культуры	Тр. ... АС – Труды ... археологического съезда
ГСУ, ИФ – Годишник на Софийския университет, Исторически факултет	ХА – Хазарский альманах
ДГУ – Днепропетровский государственный университет	ХГПУ – Харьковский государственный педагогический университет
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения	ХИФО – Харьковское историко-филологическое общество
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей	ХММ – Художественно-мемориальный музей
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии Украины	ХНПУ – Харьковский национальный педагогический университет
ИАИ – Известия на Археологическия институт	ХНУ – Харьковский национальный университет
ИАК – Известия археологической комиссии	ЦНБ – Центральная научная библиотека

КАТАКОМБНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА С Т-ОБРАЗНЫМИ ФИБУЛАМИ

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Верхне-Салтовский археологический комплекс, катакомба, аланы, Т-образные фибулы.

В этом году исполняется 110 лет с проведения в Харькове XII Всероссийского археологического съезда, на котором широкой научной общественности были представлены материалы исследования незадолго до этого открытого В. А. Бабенко катакомбного могильника у с. Верхний Салтов (Волчанский район Харьковской области). Презентация материалов раскопок катакомбных захоронений В. А. Бабенко, А. М. Покровского на археологическом съезде [1, с. 434–464; 2, с. 465–491] и стала той отправной точкой, от которой современные ученые ведут открытие салтово-маяцкой археологической культуры. Памятник, давший название целой археологической культуре, и исследовавшийся с перерывами не одним поколением археологов на протяжении всего периода с момента своего открытия и до настоящего времени, в силу ряда причин так и не стал эталонным [3, с. 29]. Как отмечала ведущий салтовед С. А. Плетнева, для Верхне-Салтовского археологического комплекса остаются не решенными вопросы его хронологии, этнического определения [3, с. 29]. К решению этих проблем можно приступать, как правильно отметил В. С. Флёров, после полного исследования поселения, комплексной обработки и публикации материалов памятников Верхнего Салтова и Нетайловского могильника [4, с. 70]. Частичная публикация материалов катакомбных захоронений, исследованных экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина в 80-е годы XX века, уже имела место [5, с. 245–260; 6, с. 259–294]. В данной публикации предлагаются материалы двух катакомбных захоронений, которые, как нам представляются, позволяют подойти к решению вопроса о начальной дате появления аланского населения в районе Верхнего

Салтова (т.е. о начальной дате возникновения данного археологического комплекса) и об исходных районах проживания на Северном Кавказе представителей данного населения.

Работы на главном (первом) катакомбном могильнике у с. Верхний Салтов экспедиция Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина проводила с 1984 по 1989 годы. За этот период на западных склонах Капиносова оврага было исследовано 76 катакомбных захоронений салтовского времени. В 1990–1992 гг. экспедиция музея проводила работы на третьем (ВСМ-III) катакомбном могильнике, расположенном к северу от городища, на восточном склоне правого высокого берега Печенежского водохранилища (р. Северский Донец). На этом участке могильника за время работ было исследовано 32 катакомбных захоронения. В двух катакомбах – № 54 (ВСМ-I) и № 19 (ВСМ-III) были обнаружены бронзовые Т-образные фибулы, которые до этого в салтово-маяцких древностях Подонья не встречались ни разу. В аланских погребальных комплексах хазарского времени Подонья в незначительном количестве представлены только бронзовые шарнирные фибулы с завитком на конце небольшого приемника, с плоским приемником килевидных очертаний (кат. № 11, 26, 92, 110, 119 Дмитриевского могильника [7, рис. 37: 23; 8, рис. 112] или железные прогнутые фибулы с завитком на длинном приемнике [7, рис. 27: 134; 8, рис. 59]. Ниже дается описание погребальных комплексов с бронзовыми Т-образными фибулами.¹

Катакомба № 54 (ВСМ-I). Дромос катакомбы длиной 5,0 м был вырыт вверх по склону в направлении с востока на запад с незначительным отклонением в 10° к северу. Его

1) Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В. Г. Бородулина на разрешение работать с материалами раскопок Верхне-Салтовского катакомбного могильника. Описание погребальных комплексов даются по Полевому дневнику и Отчетам В. Г. Бородулина.

ширина в начальной части составляла 0,38 м, а у западной стенки – 0,6 м. В начальной части дромоса было зафиксировано 11 ступенек высотой 0,1–0,2 м и шириной от 0,3 до 0,5 м. Дно дромоса находилось на глубине 3,0 м. На расстоянии 1,4 м от входа в камеру, у нижней ступеньки был найден фрагмент ручки салтовской амфоры. Обнаружение на дне дромоса фрагмента ручки амфоры мы рассматриваем как факт, свидетельствующий о совершенном в древности преднамеренном проникновении в погребальную камеру с целью проведения обряда обезвреживания погребенных или каких-то иных постпогребальных действий. Подобные находки в заполнении характерны для дромосов с наличием входа повторного проникновения в погребальную камеру, что было неоднократно зафиксировано нами на Верхне-Салтовском и Рубежанском могильниках региона [9, с. 99]. Ни в Полевом дневнике, ни в своем Отчете о раскопках 1989 г. автор работ В. Г. Бородулин не дает развернутой характеристики заполнения дромоса данной катакомбы [10, с. 27]. Однако, на полевых фотографиях дромоса катакомбы № 54 на уровне зачистки видны следы присутствия в западной части дромоса хода повторного проникновения, имеющего овальные в плане очертания и оставляющего не менее 1/3 общей длины дромоса [10, табл. XXV: 1]. Преднамеренное проникновение в камеру, совершенное в древности, подтверждает и состояние человеческих костных останков, что будет показано ниже по тексту. В западной торцевой стенке дромоса находился вход в погребальную камеру. Он имел арковидную форму. Его высота составляла 0,5 м, ширина равнялась 0,4 м, а глубина – 0,45 м. Вход в погребальную камеру, как и сама камера, были полностью забиты материковой глиной. Погребальная камера в плане имела форму прямоугольника с закругленными углами. Камера относительно дромоса продольная, т.е. ее длинная ось являлась продолжением длинной оси дромоса. Размеры камеры: длина 1,75 м, ширина 1,45 м, высота на момент исследования 1,2 м. Пол камеры располагался на 0,2 м ниже дна дромоса.

В камере было произведено коллективное захоронение (Илл. 1: 1). В ней были обнаружены останки женщины, подроста и ребенка до 3–4 лет. Костные останки всех погребенных находились не в анатомическом порядке. На-

рушение анатомического порядка костяков погребенных людей является наиболее зримым свидетельством обряда обезвреживания погребенных [9, с. 99, 110; 11, с. 70–73; 12, с. 122–126, 140]. Череп женщины находился в 0,2 м от торцевой стенки камеры. Он покоился на левой височной кости и был развернут лицевым отделом к северной боковой стенке камеры. Нижняя челюсть в захоронении отсутствовала. Возле черепа женщины, ближе ко входу в камеру, находились в россыпи бусы (Илл. 1: 17–44) и штампованная бронзовая пуговица (Илл. 1: 11). В плотную к черепу, с восточной стороны, прилегал лепной горшок (Илл. 2: 2), лежавший на боку и обращенный устьем к торцевой стенке камеры. В 0,15 м к югу от горшка располагался кувшин с отбитыми в древности горлом и ручкой (Илл. 2: 3). Он покоился на боку и был обращен дном в дальний левый угол погребальной камеры. Восточнее кувшина лежал на боку еще один лепной горшок (Илл. 2: 1), который был обращен устьем в левый дальний угол камеры. Возле устья данного горшка, на полу камеры, была найдена скорлупа от двух яиц домашней птицы. В 0,1 м к востоку от этого же горшка находился череп подростка без нижней челюсти. Череп подростка покоился на правой височной кости и был развернут лицевым отделом к левой боковой стенке камеры. Под черепом подростка были обнаружены три бронзовые круглые бляшки-нашивки (Илл. 1: 3) от головной ленты и одна бронзовая пуговица (Илл. 1: 7). К югу и востоку от черепа подростка на полу камеры были разбросаны трубчатые кости и отдельные ребра третьего погребенного – маленького ребенка. Среди них были найдены: бронзовый литой бубенчик (Илл. 1: 15), спиралевидные провололочные пронизи (Илл. 1: 45), бусы (Илл. 1: 17–44), две половинки одного поломанного в древности бронзового литого бубенчика (Илл. 1: 13). В 0,2 м от входа в камеру и в 0,4 м от правой боковой ее стенки на полу камеры располагалась груда человеческих костей. Здесь находились длинные кости обеих ног и рук погребенной женщины, длинные кости обеих рук и одной ноги погребенного подростка, кости таза женщины и тазовые кости ребенка. В этом конгломерате костей были найдены детский провололочный браслет (Илл. 1: 10), взрослый браслет (Илл. 1: 9), лезвие черешкового ножа (Илл. 1: 2), два бронзовых ли-

тых бубенчика (Илл. 1: 12, 14), три бронзовые литые пуговицы (Илл. 1: 4–6). На расстоянии 0,7 м от входа в камеру и в 0,3 м от правой боковой стенки камеры была обнаружена бронзовая литая Т-образная фибула (Илл. 1: 16), обращенная ножкой в левый ближний угол камеры, в котором находились разрозненные большая и малая берцовые кости одной из ног погребенного подростка. Расположение костных останков свидетельствует о том, что умершие были уложены ногами ко входу в камеру. При этом вдоль центральной оси камеры была уложена умершая женщина, рядом с которой и параллельно ей была уложена девочка-подросток. Умерший маленький ребенок, по-видимому, был уложен между женщиной и девочкой-подростком.

Катакомба № 19 (ВСМ-III). Дромос катакомбы был вырыт по склону вдоль линии северо-восток – юго-запад. Длина дромоса составляла 3,2 м, а ширина равнялась 0,65 м. В начальной северо-восточной части дромоса было зафиксировано 9 ступенек, высота которых колебалась от 0,15 до 0,25 м при их ширине 0,2–0,25 м. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляла 2,2 м. Заполнение дромоса состояло из светло-желтой материковой глины, перемешанной с черноземом, с вкраплениями темно-коричневой глиняной крошки. В погребальную камеру вел арковидный в плане ход высотой 0,6 м. Камера по отношению к дромосу продольная, т.е. ее длинная ось совпадала с длинной осью дромоса. Вход в камеру, как и сама погребальная камера, были плотно забутованы чистой материковой глиной. В плане погребальная камера имела форму прямоугольника с сильно закругленными углами так, что она приняла форму, близкую к овалу или кругу. Размеры камеры 1,75×1,55 м. Высота ее на момент исследования составляла 1,05 м. Пол камеры располагался на 0,25 м ниже дна дромоса.

В погребальной камере было совершено парное захоронение (женщина + ребенок) (Илл. 4: 1). Погребение № 1 принадлежало ребенку 5–6 лет. Костяк ребенка очень плохо сохранился, и представлял собой костный тлен и фрагменты трубчатых костей. Судя по расположению останков, умерший ребенок был уложен в вытянутом положении на спине головой к югу. На костях левой руки ребенка были найдены два бронзовых проволочных браслета (Илл. 4: 6). Погребение № 2

принадлежало молодой женщине. Ее останки покоились параллельно детскому костяку, на расстоянии 0,5 м от последнего. Умершая женщина была уложена в вытянутом положении на спине, головой влево от входа в камеру. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги были слегка согнуты в коленях и разведены в стороны. Вероятно, они первоначально были согнуты в коленях и направлены вверх. После того как мягкие ткани сгнили, ноги женщины распались в стороны. Череп погребенной был перемещен со своего первоначального места. Он находился слева от костей таза женщины на середине длины ее левой бедренной кости. Отделенная от черепа нижняя челюсть покоилась в районе шейных позвонков женщины. При погребенной был обнаружен следующий инвентарь: справа от костей таза лежал железный черешковый нож с остатками деревянных ножен на лезвии (Илл. 4: 2); здесь же, правее ножа, были найдены бронзовая коромысловидная копоушка (Илл. 4: 13), пряжка-пуговица из раковины (Илл. 4: 5), три бронзовых литых бубенчика на бронзовой цепочке (Илл. 4: 11). На запястьях обеих рук женщины были зафиксированы по одному бронзовому проволочному браслету (Илл. 4: 7, 8). В районе шейных позвонков женщины были обнаружены фрагменты бронзового литого зеркала с петелькой на оборотной стороне (Илл. 4: 12), преднамеренно разбитого в древности. Здесь же были найдены фрагменты бронзовых проволочных серег (Илл. 4: 4). В области грудной клетки женщины были расчищены россыпь бус и бисера (Илл. 4: 15–31), бронзовая литая Т-образная фибула (Илл. 4: 14), обращенная ножкой к югу, и три бронзовых амулета с «соколиными» головками (Илл. 3: 2–4). Кроме этого слева от входа в погребальную камеру лежала небольшая железная мотыжка (Илл. 4: 2), а между костяками людей стояла кружка с прямым вертикальным горлом (Илл. 3: 1).

Инвентарь, обнаруженный в рассматриваемых захоронениях, находит самые широкие аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца.

Тесло-мотыжка из катакомбы № 19 состоит из слегка расширяющегося к низу лезвия с плечиками и незамкнутой втулки (Илл. 4: 3). Подобные изделия были широко распространены в Восточной Европе как на салтовских [8, с. 93, рис. 46; 13, с. 188, рис. 5: 20], так

и на синхронных славянских памятниках [14, с. 38, рис. 4].

Оба найденных ножа имеют одну режущую сторону и короткий, плоский, выкованный вместе с лезвием черенок, на который насаживалась деревянная рукоятка (Илл. 1: 2; 4: 2). Черенок составляет одно целое с лезвием, спинка которого прямая. Длина найденных ножей составляет 9,8 и 10,5 см, ширина лезвия составляет 1,5–1,7 см. В сечении оба ножа клиновидные. На лезвии и рукоятке сохранились остатки дерева – фрагменты деревянных ножен и рукояток. Во второй половине I тысячелетия н. э. подобные ножи известны на значительной территории от Урала до Венгрии в памятниках различных археологических культур [15, с. 91; 16, обр. 5: 3, 6; 6: 2, 4].

Керамические сосуды в рассматриваемых катакомбах представлены двумя столовыми и двумя кухонными изделиями. Все сосуды лепные, только столовые были дополнительно подправлены на поворотном столике.

В катакомбе № 54 был найден столовый кувшин с отбитым в древности горлом и ручкой (Илл. 2: 3). Данный кувшин круглобокий, линия перехода от тулова к горловине плавная, но выразительная. Наибольший диаметр тулова приходится на нижнюю часть. Ручка в профиле уплощенно-овальная. Сосуд украшен одним горизонтальным канелюром немного выше наибольшего диаметра тулова, и еще одним канелюром – в месте перехода плечиков в горло. Пространство между канелюрами и горлом кувшина дополнительно орнаментировано вертикальными лощеными линиями. Высота сосуда 17,9 см, диаметр дна 15,4 см, наибольший диаметр тулова 19,4 см. Поверхность сосуда темно-серого цвета, местами произошло отшелушивание верхнего слоя. Аналогичные сосуды достаточно хорошо представлены в аланских древностях лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры (катакомбы № 11, 22, 46, 51, 87 Дмитриевского могильника) [8, рис. 68–71]. Встречаются подобные кувшины и в степных памятниках салтово-маяцкой культуры (тип Г по классификации К. И. Красильникова) [17, с. 105–106, рис. 5: 4].

Столовая кружка из катакомбы № 19 имеет сфероконическое тулово, дно большого диаметра и горло цилиндрической формы (Илл. 3: 1). Место соединения горла и тулова

обозначено плечиком с небольшим перегибом, ниже которого располагается тройной горизонтальный канелюр. Ручка петлевидной формы, сверху посажена на плечико, внизу – почти у самого дна сосуда. Тулово и горло покрыто сплошным вертикальным лощением. Цвет поверхности сосуда черный. Высота сосуда 13,5 см, диаметр венчика 7,2 см, диаметр дна 11,6 см, наибольший диаметр 14,4 см. Подобные сосуды (вид О по классификации К. И. Красильникова) в салтовских лесостепных и степных древностях представлены единичными экземплярами [17, с. 112, рис. 14: 8].

Кухонный горшочек с ручкой из катакомбы № 54 имеет стройные пропорции (Илл. 2: 2), наибольшее расширение приходится на середину высоты сосуда. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной палочки. Ручка отбита в древности. В профиле она была круглая, и крепилась одним концом к венчику, вторым – к тулову на середине его высоты. Дно небольшое. Высота сосуда 11,8 см, диаметр венчика 8,8 см, диаметр дна 6,6 см, максимальный диаметр тулова 10,4 см. Тулово сосуда орнаментировано сплошным горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. Поверхность темно-коричневого цвета, шероховатая. Тесто с примесью мелкого шамота. Подобные горшочки с ручкой достаточно часто встречаются как в аланских катакомбных захоронениях бассейна Северского Донца [8, рис. 68–76], так и памятниках тюрко-болгар региона [18, рис. 2: 3; 19, рис. 2: 7]. Изредка подобные горшки с петлевидной ручкой встречаются в «подкурганых захоронениях с ровиками», связываемых в последнее время с хазарами [20, рис. 4: 20].

Второй кухонный горшочек из этой же катакомбы имеет яйцевидное тулово, небольшой отогнутый наружу венчик, украшенный по краю оттисками косо поставленной прямоугольной палочки (Илл. 2: 1). Сосуд слегка ассиметричен, приземистый. Высота горшка 13,5 см, диаметр венчика 12,6 см, диаметр дна 8,6 см, максимальный диаметр тулова 13,8 см. Поверхность сосуда светло-пепельного цвета, местами темно-серые и черные пятна подпалены, шероховатая. Под венчиком и в верхней части тулова сосуд орнаментирован горизонтальными ассиметричными полосами, выполненными округлой в сечении

палочкой. Тесто с примесью мелкого шмота. Данный сосуд по форме и пропорциям несколько отличается от классических салтовских кухонных горшков. Он отдаленно напоминает лепные сосуды сахновского этапа волынцевской культуры (тип I – В по классификации О. М. Приходнюка) [21, с. 49, рис. 27, 4; 22, с. 66].

С захоронением девочки-подростка в катакомбе № 54 связаны три бляшки-нашивки диаметром 1,9 и 2,1 см с двумя отверстиями по краю для пришивания их к мягкой основе (Илл. 1: 3). Такие бляшки довольно часто встречаются в аланских катакомбных захоронениях Подонья [8, рис. 58; 23, рис. 4: 5, 22; 5: 31, 32; 6: 36; 24, рис. 4: 26; 6: 13–15; 25, 2003, рис. 1: 3]. Как показали исследования памятников аланского населения Северного Кавказа, подобные бляшки использовались в качестве украшения налобных повязок, являющихся отличительной особенностью аланских девочек-девушек, прошедших обряд инициации, но не достигших еще брачного возраста [26, с. 7, 62]. На налобную повязку в большинстве случаев пришивалось две-три бляшки, как и в нашем случае.

Из катакомбы № 19 происходят фрагменты бронзовых проволочных колечек овальной формы от сережек (Илл. 4: 4). Присутствие вместе с ними проволочного стерженька свидетельствует, что в данном случае мы имеем дело с остатками сложносоставных сережек с подвижной привеской. К сожалению, форму подвески определить не представляется возможным. Серьги с подвижной сложносоставной привеской довольно часто встречаются в погребальных памятниках лесостепного варианта салтовской культуры [7, рис. 37: 2, 4, 5, 98, 99, 139–141; 8, с. 113, рис. 57].

Все обнаруженные в катакомбах браслеты бронзовые. Четыре браслета изготовлены из бронзового круглого в сечении жгута (Илл. 1: 8; 3: 6–8), один – из круглого, уплощенного с внутренней стороны в сечении жгута (Рис. 1: 9), еще один – из плоского в сечении бронзового жгута (Илл. 1: 10). Концы части браслетов тупые, прямо срезанные, части – с заостренными концами. Концы одного браслета украшены орнаментом из насечек в виде ёлочки (Илл. 1: 8). Подобные браслеты встречаются как в памятниках аланского, так и тюрко-болгарского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья [8, с. 114–115,

рис. 60; 13, с. 189, рис. 3: 5; 4: 14; 27, с. 146–147, рис. 24: 7; 25: 14].

В обоих катакомбах были найдены бронзовые литые бубенчики (Илл. 1: 12–15; 3: 10). Все они в плане имеют шаровидной формы тулово и плоскую петельку прямоугольной формы. У некоторых бубенчиков по тулову проходят более или менее выраженные грани (Илл. 1: 12, 14, 15). Почти все бубенчики по тулову украшены орнаментом в виде вертикальных полос-насечек (Илл. 1: 13; 3: 10). Подобные бубенчики в большом количестве встречаются в погребальных памятниках салтовской культуры [7, рис. 37: 18, 21; 8, с. 107, рис. 57; 27, с. 125, рис. 15: 44; 61: 30; 87: 4].

Три бубенчика из катакомбы № 19 были прикреплены к бронзовым цепочкам (Илл. 4: 11). Звенья цепочек изготовлены из бронзовой, круглой в сечении проволоки. Они имеют форму восьмерки, части которой развернуты перпендикулярно относительно друг друга. Аналогичные бронзовые цепочки встречаются довольно часто в аланских древностях Подонцовья второй половины VIII–IX вв. [6, рис. 1: 8; 8, рис. 58; 23, рис. 3: 18; 4: 14, 38; 24, рис. 6: 8]. Известны находки таких цепочек и в салтовских кремационных комплексах Подонцовья [27, рис. 10: 2; 47: 29; 29, рис. 1: 1]. В салтовских древностях с помощью таких цепочек подвешивались к одежде туалетные коробочки, кисточки, наборы амулетов, к которым относились и бубенчики. Такие цепочки с подвешенными к ним бубенчиками, амулетами и т.п. известны в северокавказских захоронениях V–IX вв. [30, табл. XIII: 4; XXV: 22; 31, табл. II: 5; XIV: 1].

Амулеты были встречены в катакомбе № 19 (Илл. 3: 2–4). Все три найденных амулета относятся к одному типу. Это изделия в виде бронзового кольца с прямоугольной петелькой в верхней части. По бокам кольца расположены соколиные головки, смотрящие клювами вниз, а на стороне, противоположной петельке, сдвоенные головки птиц смотрят клювами в противоположные стороны. Такие амулеты достаточно часто встречаются в погребальных памятниках алан Подонцовья [7, рис. 37: 57, 58; 8, с. 96, рис. 48; 23, рис. 4: 23; 5: 8; 6: 10, 424 7: 12; 24, рис. 6: 4]. Аналогичные подвески-амулеты (тип 3, вариант 2 по классификации В. Б. Ковалевской) известны в комплексах VIII–IX вв. Северной Осетии и Чечено-Ингушетии [32, с. 141, рис. 2: 11].

В рассматриваемых катакомбах представлены пуговицы. Часть из них штампованные (Илл. 1: 11; 4: 9), часть – литые (Илл. 1: 4–7). Штампованные пуговицы представлены двумя типами. К первому типу относится пуговица из катакомбы № 19 (Илл. 4: 9). Она имеет шаровидной формы тулово, состоящее из двух полусфер, соединенных горизонтально. Диаметр пуговицы 1,0 см. Пуговица снабжена проволоочной петелькой, прикрепленной к верхней полусфере. Ко второму типу штампованных пуговиц относятся изделия из катакомбы № 54 (Илл. 1: 11). Эти пуговицы шаровидной формы, слегка сплюснутые с боков и снабжены пластинчатой петелькой. Пуговицы спаяны из двух полусфер, соединенных по вертикали. Диаметр пуговиц 1,9 см, при толщине 1,3 см. Остальные четыре пуговицы из катакомбы № 54 являются литыми. Они имеют тулово в виде шара (Илл. 1: 6) или в виде шара, слегка сплюснутого по вертикали (Илл. 1: 4, 5, 7). У данных пуговиц вместе с туловом отлита и плоская петелька округлой или прямоугольной в плане формы. Общая высота пуговиц составляет 1,1–1,4 см, диаметр – 0,8 см. Бронзовые пуговицы рассмотренных видов встречены на всех салтовских памятниках Подонья [7, рис. 37: 19, 20; 8, с. 107, рис. 56; 23, рис. 1: 15; 2: 14, 40; 3: 6, 12; 7: 21; 24, рис. 2: 28, 29; 3: 14, 21, 28, 29, 33, 34; 27, с. 124].

В катакомбе № 19 была найдена пряжка-пуговица, сделанная из створки раковины (Илл. 4: 5). Она в плане круглая, диаметром 3,1 см. По центру изделия расположено круглое отверстие диаметром 0,4 см. Подобные пряжки-пуговицы зачастую происходят из погребальных памятников аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья [7, рис. 37: 105, 106, 136; 8, рис. 56; 23, рис. 3: 28; 4: 7, 21; 5: 6, 19, 20; 6: 52; 24, рис. 4: 29; 6: 46].

К туалетным принадлежностям в кат. № 19 относится простая коромыслообразная копоушка с выемкой на середине длины для завязывания ремешка (Илл. 4: 13) и фрагменты бронзового литого зеркала с «ячеистым» орнаментом на обороте (Илл. 4: 12). Коромыслообразные копоушки в небольшом количестве представлены на всех аланских могильниках региона [7, рис. 37: 144; 8, с. 106, рис. 55; 23, рис. 4: 32; 6: 27]. Зеркала с «ячеистым» орнаментом (тип III по классификации О. В. Иченской) происходят из катакомбных захоро-

нений Верхнего Салтова [33, с. 157, рис. 1: 6], Дмитриевского могильника [8, с. 104, рис. 52], аланских могильников (Кобань, Амгата, Усть-Теберда) Северного Кавказа и Кубани [33, с. 157]. Ячеистый орнамент для украшения зеркал использовался со II–IV вв. по X–XI вв.

В рассматриваемых захоронениях обнаружены каменные и стеклянные бусы – остатки ожерелий. Каменные бусы представлены сердоликовыми бусами шаровидной (Илл. 1: 18, 20; 3: 15), каплевидной (Илл. 1: 17) и биконической формы (Илл. 1: 19), а также бусами из роговика (Илл. 4: 23). Среди стеклянных бус преобладают многосекционные бусы золотистого и серебристого цветов – 27 экз. (катакомба № 19) и 42 экз. (катакомба № 54) (Илл. 1: 21; 4: 24). Остальные одноцветные стеклянные бусы представлены единичными экземплярами. Это цилиндрические (Илл. 1: 31), эллипсоидные (Илл. 1: 28–30), шаровидные (Илл. 1: 26, 27), кубические (Илл. 1: 22, 23, 25; 4: 20, 21), четырнадцатигранные (Илл. 1: 24; 4: 22), рифленые (Илл. 4: 18), многосекционные (Илл. 1: 32; 4: 16, 17) бусы. В небольшом количестве в рассматриваемых погребениях найден бисер синего, зеленого и фиолетового цветов (Илл. 1: 33; 3: 5). Немногочисленные многоцветные стеклянные бусы в катакомбах представлены следующими разновидностями: эллипсоидными фиолетового цвета с поперечными полосами (Илл. 1: 34, 35; 4: 29); шаровидными глазчато-полосатыми (Илл. 1: 39, 40; 4: 25, 26, 31); цилиндрическими глазчато-полосатыми (Илл. 1: 41); шаровидными полосатыми (Илл. 1: 36–38; 4: 26); бочковидными глазчатыми (Илл. 1: 42, 43; 4: 28, 30); цилиндрическими с выпуклыми глазками («бородавчатые») (Илл. 1: 44; 4: 27). Типологический состав бус, обнаруженный в исследованных катакомбах, характерен для комплексов VIII–IX вв. [34, с. 232]. При этом в данных захоронениях присутствуют бусы, которые датируются более узким промежуток времени. Так, к ним относятся бусы красно-коричневого цвета с сильно выступающими глазками желтого и зелено-голубого цвета (Илл. 1: 44; 4: 27), которые больше характерны для комплексов предсалтовского времени (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) [35, рис. 8: 4; 9б: 2, 3; 36, с. 77, рис. 125: 29–34; 37, с. 104, рис. 20: 29, 30]. Незначительное количество таких бус, присутствие их только в отдельных комплексах

Верхнего Салтова, позволяет по бусам вычлени- нить пласт ранних салтовских захоронений.

Наибольший интерес представляют бронзовые фибулы, обнаруженные в обоих катакомбах. Это Т-образные фибулы с прямоугольным щитком на корпусе, в месте перехода спинки в вытянутую ножку, которая заканчивается тремя шаровидными выступами (Илл. 1: 16; 4: 14). Спинка у фибул выпнутая, по ее центру проходит своеобразное ребро жесткости, из-за чего в сечении спинка имеет подтреугольную форму. Фибулы имеют по одной массивной перекладине, которая заканчивается на концах выступами округлой формы. Ножка одной из фибул орнаментирована рядом параллельных горизонтальных бороздок (Илл. 4: 14). Соединение иглы шарнирное. Сама игла изготовлена из железа. Высота фибул 6,8–7,0 см, длина перекладины 5,0–5,4 см. Фибулы данного типа достаточно широко представлены в памятниках VIII–IX вв. Осетии, Дагестана и Чечено-Ингушетии [38, с. 46, табл. 6: 9; 39, с. 130, рис. 15: 8; с. 143, рис. 6: 10, 11; 7: 1; 40, с. 143, рис. 6: 12, 13; 41, рис. 3А: 7, 11; 4Б: 21; 5: 22; 7Б: 1; 8Г: 26]. И. О. Гавритухин выделяет данные фибулы с тремя шаровидными «грузиками» на конце ножки в отдельную серию *Дай-Анач-кала*, существование которой датирует не позднее первой половины – середины VIII века [42, с. 415–417, рис. 5, 6]. Данный тип фибул восходит к цельнолитым крестовидным фибулам с подвязным или приклепанным приемником, широко распространенных в Западном и Центральном Закавказье [42, с. 418, рис. 5: 7, 10, 12, 13] и может, по мнению исследователя, рассматриваться в контексте эволюции северокавказских фибул группы 19 (Т-образные шарнирные по А. К. Амброзу) [42, с. 418–419]. Несколько экземпляров подобных бронзовых Т-образных фибул было найдено на могильнике второй половины VIII – первой половины IX вв. у станицы Старокорсунской [43, рис. 10: 54, с. 200]. А. В. Комар считает, что подобные фибулы характерны для раннесалтовских комплексов хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская, датируемого 740–780 гг. н. э. [44, с. 52, рис. 4: 20; 45, с. 132].

Таким образом, для рассматриваемых погребальных комплексов главным датировочным маркером из общей массы погребального инвентаря могут выступать только

бронзовые Т-образные фибулы, которые не имеют местных корней и были принесены в бассейн Северского Донца переселенцами с территории Северо-Восточного Кавказа. Так как в районах исходного их бытования данный тип фибул не встречается в комплексах позднее середины VIII века, то Т-образные фибулы могли быть принесены в район Верхнего Салтова тоже не позднее середины VIII века. Попадание данных изделий в бассейн Северского Донца связано с переселением сюда верхушкой Хазарского каганата подчиненных им аланских племен. После серии тяжелых поражений, которые нанесли арабы Хазарскому кагану на Северо-Восточном Кавказе и особенно после похода Мервана 737 г., в бассейн Северского Донца возвращаются хазары. С хазарами здесь связываются кремационные салтовские захоронения (Новая Покровка, Тополи, Сухая Гомольша, Красная Горка и др.), а также ингумационные погребения с восточной ориентировкой Нетайловского могильника [46, с. 213]. Подтверждается это открытием на Нетайловском могильнике, расположенном напротив Верхнего Салтова – на левом берегу Печенежского водохранилища (р. Северский Донец), погребений воинов-всадников, содержавших элементы поясной гарнитуры, которые находят прямые аналогии в погребениях типа Соколовская балка, датируемых второй половиной VII – первой половиной VIII вв. и приписываемых хазарам [47, рис. 2: 11–14, 3: 14, с. 174]. После похода Мервана 737 г. хазары оставались основной силой в Северном Дагестане [48, с. 245], поэтому, вполне вероятно, что они могли переселить часть подчиненного им населения из прилегающих районов современной Осетии, Чечни и Ингушетии в украинскую лесостепь. Показательным является факт обнаружения в катакомбе № 18 Старосалтовского могильника бронзовой арбалетовидной фибулы [23, рис. 3: 31], аналогии которой известны только в памятниках Северо-Восточного Кавказа, в частности в Бежтинском могильнике в Аварии и Чинухойском могильнике в Чечне [49, с. 135, рис. 16: 4, с. 181], которые датируются так же, как и фибулы «серии *Дай-Агач-кала*» не позднее середины VIII века [42, с. 415]. Поэтому датировать рассматриваемые захоронения Верхне-Салтовского могильника следует, по-видимому, второй – третьей чет-

вертью VIII века, а погребенных в катакомбах людей рассматривать как первых переселенцев с Северо-Восточного Кавказа или их прямых потомков.

Принесенные первыми переселенцами в бассейн Северского Донца (вторая треть – середина VIII в.) бронзовые Т-образные шарнирные фибулы, как этноопределяющий символ, еще некоторое непродолжительное время использовались на новом месте жительства (не более жизни одного поколения). В процессе становления салтовского общества и формирования новой материальной культуры такие вещи выходят из употребления, на смену им приходят другие, символизирующие уже принадлежность людей к новой салтово-маяцкой культурно-исторической общности. Именно этим объясняется единичность находок массивных Т-образных фибул в катакомбных захоронениях алан Подонья.

Литература

1. Бабенко В. А. Древние Салтовские придонские окраины южной России / В. А. Бабенко // Труды XII АС. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905. – Т. 1. – С. 435–436.
2. Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник / А. М. Покровский // Труды ХП АС. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905. – Т. 1. – С. 467–478.
3. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева – М.: Иерусалим: Мосты культуры, 2000. – 240 с.
4. Флёров В. С. Города и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность / В. С. Флёров – М.: Мосты культуры, 2010. – 260 с.
5. Аксенов В. С. Комплексы с конскими начельниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника / В. С. Аксенов // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2005 – Т. 4. – С. 245–260.
6. Хоружая М. В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) / М. В. Хоружая // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2009 – Т. 7. – С. 259–294.
7. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 62–75.
8. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнева – М.: Наука, 1989. – 288 с.
9. Аксенов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтовской культуры / В. С. Аксенов // РА. – 2002. – № 3. – С. 98–114.
10. Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника, расположенного на территории колхоза «Украина», в 1989 г. / В. Г. Бородулин – Харьков, 1989. – 53 с. // Архив Института археологии НАНУ. – ф.е. 23625, 23625а.
11. Флёров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных / В. С. Флёров – М.: ПолиМЕда, 2000. – 162 с.
12. Флёров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. / В. С. Флёров – М.: Изд-во ТАУС, 2007. – 370 с.
13. Аксенов В. С., Михеев В. К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка / В. С. Аксенов, В. К. Михеев // Vita Antiqua. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2003. – № 5–6. – С. 179–191.
14. Сухобоков О. В., Горбаненко С. А. Комплекс землеробских знарядь з городища Битиця 1 / О. В. Сухобоков, С. А. Горбаненко // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава: Вид-во «Археологія» ЦОДПА, 2001. – № 2. – С. 36–41.
15. Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво / В. К. Михеев, Р. Б. Степанська, Л. Д. Фомін // Питання історії народів СРСР. – Харків: Вид-во ХГУ, 1973. – С. 163–172.
16. Въжарова Ж. Н. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI–XI на територията на Българития) / Живка Н. Въжарова – София: Изд-во на БАН, 1976. – 448 с.
17. Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) / К. И. Красильников // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. – С. 99–152.
18. Аксенов В. С., Крыганов А. В. Захоронение на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о славяно-венгерских культурных контактах) / В. С. Аксенов, А. В. Крыганов // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. – Археология. – Вып. 1. – С. 23–37.
19. Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. / О. В. Пархоменко // Археологія. – 1983. – № 43. – С. 75–87.
20. Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли / Е. В. Круглов // СА. – 1992. – № 4. – С. 176–183.
21. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–IX ст. н.е. / О. М. Приходнюк – К.: Наукова думка, 1980. – 151 с.
22. Приходнюк О. М. Пастирське городище / О. М. Приходнюк – Київ-Луцьк: Зелена Буковина, 2005. – 244 с.

23. Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник / В. С. Аксенов // *Vita Antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 137–149.
24. Аксенов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце / В. С. Аксенов // *Донская археология* – 2001. – № 1 – 2. – С. 62 – 78.
25. Аксьонов В. С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів / В. С. Аксьонов // *Археологічний літопис Лівобережної України*. – 2003: ВЦ «Археологія» ЦОДПА. – № 2. – С. 95–102.
26. Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути / А. А. Иерусалимская – СПб: Госэсмитаж, 1992. – 70 с.
27. Аксенов В. С., Михеев В. К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» / В. С. Аксенов, В. К. Михеев // *Хазарский альманах*. – Киев–Харьков: Каравелла, 2006. – Т. 5. – 308 с.
28. Хоружая М. В. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца / М. В. Хоружая // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*. – 2009. – № 852: Історія. – Вип. 41. – С. 28–42.
29. Скирда В. В. Речі фіно-угорського типу Красногорського могильника / В. В. Скирда // *Археологія і давня історія України*. – К.: Вид-во ІА НАНУ, ЦН НАНУ і УТОПІК, ЦОДПА, 2011. – Вип. 7. – С. 171–174.
30. Кантемиров Э. С., Дзаттиаты З. Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. / Э. С. Кантемиров, З. Г. Дзаттиаты // *Аланы: история и культура*. – Владикавказ: СОИГИ, 1995. – С. 259–314.
31. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кобан / А. Хайнрих // *Аланы: история и культура*. – Владикавказ: СОИГИ, 1995. – С. 184–258.
32. Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан / В. Б. Ковалевская // *Аланы: история и культура*. – Владикавказ: СОИГИ, 1995. – С. 123–183.
33. Иченская О. В. Орнаментация зеркал Салтовского могильника / О. В. Иченская // *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 151–163.
34. Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. / В. Б. Деопик // *СА*. – 1961. – № 3. – С. 202–232.
35. Сташенков Д. А. Новые детали погребально-обрядовых памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье / Д. А. Сташенков // *Средневековые памятники Поволжья*. – Самара: Изд-во «Самарский университет», Историко-культурная ассоциация «АРТЕФАКТ», 1995. – С. 34–52.
36. Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке / Г. И. Матвеева – Самара: СГУ, 1997. – 226 с.
37. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Прабродоллары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) / Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов – Самара: СамВен, 1998. – 286 с.
38. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. / А. К. Амброз // *САИ*. – М.: Наука, 1966. – Д1 – 30. – 106 с.
39. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы / А. К. Амброз // *СА*. – 1971. – № 3. – С. 106–132.
40. Багаев М. Х. Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан) / М. Х. Багаев // *РА*. – 2004. – № 2. – С. 136–147.
41. Багаев М. Х., Мамаев Х. М. Сельментаузенский раннесредневековый могильник в Чечне / М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев // *РА*. – 2009. – № 1. – С. 125–139.
42. Гавритухин И. О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок / И. О. Гавритухин // *Албегова З. Х., Верещинский-Байбалов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС / Материалы охранных археологических исследований*. – М.: ТАУС, 2010. – Т. 11. – С. 410–428.
43. Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани / В. Н. Каминский // *СА*. – 1987. – № 4. – С. 187–205.
44. Комар А. В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры / А. В. Комар // *Finno-Ugrica*. – 2000. – № 1. – С. 42–66.
45. Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы / А. В. Комар // *Vita antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 111–136.
46. Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным / А. В. Комар // *Хазары / Евреи и славяне*. – Иерусалим, Москва: Мосты культуры, 2005. – Т. 16. – С. 207–218.
47. Аксенов В. С. Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии / В. С. Аксенов // *Древности 2010*. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество. ООО «НТМТ», 2010. – С. 166–177.
48. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. – 560 с.
49. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии) / Д. М. Атаев. – Махачкала, 1963. – 256 с.

ВИРОБИ СТЕПОВОГО ЗРАЗКУ ІЗ РАННЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОГО КОРОПІВСЬКОГО СКАРБУ

Ключові слова: скарби другої групи старожитностей антів, середньоаварський період, пенківська культура.

Матеріальна культура ранньослов'янської людності VI–VII ст. лісо-степового межиріччя Дніпра та Сіверського Дінця відображає активні запозичення зі сторони могутнього кочового світу східноєвропейського степу. Потужні кочівницькі імпульси спостерігаються у всіх без виключення галузях життєдіяльності пенківської спільноти.

Найбільш виразно кочові імпульси вимальовуються у керамічному комплексі. Проникнення канцерського гончарного посуду у повсякденний побут ранньослов'янських общин маркує односторонні напрямки економічних контактів зі степовими керамічними центрами. Відповідно кількість зразків гончарної кераміки на поселеннях осілих племен пропорційно залежала від ступеня віддаленості від гончарних майстерень. Саме з цієї причини та через недостатню купівельну спроможність відсоток гончарного посуду у порівнянні з ліпними формами є стабільно найменшим.

Абсолютно протилежний характер мають запозичення, що виникли під впливом кочової моделі господарювання та відрізняються неповторними конструктивними особливостями, які відповідали мобільному способу життя номадів. Мова ведеться про ліпні посудини з вушками всередині вінця – т.з. ліпні казани. Окремі елементи та порівняно цілі частини подібних посудин зафіксовані у Йосипівні та Нижньому Бішкіні [1].

Окрім керамічного комплексу кочові впливи виразно позначились на методах та прийомах домобудівництва – сфері досить консервативній до чужоземних технічних інновацій. Впровадження нових будівельних технологій у виробничу практику ранньослов'янських майстрів повинно пояснюватися тільки інкорпорацією окремих

представників кочового населення в осілі землеробські общини. Зокрема кочові споруди – юрти або юротоподібні будівлі, круглі у плані з системою стовпових ям по периметру – були виявлені у Йосипівні, Спецівці, Богатому, Черненчині [2, с. 22–39; 3, с. 95–107].

Згідно даних етнографії процес осідання окремих кочових колективів на землю завжди був зумовлений розвинутою соціальною стратифікацією номадського суспільства. До напівземлеробського способу господарювання переходили кочові аїли або окремі сім'ї у результаті втрати власних стад чи вигнання, позбавлені прав через борги або провини. Всі ці обездолені люди охоче приймалися у лави пенківських общин. Їх побут, звичаї кардинально не змінювались у чужому етнічному оточенні, а трудові навички та окремі елементи органічно вживались в тло ранньослов'янської культури.

Органічний синтез кочової культури та пенківських племен знайшов своє продовження у поховальному обряді. Саме за кочовими поховальними традиціями захороненні трупопокладення з прикрасами кола старожитностей антів із Мохнача на Сіверському Дінці, Данчен та Сілешт у водозборі Прута [1, с. 29; 4, с. 137–140; 5, с. 132, т. XIV, 1–5; 6, с. 206–207].

Таким чином, кочові впливи мали стабільний та інтенсивний характер, вони охопили провідні галузі життєзабезпечення та ритуальну складову пенківського суспільства. Подібне тісне переплетіння двох різних за історичними витоками культур вже неодноразово привертало увагу дослідників. На думку А. В. Скиби, контактна зона між слов'янами та кочовим світом VI–VII ст. пролягала вздовж степової смуги між Дунаєм та Сіверським Дінцем [7, с. 248].

У межах окресленої смуги, як вважав О. М. Приходнюк, відбувалось мирне співіснування кочових племен та пенківського населення. Толерантне ставлення слов'ян

до кочової інфільтрації у лісостепову смугу було викликане політичною залежністю носіїв пенківської культури від кочових народів, які за історичними даними мали форму продуктивних та взаємовигідних контактів осілих землеробів, що забезпечували кочовиків сільгосппродукцією взамін на військово-політичний протекторат. [1, с. 71–76].

Контакти пенківського населення з кочовиками Дніпровського Лівобережжя А. М. Обломський та І. О. Гавритухін пропонують розглядати в контексті політичних реалій Великої Болгарії, археологічним відлунням якої є престижні поховання із Перещепино, Макухівки, Нових Санжар на річці Ворсклі. Ступінь політичної залежності пенківського населення могла варіювати від повного поневолення до союзницьких стосунків [8, с. 140–145].

Враховуючи актуальність проблем контактів пенківських племен та кочовиків набуває першочергового значення публікація нових яскравих речових комплексів, котрі завдяки інформативності та культурно-етнічної індивідуальності суттєво поповнюють новими фактами наші знання стосовно динаміки та механізмів культурно-етнічних зв'язків пенківської людності з ранньосередньовічними номадами. Саме оприлюдненню такого важливого комплексу присвячена запропонована стаття. Мова ведеться про вироби кочового зразку зі щойно виявленого речового скарбу кола старожитностей антів на лівому березі Сіверського Дінця в Харківській області. Вичерпна інформація про культурну приналежність, умови фіксації, гарнітурний склад опубліковано автором у провідному харківському краєзнавчому часопису [9, с. 214–226].

Нагадаю, що скарб складався з мініатюрної пальчастої та зооантропоморфної фібул, скляних бурштинових намистин, платівчатих підвісок, спіралеподібних та трубчастих пронизок, різноманітних бляшок, дзвоника, металевих брукху. Згідно кримських та середньодніпровських аналогій фібул дата побутування скарбових речей коливається в межах останньої чверті VII – рубежу VII/VIII ст. На думку автора, асортимент предметів дозволяє віднести його культурно-хронологічну приналежність до скарбів групи 2а старожитностей антів за класифікацією І. О. Гавритухіна [9, с. 225].

Помітною особливістю речового набору Коропівського скарбу є наявність у його складі виробів степового походження. Донедавна предмети кочового походження були відомі у Харківському та Курилівському скарбах [10, рис. 59, с. 1–3; 11, рис. 6, 8].

Таким чином, окрім Королівського, Харківського та Курилівського скарбів у старожитностях першої та другої груп антів речі кочового походження, за виключенням ремінних наборів, взагалі не зустрічаються. Геральдичні форми ремінних гарнітур доби раннього середньовіччя відігравали важливу роль етнічних та соціальних маркерів у середовищах кочових та осілих народів від Дунаю до Алтаю. Тому вони мають позаетнічний характер.

Прискіпливий аналіз скарбів кола старожитностей антів провели І. О. Гавритухін, А. М. Обломський, О. О. Щеглова. [8, с. 47–94; 12, с. 191–196].

Широке коло фібул, геральдичної ремінної гарнітури, різноманітних металевих аксесуарів, жіночого вбрання мають свої стилістичні витoki у прилімесному дунайському середовищі. Комплекtnість скарбів першої та другої груп старожитностей антів детально проаналізована в ґрунтовних працях московських колег та пітерської дослідниці. Жодного разу, окрім зазначених скарбів, речі кочового походження не зустрічалися у скарбових наборах. Саме з цієї причини аналіз виробів степового походження у складі Коропівського скарбу вимагає невідкладної публікації та хронологічної синхронізації з ранньосередньовічними пам'ятками Кавказу, Дунайської низини, Східного Приуралля.

У першу чергу заслуговує на увагу набір шести штампованих накладок різного ступеня схоронності із Коропівського скарбу. Вироби виготовлені з платівчатого кольорового металу за допомогою матриці, накладки мають пірамідальні обриси 1,9 см завширшки та 0,5 см заввишки. На протилежних сторонах пробито два отвори діаметром 0,2 см. Поверхня накладок декорована рельєфними пружками у вигляді з'єднаних літер «М». Найближчою за територіальним розташуванням та стилістичними аналогіями є накладка, що зафіксована у похованні № 93 ґрунтового могильника у Верхньому Чир-Юрті Дагестану. Ґрунтовний огляд чир-юртських матеріалів був зроблений у монографії М. Г. Магомедова [13].

Повний список речей поховального інвентаря, що використовувався в якості індикаторів синхронізації, наведено у спільній роботі російських колег [14].

На основі кореляції пряжок, фібул, бляшок, дзвоників колектив дослідників виділив чотири хронологічні фази розвитку могильника. Цікаве для нашої теми поховання № 93 належить до заключної фази 3. До складу супровідних поховальних речей, окрім схожої пресованої накладки-бляшки з рослинним орнаментом (Ілл. 1: 1), входили накладка у вигляді трьох сполучених напівсфер, дві накладки зі штампованим орнаментом, прямокутний ремінний наконечник та квадратно-рамчата ремінна пряжка (Ілл. 1: 2–6). Зазначені вироби північнокавказького традиційного вбрання датуються в межах останньої чверті VII ст. [8, с. 79, рис. 80]. Дещо схожа пряжка квадратних обрисів з потовщеною передньою рамкою та двома паралельними пружками на потовщенні з платівчато-смужковою конструкцією обойми фіксується у похованні № 669/48 могильника Самтавро у Закавказзі [15]. Окрім пряжки у похованні виявлено шарнірну фібулу, скляний посуд та литі сережки з трьома кульками на нижньому краї. (Ілл. 2: 7, 9). Фібула типу 2 за класифікацією грузинського дослідника Н. І. Апхазави не є чітким хронологічним діагностом, бо на сучасному етапі вивчення цю категорію закавказьких прикрас поки що важко розчленувати для хронологічної періодизації через їхню типологічну уніфікованість та відносно тривалий період побутування від поч. VI ст. до кінця VIII ст. н.е. Чітким хронологічним показником слід вважати сережки. Подібний тип вушних прикрас із закінченням у вигляді пірамідки з чотирма з'єднаними кульками яскраво репрезентований у старожитностях фіналу середньоаварського періоду Угорщини (Іванча, Ігар, Кольке-Фекетекапу), де його датування кінцем VII ст. беззаперечно узгоджується з ремінними гарнітурами з декорованими плетеними мотивами, шаблями, стременими з прямою підніжкою [16, с. 123, рис. 49: 1, 4].

Хронологія угорських зразків добре обґрунтовує хронологічну позицію комплексу № 669\48 на внутрішній часовій шкалі могильника Самтавро. Грузинський дослідник М. І. Апхазави на основі типології геральдичних ремінних гарнітур та решти поховаль-

ного інвентаря датував час функціонування некрополя кінцем VI – першою половиною VII ст. [15]. У матеріалах Самтавро, як це переконливо продемонстрували А. М. Обломський та І. О. Гавритухін, фіксуються дві фази розвитку. Комплексна кореляція шпильок, фібул, скляного посуду, пряжок дозволила більш детально розділити другу фазу на чотири етапи. Набір речей з поховання № 669\48 Самтавро належить до етапу «в», що датується кінцем VII ст. [8, с. 78, рис. 79].

Таким чином, використання методу перекресних датувань дозволяє за допомогою визначення відносної періодизації закавказьких матеріалів беззаперечно прийняти дату ґрунтового поховання № 93 Верхнього Чир-Юрту, запропоновану московськими колегами у межах кінця VII ст.

Серед північнокавказьких аналогів пресованих бляшок-накладок квадратних обрисів слід зазначити виріб з кам'яного склепу в Галіаті в Північній Осетії, який досліджувався в середині 30-рр. XX ст. Є. І. Крупновим [17]. У склепі виявлено колективне поховання трьох осіб – жінки та двох дорослих чоловіків. Поховальний інвентар відрізняється різноманітністю та задовільним ступенем збереженості виробів з органічних речовин (Ілл. 2: 12, 13). У публікації на плані склепу не позначене точне розташування речей, що не дозволяє беззастережно з'ясувати їх приналежність конкретним небіжчикам та точно визначити часовий інтервал здійснення поховань. Дослідник склепу – видатний кавказознавець Є. І. Крупнов – стверджував, що хронологічна різниця між трьома похованнями була незначною, бо людські рештки покоїлись в анатомічному порядку, а поховальний інвентар розташовувався біля нижніх кінцівок. Відповідно, склеп, як меморіальна споруда, використовувався порівняно недовго – десь впродовж життя одного-двох поколінь.

Показовим предметом для з'ясування часового інтервалу є ремінний наконечник, декорований зображеннями грифонів. Подібні деталі ремінних гарнітур типові для фінальної доби середньоаварського періоду Панонії. Прекрасно датована серія аналогічних виробів надійно передатована іншими типами виробів, які зустрічаються у поховальних комплексах фази «d» могильника Тиса-фюред-Майораш. Зазначенні поховання, на думку І. О. Гавритухіна, утримують у своєму

складі особливі стилістичні варіанти прикрас другої фази середньоаварського періоду, що продовжували побутувати ще на початку пізньоаварського часу та позначились на відносній часовій шкалі у межах кінця VII – початку VIII ст. [16, с. 82–89]. Запропоновану дату у Галіатському склепі підтверджують нумізматичні дані – срібний дирхем, карбований у 701 р. в м. Басрі [17, с. 118].

Окрім кавказького регіону низка аналогічних штампованих квадратних бляшок-накладок рясно всіяна на тлі старожитностей середньоаварського періоду Угорщини. Згідно спостережень І. О. Гавритухіна, подібна категорія виробів типова для фази «с» могильника Тисафюред-Майораш. Накладки, декоровані стріловидними та рослинними мотивами, зафіксовані у похованнях №№ 144, 169, 423, 961, 946, де вони співіснують з низкою показових речових індикаторів синхронізації: ремінними наконечниками з вигадливо прогнутими боками та заокругленим нижнім краєм, пряжками з гіпертрофованим ложем для язичка, сергами з кулястою скляною підвіскою, зіркоподібними сергами, що мають численні аналогії на пам'ятках другої групи старожитностей антів Подніпров'я (Зайцеве, Харівка, Пастирське). Фаза «с» могильника Тисафюред-Майораш за хронологічною схемою І. О. Гавритухіна датується кінцем VII ст.

Отже, численні північнокавказькі та угорські зразки квадратних пресованих накладок дозволяють синхронізувати розглянуту категорію в межах кінця VII – початку VIII ст. Хронологія квадратних бляшок-накладок із Коропового визначається часовим контекстом речового набору скарбу. Нагадаю, що згідно дат фібул хронологічний діапазон використання виробів коливався в межах кінця VII – рубежу VII/VIII ст., тобто опосередковано можна стверджувати про синхронне побутування пресованих накладок з рослинним або стрілоподібним орнаментом у старожитностях фіналу середньоаварського періоду Угорщини, похованнях фази «З» ґрунтового могильника Верхній Чир-Юрт, кам'яного склепу в Галіаті та у речовому складі Коропівського скарбу.

Наступний виріб зі складу скарбу Коропівського ранньосередньовічного скарбу репрезентований одиничним екземпляром – штампованою бронзовою бляшкою з посрі-

бленою зовнішньою поверхнею, виконаною у вигляді трьох з'єднаних напівсфер, які вписані у рівнобедрений трикутник довжиною 1,3 см та висотою 0,5 см. На зворотній стороні відсутні будь-які пристрої типу штифтів або отворів для кріплення на основі. Вочевидь, бляшка прикріплювалась до шкіряного та полотняного матеріалу за допомогою клейпасти (Лл. 1: 3). За типологічною схемою В. Б. Ковалевської бляшка належить до відділу 32 типу 1 [18, с. 132]. Однак, на мій погляд, типологічна номенклатура зазначеного відділу через різноманітність декору повинна бути суттєво розширена, тому раніш широке коло аналогій вимушено звужується через строгі класифікаційні критерії, що акцентують увагу на півсферичних обрисах та відсутності орнаменталізації на комбінованих півсферах.

Серед відомих із літератури аналогів у першу чергу зазначу зразки із могильника Алтинасар у Східному Приараллі (Лл. 2: 10–12). Дуже схожа до королівської походить накладка з кургану 17 могильника Алтинасар [19, рис. 132: 21, 28].

Хронологія поховання визначається наявністю дочасної накладки, що складається з нижнього геральдичного щитка та верхньої «дворогої» платівки (за термінологією І. О. Гавритухіна). Малозвучну назву верхньої платівки В. Б. Ковалевська пропонує перейменувати у стилізовані пташині голівки, що дивляться у протилежні сторони. Не вдаючись до аналізу термінологічних «хащів», вважаю за прийнятне використовувати обидва терміни, які відображають різні погляди дослідників на семантику виробів. Подібні дочасні накладки з стилізованими пташиними голівками належать до відділу 39 типу 2 за класифікаційною схемою В. Б. Ковалевської [18, с. 164].

Широка географія поширення схожих виробів охоплює Крим (Скалистинський могильник), Південне Приуралля (Кушнарєнкове), Гірський Алтай [18, с. 348]. На Кримському півострові «рогаті» двочасні накладки з заокругленою нижньою платівкою входять до п'ятої групи ремінних гарнітур Криму за А. І. Айбабіним [20, рис. 68]. І. О. Гавритухін синхронізує п'яту групу ремінних гарнітур з орлиноголовими пряжками, що мають довгий утримувач, дволатівчати фібулами, північнопонтійськими фібулами типу Аквілея в межах п'ятої фази, яка датується згідно

хронологічних розробок згаданого автора в межах першої – третьої чверті VII ст. [8, с. 68, рис. 90].

У південному Приураллі схожа двочасна накладка походить із поховання 17 Кушнарєнківського могильника, який датується В. Ф. Генінгом серединою – третьою чвертю VII ст. н. е. [21].

Таким чином, датування двочасних накладок з верхньою платівкою у вигляді стилізованих пташиних голівок на Кримському півострові та межиріччі р. Білої та р. Уфи є синхронним у часовому діапазоні першої – третьої чверті середини VII ст. Зазначений хронологічний репер за аналогіями може також прийматися для поховання кургану 17 могильника Алтинасар, бо наявні хронологічні матеріали не розширюють верхні хронологічні межі джетиасарських старожитностей до третьої чверті VII ст.

Наступний зразок штампованої накладки у вигляді трьох з'єднаних напівсфер зафіксовано у катакомбі № 45 Мокрої Балки. Епонімний могильник вважається еталонною пам'яткою у вивченні хронології ранньосередньовічних старожитностей Кисловодської котловини. У сучасній археологічній літературі існує три дослідження внутрішньої періодизації та синхронізації матеріалів могильника з одночасовим масивом пам'яток Північного Кавказу.

Джерелознавче підґрунтя дослідження Г. Є. Афанасьєва спирається на математично вивірених спостереженнях за кореляцією ремінних гарнітур з іншими категоріями. Дослідник виділив чотири хронологічні етапи. Три останні з них пов'язані з побутуванням геральдичних аксесуарів [22].

У публікації В. Б. Ковалевської розглядаються питання хронології амулетів та серг на фоні їх співіснування з рештою виробів. У результаті подібних співставлень отримана систематизована послідовність типологічних рядів поховального інвентарю Мокрої Балки у деяких нюансах не співпадає з типолого-хронологічними висновками Г. Є. Афанасьєва [23].

Найновітніше дослідження внутрішньої періодизації Мокрої Балки належить В. Ю. Малашову [24, с. 149, 154]. В якості хронодіагностів автор вибрав керамічні набори могильника. За допомогою статистичних методів обробки керамічних форм, окремих

деталей, їх будови, декору було виділено три хронологічні групи. Більш точна періодизація кераміки базувалася на кореляції стійких керамічних наборів у комплексах. Такий прискіпливий аналіз дозволив виділити сім хронологічних періодів. На мій погляд, залучення кераміки у хронологічних побудовах є найбільш доцільним. Металеві аксесуари вбрання, ремінні набори у випадку з матеріалами Мокрої Балки не завжди точно відображають хронологічні особливості. Кераміка, навпаки, – підлягає більш чіткій хронологічній градації завдяки своїм формам та декору. У хронологічній схемі В. Ю. Малашова каткомба № 45 належить до періоду «3б», що згідно хронологічних розробок І. О. Гавритухіна відповідає фіналу VII ст. н. е.

Наступний екземпляр трьочасної накладки походить зі складу Зайцівського скарбу на лівому березі Сіверського Дінця в межах сучасного Зміївського району Харківської області [10]. Хронологія скарбу визначається зіркоподібними скроневими підвісками десь у межах кінця VII – поч. VIII ст. Таким чином, у порівнянні з північнокавказькими та східноукраїнськими аналогіями з джетиасарські старожитності є молодшими. Запропонована хронологія трьочасних накладок прекрасно узгоджується з кластерним аналізом поясних гарнітур, що був розроблений В. Б. Ковалевською з застосуванням коефіцієнту кореляції, який відображує просторово часові позиції дев'ятнадцяти груп деталей геральдичних поясів. Третій кластер об'єднує 9 груп. Географічно він належить до північних регіонів. Типовими для старожитностей є території Прикам'я, Волгокам'я та Середньої Азії. Трьочасні накладки належать до групи 7а, які в стилістичному плані демонструють найвищу ступінь подібності до груп 8ц, 8б та 12б, що своїм походженням пов'язані з ранньосередньовічними старожитностями вказаних районів. Таким чином, хронологічні співставлення дозволяють визнати правомірність висновків В. Б. Ковалевської [18, с. 198–200].

Велику зацікавленість викликає напівсферична штампована бляшка з ромбічно-перлиним орнаментом зі складу Коропівського скарбу. У верхній напівсфері ще у давнину було зроблено два безформенні отвори. Бляшка має висоту 3 см, при нижньому діаметрі 3 см та верхньому – 2 см. (Ілл. 1: 2).

Контекст знахідки у скарбі групи 2 старожитностей антів можна вважати унікальним. Прямі аналогії подібній бляшці відшукуються серед матеріалів престижного Глодоського поховання [25, рис. 37]. Велика група напівсферичних бляшок із різноманітним розеткоподібним декором пов'язана з культурою Аварського каганату. Вивчення цих виробів є перспективою окремого дослідження, але вже зараз можна констатувати, що розетки використовувалися як ремінні накладки, налобні прикраси та вироби у вигляді деталей брошок. Найбільш ранні напівсферичні накладки на пам'ятках Аварського каганату з'являються ще у фіналі ранньоаварського часу. Однак, розквіт їх стилів та орнаментациї належить до середньоаварської доби. Для виробів ранньоаварського часу характерний строгий набір компонентів та одноцентрованих композицій. Для середньоаварського часу є помітним збільшення числа елементів та їх ускладнення, з'являються ознаки деградації стилю. Приблизно в кінці середньоаварського часу фіксується геометризація та еkleктичність елементів. [26, с. 46]. Вказані стилістичні особливості дозволяють віднести перлинно-стілниковий декор екземпляру з Коропового до виробів фіналу середньоаварського часу. Приблизно до цієї ж доби належить багате поховання з Глодос. Однак, бляшка не є показовою у хронологічному плані через свою унікальність, і механізм її появи у старожитностях групи 2а є до кінця не зрозумілим, тому її використання в якості чіткого хронодіагноста можна вважати передчасним.

До категорії виробу із нечіткою хронологічною позицією також належить литий з кольорового металу (бронзи) напівсферичний предмет 4,5 см у діаметрі та 3 см заввишки з верхнім отвором, який прикрашено гравійованим хрестом, вписаним в коло. На зворотній стороні та у верхній частині – біля отвору – виявлено сліди корозованого заліза, що могло виконувати роль підвісу або язичка від ударної деталі дзвоника. Функціональне призначення виробу невідоме. Близький за обрисами предмет виявлено у похованні № 12 аварського могильника Колькед-Фекетекату [16, с. 118, рис. 46, 57].

Таким чином, аналіз виробів, що мають широке коло подібних відповідників у старожитностях кочового населення, дозволяє

сформулювати попередні висновки стосовно часу та можливих механізмів запозичення осілим пеньківським населенням речей степового походження. По-перше, часовий діапазон всіх описаних бляшок є синхронним до фібул Коропівського скарбу. Спостерігається часова синхронізація у використанні квадратних та трьохчасних напівсферичних накладок у пізньоаварських старожитностях Дунайської низини, північнокавказького регіону та водозбору Сіверського Дінця в межах кінця VII – рубежу VII/VII ст. По-друге, орнаментацийна стилістика як квадратних, так і трьохнапівсферичних бляшок-накладок із Коропівського скарбу дуже схожа до аналогічних виробів із Верхнього Чир-Юрту та Мокрої Балки. По-третє, залишаються нез'ясованими особливості появи речей північнокавказького кола в скарбах 2 групи. Можна тільки здогадуватися про існування кочового за походженням населення, що мешкало у степовій смузі водозбору Сіверського Дінця, за допомогою якого могли здійснюватися зв'язки з північнокавказьким регіоном. Археологічні пам'ятки цього населення поки що не відомі. Однак ймовірність їх існування є дуже вірогідною. Вочевидь, це населення могло підтримувати тісні етнокультурні контакти з пізньопеньківськими племенами, для традиційного вбрання яких є типовим речовий набір Коропівського скарбу.

Література

1. Приходнюк О. М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж: Воронежский Ун-т, 1998. – 170 с.
2. Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р.Тясмине / Л. М. Рутковская // Раннесредневековые восточнославянские древности.-Ленинград, 1974. – С. 22–39.
3. Телегін Д. Т., Беляєва С. О. Пам'ятки ранньослов'янського часу на р. Орелі / Д. Т. Телегін, С. О. Беляєва // Археологія – 1975 – Вип. 18. – С. 96–100.
4. Рафалович И. А., Лапушнян В. Л. Могильник и раннесредневековое городище у с. Селиште / И. А. Рафалович, В. Л. Лапушнян // Археологические исследования в Молдавии в 1973г. – Кишинев, 1974. – С. 104–140.
5. Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. / И. А. Рафалович. – Кишинев, 1986.

6. Аксьонов В., Бабенко Л. До вивчення етнокультурних зв'язків населення Дніпро-Донецького межиріччя у VI–VII ст. н.е. (за матеріалами антського поховання у с. Мохнач) / В. Аксьонов, Л. Бабенко // Наукові матеріали V міжнародної археологічної конференції студентів та молодих вчених. – К., 1997.
 7. Скиба А. В. Географія та умови етнічного суспільства слов'ян та кочових племен Південно-Східної Європи VI–VII ст. / А. В. Скиба // *Vita antiqua* – 2006. – № 7–8. – С. 236–250.
 8. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский – М., 1996 – № 3 (Раннеславянский мир). – 296 с.
 9. Дідик В. В. Нова знахідка ранньосередньовічного скарбу у водозборі Сіверського Дінця / В. В. Дідик // Слобожанське культурне надбання. – Вип. 2. – Х., 2009.
 10. Приходнюк О. М. Пастирське городище / О. М. Приходнюк – Київ–Чернівці: Зелена Буковина, 2005. – 244 с.
 11. Родинкова В. Е. Куриловский клад раннесредневекового времени / В. Е. Родинкова // РА. – 2010. – № 4. – С. 78–87.
 12. Щеглова О. А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье / О. А. Щеглова // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 1990. – С. 162–205.
 13. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата: По материалам археологических исследований и письменным данным / М. Г. Магомедов – М.: Наука, 1983. – 224 с.
 14. Гавритухин И. О., Ковалевская В. Б., Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии / И. О. Гавритухин // Соросовские лауреаты. – М., 1996.
 15. Апхазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений) / Н. И. Апхазова. – Тбилиси, 1979 – 115 с. – (грузинською мовою з російським резюме).
 16. Гавритухин И. О. Хронология среднеаварского периода / И. О. Гавритухин // Под. ред. Евглевского А. В. Степи Евразии в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 45–162.
 17. Крупнов Е. И. Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов / Е. И. Крупнов // ВДИ. – 1938. – №2(3). – С. 113, 114.
 18. Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / В. Б. Ковалевская. – М., 2000. – 363 с.
 19. Левина Л. Н. Этнокультурная история Восточного Приаралья / Л. Н. Левина. – М: Издательская фирма Восточная литература РАН. – 1996. – 396 с.
 20. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени / А. И. Айбабин // МАИЭТ. – Вип. 2. – 1990. – С. 1–87.
 21. Генинг В. Ф. Южное Приуралье в 3–7 веках нашей эры (Проблема этноса и его происхождение) / В. Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972 – С. 221–296.
 22. Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка / Г. Е. Афанасьев // КСИА. – Вып. 158. – 1979. – С. 43–51.
 23. Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан / В. Б. Ковалевская // Аланы: история и культура. – *Alanica*. – Вып. III. – Владикавказ, 1995. – С. 168–173.
 24. Малашов В. Ю. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка / Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996.
 25. Сміленко А. Т. Глодоські скарби / А. Т. Сміленко. – К., 1965. – 88 с.
 26. Гавритухин И. О. Маленькие трапецевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю / И. О. Гавритухин // Гістарична-археалагічны зборні. – № 12. – 1998. – С. 43–58.
-

ЗАХОРОНЕНИЕ В КРУГЛОЙ ЯМЕ НА СЕЛИЩЕ ПЯТНИЦКОЕ-I

Ключевые слова: селище Пятницкое-I, поселение, погребение, череп, костяк, ритуальное погребение

Погребения, совершенные в пределах жилой зоны, известны на различных памятниках салтово-маяцкой культуры: Верхнесалтовском [1, с. 4, 5], Сидоровском [2, с. 5–6] и Мохначанском [3, с. 261, 262] городищах, Дмитриевском [4, с. 46–48, 65–67] и Маяцком [5, 10–102] селищах, в Саркеле [6, с. 90–95]. В ходе раскопок поселений постоянно появляется новый материал, дополняющий наши знания об этом культурном явлении, а так же расширяющий географию распространения подобного рода комплексов. Несмотря на это, данный феномен остается практически не освещенным в научной литературе. На сегодняшний день лишь в двух работах была сделана попытка исследовать эту проблематику [3; 5].

Еще одним поселенческим памятником, где были исследованы подобные погребения, является селище Пятницкое-I, расположенное на песчаных дюнах левого берега р. Большая Бабка (Илл. 1) – правого притока р. Северский Донец (Печенежский район Харьковской области)¹. На сегодняшний день здесь открыто 2 ингумационных захоронения, относящихся к эпохе раннего средневековья.

Первое из них было исследовано в раскопе-2 (Илл. 1) А. В. Крыгановым в 1988 г. [8, с. 121, 122; рис. 2]². Погребение было совершено в культурном слое раскопа (на уровне материка) в непосредственной близости от жилища № 2. Его особенностью было то, что умерший был положен лицом вниз, а кости лицевого отдела были сильно повреждены. Из сопровождающего инвентаря в могиле была только небольшая костяная проколка. Автор работ не исключал возможности, что

данное захоронение могло быть совершено на скорую руку после вражеского нападения [8, с. 121, 122].

Второе захоронение, которое и будет объектом данной публикации, было обнаружено в 2010 г. во время работ в раскопе-3 [10, с. 20–22], в 1 км севернее первого погребения³ (Илл. 1). Как и первое, оно располагалось вблизи от углубленных жилищ и хозяйственных ям.

Погребение было совершено в круглой в плане и колоколовидной в профиле яме (Илл. 2)⁴. Ее верхний и нижний диаметр составляли 150–155 см. Дно располагалось на глубине -230 см от современной дневной поверхности⁵. Стенки, практически отвесно опускались до уровня -140 см, после чего начиналось расширение в подбой. В северной части он был наибольшим и составлял 20–30 см. В верхней части ямы в ее ЮЮЗ части располагалась небольшой приступок длиной 50 см.

Во время расчистки ямы, на глубине 130 см, у ее юго-восточной стенки был обнаружен череп (№ 1) человека (Илл. 3). Он лежал на правой стороне, затылком был ориентирован на ССЗ. Череп был деформирован и частично разрушен (вся левая и лицевая часть). Нижняя челюсть сильно фрагментирована. Немного ниже, на уровне -160 см было расчищено еще 2 черепа (Илл. 3). Череп № 2 располагался немного северо-восточнее черепа № 1 в южной части ямы. Он лежал на левой стороне, теменной областью ориентирован на север. Как и череп № 1, был деформирован и сильно поврежден⁶. Полностью была разрушена лицевая часть, нижняя челюсть

3) Предварительная информация об этом комплексе опубликована в ежегоднике Института археологии НАН Украины за 2010 год [11, с. 168–169].

4) Такие ямы использовались населением СМК в качестве зернохранилищ.

5) Стратиграфические и планиграфические наблюдения показывают, что древняя дневная поверхность располагалась на 30–35 см ниже современной.

6) Скорее всего, деформация и повреждения черепов № 1, № 2 произошли вследствие давления земли.

1) История его изучения уже была освещена в научной литературе [7].

2) Следует отметить, что вблизи раскопа-2 был обнаружен небольшой биритуальный могильник (Илл. 1) с несколькими ингумациями, совершенными в культурном слое, и кремациями [9, с. 6–7].

фрагментирована. Возле него (к югу) было расчищено несколько шейных позвонков с атлантом (Илл. 3). Данный факт свидетельствует о том, что голова была отсечена или у еще живого человека, или вскоре после его смерти, когда еще сохранялись мягкие ткани, которые удерживали череп с позвонками. Череп № 3, который сохранился полностью⁷, находился возле северной стенки комплекса. Он лежал на основании черепа, лобной костью кверху, глазами ориентирован на ССЗ. Под его нижней челюстью располагался большой фрагмент бедренной кости КРС (Илл. 2, б-б'; 3).

Такое расположение черепов в заполнении, в 50–70 см выше костей скелета можно объяснить тем, что они попали в яму во время ее засыпки, вместе с грунтом.

На дне ямы, был расчищен скелет человека без черепа (Илл. 2). Костяк лежал на спине и был ориентирован (частью, где должен был располагаться череп) на юго-восток. Кости рук были согнуты в локтях и запрокинуты назад. Плечевые кости развернуты под прямым углом к позвоночнику. Угол между плечевой и локтевой, лучевой костями правой руки составил $\approx 35^\circ$. Между костями левой руки этот угол был большим (около 85°). Пястные кости и фаланги пальцев руки, сохранились частично. Кости ключицы, грудины, часть ребер и многие позвонки отсутствовали во все⁸. Лопатки, ребра и некоторые позвонки сохранились во фрагментах. Таз скелета был немного развернут на левую сторону. Кости ног были согнуты в коленях. Угол между бедренными и берцовыми костями составил около 45° . Левая нога располагалась под правой (Илл. 2). Кости стопы сохранились полностью. Такая необычная поза скелета наталкивает на мысль, что тело было не положено, а брошено в яму.

Рядом с костяком человека, на дне ямы, восточнее локтя левой руки, был найден большой фрагмент нижней челюсти лошади (Илл. 2), а севернее костей таза обнаружен скелет маленькой собаки (Илл. 2), в очень плохом состоянии⁹. Других предметов возле захоронения на дне ямы не было.

Заполнение ямы было однородным, и состояло из чернозема. Кроме вышеописанных черепов, скелета человека, а также костей животных возле него, в яме были обнаружены немногочисленные фрагменты гончарной (Илл. 4, 1–4, 8) и лепной салтовской керамики (Илл. 4, 5–7, 9), обмазка (в том числе и со следами побелки), кости крупного и мелкого рогатого скота (в том числе и обломок рога КРС), а так же камни (Таблица 1). Практически все эти находки были обнаружены в небольшой прослойке на глубине 130–160 см (Илл. 2), на уровне обнаружения черепов [10, с. 20–22].

Кроме костей человека в яме, в 3 м к северу от нее, в культурном слое раскопа была найдена ключица человека [10, с. 12].

Таблица 1.

Опись не взятого материала из комплекса № 38 раскопа-III на селище Пятницкое-I

наименование находки	Г л у б и н а (см)	
	130–150	итого
СМК амфоры	4	4
ГС СМК кухонная	1	1
ЛС СМК	4	4
Обмазка	2	2
Камни	7	7
Кости	18	18
Всего	36	36

По сохранившимся морфологическим особенностям черепов (сосцевидным отросткам, скуловым углам, форме глазниц) и костям таза был определен пол погребенных. По степени зарастания швов черепа и стертости зубов был определен их приблизительный возраст¹⁰. Череп № 1 – принадлежал юноше 16–18 лет. Череп № 2 – возмужалому мужчине 20–25 лет. Череп № 3 принадлежал пожилому мужчине 55–60 лет. Костяк так же принадлежал взрослому мужчине. Скорее всего, он соответствует черепу № 3. У умершего наблюдалось частичное сращение суставных поверхностей правого тазобедренного сустава, отчего, по-видимому, он страдал хромотой.

7) Лишь нижняя челюсть была расколота на 2 части.

8) Было найдено только 12 позвонков.

9) Ее кости были очень тонкие и хрупкие, многие из которых не сохранились. При расчистке они рассыпались в труху.

10) Выражаю благодарность за проведенные антропологические определения выпускнице Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко Ларичевой Е. И.

Захоронения в круглых, конусовидных (колоколовидных) ямах распространены на значительной территории – от лесостепного бассейна Северского Донца до Нижнего Дона [2, с. 5–6; 3, с. 261–272; 4, с. 46–48; 6, с. 94; 12, с. 109–110; 119–120]. Как правило, это единичные захоронения, расположенные в жилой зоне. Исключением являются захоронения между юго-западной стеной и внутренним рвом крепости Саркел, где было исследовано 17 ям-могил, в которых обнаружено 20 человеческих скелетов [13, с. 12–14]. О. А. Артамонова выделила эти захоронения в отдельный могильник [13, с. 11]. Однако, стоит отметить, что эти захоронения так же располагались вблизи жилой зоны. Вокруг были исследованы многочисленные хозяйственные ямы и углубленные жилища [13, с. 12; рис. 3]. Особенностью Саркельских погребений является и то, что большинство погребений были совершены не на дне ямы, а приблизительно на половине их глубины [13, с. 19].

Практически во всех погребениях в круглых ямах, за исключением комплекса № 53 на городище Мохнач [2, с. 261–272] и ямы № 2 Маяцкого селища [12, с. 109], сопровождающий инвентарь был бедным и немногочисленным или отсутствовал вовсе.

Размеры и глубина всех этих ям довольно разнообразны и не составляют какой-либо закономерности.

Захоронение на селище Пятницкое-I, несомненно, относится к подобным погребальным комплексам. Оно имеет с ними как общие черты, так и некоторые отличия: костяки без черепа в круглых ямах, кроме описанного захоронения, ранее встречались лишь в одном из погребений Саркельского могильника. Отметим, что в нем так же был захоронен пожилой мужчина [13, с. 12].

Юго-восточная ориентировка погребения на сел. Пятницкое-I соответствует ориентировке мужских захоронений в ямах из Саркела [13, с. 14]. Положение же скелета с закинутыми за голову руками аналогий не имеет. В большинстве случаев погребенные в ямах-могилах были положены на спине (чаще мужчины) или в скорченном положении на боку (чаще женщины) с вытянутыми вдоль туловища руками или согнутыми в районе груди [3, с. 262–264; 12, с. 119–120; 13, с. 14].

Захоронения человеческих черепов в заполнении могил в ареале салтовской культу-

ры являются очень редким явлением. Единственная аналогия подобному ритуалу происходит из могилы № 3 раннесредневекового некрополя вблизи античного города Тиратака в Крыму [14, с. 32]. Автор работы не указал форму могильной ямы, дав лишь ее размеры – 170×200 см. Ее глубина от поверхности земли составляла 250 см. В погребении, над костяком, располагались 9 человеческих черепов, расположенных ближе к краям ямы, а так же 2 черепа собаки. Кроме них в погребении были найдены жернов, камни, керамика и кольцо со стеклянной вставкой [14, с. 32; рис. 42–43]. Еще одним комплексом, в засыпке которого располагался череп, является круглая в плане конусовидная яма № 3 на северо-восточной окраине Маяцкого селища из раскопок А. И. Милютина. Череп располагался в 43 см выше дна ямы. Костяка в ней обнаружено не было [12, с. 109–110].

Немногочисленные предметы, найденные в погребении в виде костей животных и фрагментов керамики, являются обычными для заполнения как погребальных, так и обычных хозяйственных ям. Возможно, что они попали в яму совершенно случайно с дневной поверхности во время ее засыпки. Исключениями являются нижняя челюсть лошади и скелет собаки, которые были обнаружены на дне, рядом с костяком и, судя по всему, были помещены туда умышленно. Кости лошади (как отдельные кости, так и целые скелеты) в погребениях салтовской культуры представлены довольно часто, в том числе и в круглых ямах-могилах [13, с. 16]. Кости собаки в погребальных комплексах встречаются гораздо реже. В круглых могилах они встречены только в Саркеле [13, с. 17]. Известны нечастые захоронения собак и в катакомбах [4, с. 206; 5, с. 71], а так же, как упоминалось выше, собачьи черепа вместе с человеческими были обнаружены в погребении возле Тиритаки [14, с. 17].

Не претендуя на окончательные выводы, в качестве гипотезы выскажем некоторые мысли о назначении и происхождении погребального комплекса с раскопа-3 на селище Пятницкое-I. Расположение ямы в пределах жилой зоны, положение костяка умершего, а так же черепа в засыпке ямы, дают основания полагать, что это остатки ритуального захоронения, скорее всего места ритуальной казни. Отсутствие сопровождающего инвентаря

в захоронении говорит о низком социальном статусе умерших. Возможно, они находились на положении рабов или пленников, которые не являлись частью общины, проживающей на поселении, и потому не были похоронены на общем могильнике с выполнением погребальной обрядности, присущей жителям данного поселения¹¹.

Литература

1. Чернигова Н. В. Звіт про археологічні розкопки Верхньосалтівського городища в 1999 році // Архив ИА НАНУ. – № 1999/17.
2. Кравченко Э. Е. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея на Сидоровском городище в полевой сезон 2002 г. // Архив ИА НАНУ – № 2002/165.
3. Колода В. В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) / В. В. Колода // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 10. – Харьков, 2011. – С. 261–272.
4. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 286 с.
5. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища / С. А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та 1991. – 192 с.
6. Плетнева С. А. Очерки Хазарской археологии / С. А. Плетнева. – М.: Мосты культуры – Иерусалим: Ге-шарим, 1999. – 249 с.

11) Главным погребальным обрядом жителей поселения, скорее всего, являлись инвентарные трупожжения. Об этом, кроме упомянутого выше небольшого биуртального могильника в районе раскопа № 2, свидетельствуют недавно открытые вблизи селища обширный кремационный могильник [15, с. 84–90] и отдельные кремации, совершенные на стороне [16].

7. Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) / В. И. Квитковский // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині // Харьков, 2011. – С. 14–20.

8. Крыганов А. В. Памятник салтово-маяцкой культуры у с. Пятницкое на Харьковщине / А. В. Крыганов // Вестник Харьковского университета. – Харьков, 1992. – № 362. – Серия «история». – Вып. 25. – С. 119–123.

9. Михеев В. К. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1978 году // Архив ИА НАНУ. – № 1978/72.

10. Квитковский В. И. Отчёт о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2010 году // Архив ИА НАНУ. – б/н.

11. Квитковский В. И. Исследования на многослойном селище Пятницкое-I / В. И. Квитковский // АДУ – 2010: Збірка наук. праць. – К.–Полтава, 2011. – С. 168, 169.

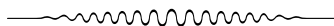
12. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та 1998. – 214 с.

13. Артамонова О. А. Могильник Саркела – Белой Вежи / О. А. Артамонова // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III – МИА. – 1963. – Вып. 109. – С. 9–216.

14. Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки / Ю. Ю. Марти // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. – МИА. – 1941. – Вып. 4. – С. 25–36.

15. Свистун Г. Е. Отчёт о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году // Архив ИА НАН Украины – б/н.

16. Лаптев А. А. Салтовская кремация у с. Пятницкое Харьковской обл. / А. А. Лаптев // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали X студентської наукової конференції – Чернівці, 2011. – С. 122, 123.

ЕЩЁ ОДНА ГРУППА САЛТОВСКИХ АРТЕФАКТОВ ИЗ СУХОЙ ГОМОЛЬШИ

Ключевые слова: салтовская археологическая культура, кремационное захоронение, археологический комплекс, воин-всадник, вооружение, упряжь, орудия труда.

Вот уже 110 лет как, начиная с открытия катакомбного могильника в Верхнем Салтове, на территории Харьковщины исследуются памятники салтовской археологической культуры (середина VIII – середина X вв. н.э.), которые отражают материальную и, в значительной степени, духовную культуры народов, входивших в состав Хазарского каганата. Одним из важных и наиболее изученных центров лесостепной Хазарии является комплекс из городища, обширного селища и полностью изученного обширного грунтового кремационного могильника в с. Сухая Гомольша Змиевского района Харьковской области.

Городище, известное с первой половины XVII в. [1, с. 74], не раз привлекало внимание исследователей,¹ но масштабное изучение всего комплекса началось лишь после открытия грунтового могильника. Многолетние работы проводила здесь Средневековая экспедиция Харьковского госуниверситета под руководством В. К. Михеева (1969, 1973–1982 гг.), в результате чего была полностью вскрыта площадь могильника; кроме того, были частично исследованы городище и наибольшее из пяти выявленных здесь селищ. Материалы могильника опубликованы и проанализированы практически полностью [2; 3]. В значительно меньшей степени нашли своё отражение в печати итоги работ на городище и селище [2, с. 6–10; 4]. Несмотря на то, что практически три десятилетия научные исследования на памятнике не ведутся, на нелегальный рынок древностей,² а иногда

и в руки профессиональных археологов попадают отдельные вещи и даже целые комплексы, которые происходят из района Сухой Гомольши. Некоторые из них опубликованы и введены в научный оборот для изучения специалистами [Например: 5, с. 61–71; 5, с. 125–126; 7, с. 5–15].

Один из таких «комплексов», с которым нам удалось поработать ещё в 2005 г., и станет предметом разговора в данной публикации. Причиной нашего интереса к нему является присутствие в нём редких, а порой и уникальных предметов; их введение в научный оборот значительно дополнит наши представления о салтовской материальной культуре в целом. По сообщению информатора этот набор вещей был выявлен в лесу на правом берегу Северского Донца неподалёку от с. Сухая Гомольша при вертикальной зачистке блиндажа на немецких позициях второй мировой войны. От момента их обнаружения и до осмотра автором статьи прошло не более недели. Набор состоял из 82 предметов (Илл. 1): 80 железных и 2 каменных (оселки). Все железные предметы имеют следы пребывания в огне в виде окалины и свободных от ржавчины участков различной площади (некоторые предметы имели практически идеальную сохранность), в углублениях некоторых изделий сохранился плотный суглинок (супесь), свидетельствующий об их недавнем пребывании в грунте. По своему назначению артефакты можно разделить на несколько групп: орудия и предметы труда, предметы вооружения, элементы костюма и предметы личного пользования, конская упряжь. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Орудия и предметы труда.

В этой группе можно выделить орудия широкого спектра действия, а также специальные. К последним относим орудия сельскохозяйственного производства; кузнечный и слесарный инструмент, а также заготовки

1) Его в разные годы осматривали И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнёва, Б. А. Шрамко.

2) Проблема так называемой «черной археологии» и взаимоотношение с её представителями официальной науки требует отдельного рассмотрения; своё мнение мы высказали в одной из предшествующих работ [5, с. 120–121].

из чёрного металла; орудия по обработке дерева. Орудия общего назначения (широкого спектра действия) представлены двумя проушными хозяйственными топорами (Илл. 2: 1, 2) и пятью черешковыми ножами (Илл. 2: 3–7).

Первый из представленных топоров относится (по В. К. Михееву) к типу узколезвийных и имеет широкие аналогии в Восточной Европе [2, с. 39, рис. 24: 13–20], в том числе и на Сухогомольшанском могильнике (например, поминальный комплекс XVII [3, с. 99, рис. 81: 7]). Ширина лезвия второго топора несколько больше, чем у обычных узколезвийных изделий этой группы, но недостаточна для того, чтобы причислить его к группе широколезвийных [2, с. 39, рис. 24: 9–12]. Аналогии ему также известны на могильнике в Сухой Гомольше: погребение № 42 и поминальный комплекс V [3, с. 15, 99, рис. 17: 1; 19: 7].

Ножи имеют различную степень сохранности. Все они черешковые с упором для рукояти. Два из них – традиционные, без рёбер жёсткости (Илл. 2: 4, 6), а три изделия усилены рёбрами жёсткости. Наибольший из ножей имеет по обушку выступающее ребро жёсткости (Илл. 1: 7). Ещё у одного изделия нервюра имела весьма сложный профиль: два ребра – с одной стороны, и ещё одно – на противоположной (Илл. 1: 5). Обычные ножи без нервюры являются традиционными для салтовской культуры и имеют широкие аналогии на всей территории её распространения. Ножи с желобчатой нервюрой встречаются гораздо реже и, преимущественно в воинских комплексах (иногда совместно с обычными хозяйственными ножами с «гладким» полотном лезвия). Примером могут служить захоронения № 125, 175, 214 и 269, а также поминальные комплексы IV и XVI Сухогомольшанского могильника [3, с. 29–30, 40, 48, 59, рис. 30: 14; 40: 2–4; 41: 11–13; 48: 9; 69: 18–19; 19: 2; 72: 7–8; 73: 5–12], захоронения № 101 и 162 могильника Червоная Горка и комплекс № 1 в Новой Покровке [8, рис. 34: 8, 11, 12]. Аналогия ножу с ребром жёсткости в виде утолщения нам известна лишь одна (и также в сочетании с обычным ножом) – захоронение № 254 в Червоной Горке [8, рис. 34: 9, 10]. Редкая встречаемость ножей с рёбрами жёсткости позволяет предположить, что главное значение их было не бытовое (производственное). Тот факт, что они зачастую встречаются совместно с предметами вооружения и всадническим инвентарём сви-

детельствует в пользу того, что они, скорее всего, часть индивидуального вооружения ближнего боя. В связи с этой интерпретацией более понятным становится и наличие рёбер жёсткости, которые противодействуют деформации (стибанию) ножа в случае нанесения им прямого колющего удара, что, вероятно, и произошло с одним из найденных изделий (Илл. 2: 5).

Сельскохозяйственные орудия труда представлены наконечником пахотного орудия (скорее всего, череслом), двумя серпами и виноградным ножом. Чересло имеет общую длину 33 см. Его копьевидная рабочая часть размерами 13×6 см. Остальная часть представляет собою стержень прямоугольного сечения 3,2×1,5 см (Илл. 3: 4). Противоположный от лезвия конец стержня загнут под прямым углом к рабочей части, что образует несколько сужающийся «шип» длиной 5 см, который служил для крепления чересла к деревянной основе пахотного орудия. В салтовских древностях аналогия сухогомольшанскому череслу нам известна лишь одна – на городище Маяки, что на Северском Донце [2, с. 32, рис. 23: 3]. У маяцкого чересла близкие форма и размер лезвия – 10,2×4,9 см, однако длина стержня вдвое большая и способ его соединения с деревянной основой иной (с помощью длинного заострённого черенка). Близкие по форме и размерам изделия известны и на славянских памятниках конца I тыс. н.э. [9, с. 54, рис. 31].³

Серпы имеют практически одинаковые размеры: по 26,5 см от сохранившегося края лезвия до края черешка (по прямой) при ширине рабочей части 1,5–1,8 см. На их лезвиях в некоторых местах прослеживаются зубцы, направленные в сторону рукояти. Один из серпов крепился к рукояти с помощью шипа-столбика (Рис. 3: 3), другой – с помощью черешка (Рис. 3: 2). Оба изделия широко представлены в салтовских древностях, и относятся, соответственно, к первой и второй группам этих изделий [2, с. 45, рис. 25]. Находки столбиковых серпов известны и на Сухогомольшанском могильнике: в погребении № 123, поминальном комплексе XV, а также в его культурном слое [3, с. 96].

Виноградный нож (Илл. 3: 1) относится к так называемым ножам без топорика [10,

3) Однако здесь они интерпретируются как наральники.

с. 61]. Он имеет лишь дугообразное лезвие в 3,5 см и черенок ≈ 9 см, который дополнен столбиком для крепления его к рукояти (Илл. 3: 1). Он отличается от известных ранее виноградных ножей из Правобережного Цимлянского городища [11, с. 323, рис. 47: 8] и из Маяков [2, с. 42, рис. 19: 8]. Первый из них – втульчатый, имеет вдвое большие размеры и оснащён топориком; второй – черешковый (без столбика), но имеет общие размеры близкие к нашему виноградному ножу.

Кузнечный и слесарный инструмент представлен двумя клещами, молотком и двумя напильниками. Пара представленных клещей относится к разновидности шарнирных изделий с «короткой челюстью» [2, с. 89, рис. 35: 23, 24, 29]. И если большие, в связи с их длиной в 32,5 см, следует отнести к разряду кузнечных инструментов (Илл. 4: 5), то меньшие (длиной всего в 16 см) были, скорее всего, слесарными или использовались дляковки мелких изделий (Илл. 4: 3). Аналогии большим кузнечным клещам известны на Маяках, Правобережном Цимлянском и Мохначанском городищах, на селищах Мохнач-«П» и в Крыму на поселении Тау-Кипчак [2, с. 89, рис. 35: 24; 11, с. 324, рис. 49, 1; 12, с. 75, рис. 2: 6, 7; 13, с. 208–209, рис. 3: 2; 14, с. 81]. Меньшие по размеру клещи также имеют свои аналогии, хотя и в меньшем количестве: городища Маяки и Мохнач [2, рис. 35: 24; 12, с. 75, рис. 2: 5].

Молоток имел длину 11 см и размеры бойка 2,4×1,6 см (Илл. 4: 4). По форме и размером он традиционен для салтовских древностей и имеет немало аналогий – большинство их собрано в монографии В. К. Михеева [2, с. 89, рис. 35: 12–15]; практически идентичный молоток найден и на территориально близком Мохначанском городище [12, с. 75, рис. 2: 1].

Напильники были близки по своим размерам: 18,5×1,2×0,4 см и 17,5×1,6×0,5 см. Они имели двухрядную перекрещивающуюся насечку на обеих плоскостях и на рёбрах (Илл. 4: 1, 2; Илл. 5: 1–4). Известные нам на сегодняшний день напильники салтовской культуры имеют однорядную насечку и только на одной плоскости: это находки на городищах Правобережное Цимлянское и Маяки [2, с. 89; 11, с. 324, рис. 50: 7–9].

С железообработкой связаны и предметы труда – заготовки из чёрного металла,

которые имели вид вытянутых брусков прямоугольного сечения или полуфабрикатов (Илл. 6: 1–4). Наибольшая из заготовок, вполне возможно, предназначалась для изделия в виде полосы со сквозными подпрямоугольными отверстиями, которая также входила в данный набор железных предметов (Илл. 6: 5). Размеры последней составляли 34×2 см.

Деревообрабатывающие орудия труда представлены шестью резцами, двумя долотами и двумя пилами. Резцы однотипные: мощный стержень квадратного сечения, небольшое значительно изогнутое лезвие, зачастую усиленное ребром жёсткости.⁴ Отличия состоят лишь в оформлении конца, что противоположен резцу, – «лопаточной» (Илл. 7: 1, 3) или «на конус» (Илл. 7: 2, 4–6). Отличаются они и размерами: от 16 до 29,5 см. Аналогии таким резцам известны на городищах Мохнач [15, с. 231, рис. 9: 1, 2] и Правобережное Цимлянское [11, с. 324, рис. 48: 2; 16, рис. 13: 10].

Долота представлены однотипными стержневыми орудиями с длинным узким лезвием – тип-2 по В. К. Михееву [2, с. 71, рис. 32: 16, 20, 21]. Меньшее из представленных в анализируемом наборе артефактов орудие имеет длину стержня 20,5 см при квадратном сечении стержня 1×1 см (Илл. 7: 7). Второе долото, имея практически одинаковое с предыдущим размеры лезвия (1 см), обладало большими размерами: длина – 32 см, ширина расширяющейся рабочей части – 2,2 см (Илл. 7: 8). Аналогии этим деревообрабатывающим инструментам известны на городище Маяки [2, с. 71, рис. 32: 16, 20], в поминальном комплексе-VI могильника Сухая Гомольша, а также на памятниках Дунайской Болгарии [3, с. 99, рис. 20, 2]. Отметим две особенности нашего большого долота. Во-первых, оно имеет наибольшие размеры из всех известных нам салтовских изделий этого типа. Во-вторых, длина его рукояти составляет $\frac{1}{4}$ часть общей длины, тогда как у иных

4) В. К. Михеев относит их к токарным инструментам [2, с. 72], однако вопрос о наличии у салтовцев токарного станка остаётся открытым. Кроме того, известные более поздние токарные резцы по дереву имеют иную форму и заточку рабочей части. Скорее всего, эти резцы применялись для изготовления глубоких выемок и фигурных (не круглых) отверстий небольшого диаметра, которые можно видеть в этнографически зафиксированных упряжных транспортных средствах.

рукоять равняется половине общей длины изделия. Заметим, что ударные части обоих долот не расклёпаны, на них не прослеживаются следы ударов. Точно такая же рукоять и у долота, найденного в погребальном комплексе-VI на Сухой Гомольше.

Две пилы представляют собой небольшие ножовочные полотна с черешковым креплением к рукояти. Одна из них сохранилась полностью и в прекрасном состоянии. Её общая длина – 18 см (рабочая часть – 14 см) при максимальной ширине близ обушка – 1,7 см. В этом же месте пила имеет традиционное для ножа треугольное сечение, а начиная с середины рабочей части – ромбическое (Илл. 7: 9). Рабочий край оснащён зубцами, острия которых направлены от рукояти. Заметим, что на конце рабочей части (2,2 см) рабочие зубцы имеются и со стороны обушка. Вторая пила представлена фрагментом размерами 11,5×1,4 см (Илл. 7: 10). Длина черешка – 4,5 см. Односторонние зубцы традиционно направлены «от рукояти».⁵ Заметим, что первая из представленных здесь пил не имеет полных аналогий в салтовском круте памятников. Подобные изделия (пилы и их фрагменты) известны из материалов городища Маяки и в погребениях VIII–IX вв. на территории Дунайской Болгарии, а также в кремационном погребении № 103 Сухогомольшанского могильника [2, с. 71, рис. 31: 8, 10; 3, с. 100, рис. 25: 23; 17, обр. 115: 5]. Заметим также, что данные пилы могли использоваться для работы не только с деревом, а также костью и рогом.

Предметы вооружения.

Данная группа вещей представлена вооружением дистанционного и ближнего боя. Оружие дальнего боя представлено наконечниками стрел и деталями от колчана. К оружию средней дистанции можно отнести наконечники копий, а к вооружению, используемому в ближнем бою, следует отнести саблю с остатками ножен и портупей, а также боевой топор.

Набор черешковых наконечников стрел насчитывает 15 экземпляров, которые, на основе типологии, предложенной А. В. Крыгановым [18, с. 98–99], можно разделить на несколько

типологических групп. Наибольшее количество (7) представляет тип-3 – трёхлопастные килевидные узкие (Илл. 8: 1–7). Пять экземпляров – это тип-4 – трёхлопастные остролистные (Илл. 8: 10–14). Пара наконечников относятся к типу-7 – плоские, лезвие в виде лопаточки с прорезью – «срезни» (Илл. 8: 8, 9). Единственный экземпляр относится к типу-9 – гранёный узкий шиловидный квадратного сечения (Илл. 8: 15). Аналогии им в наибольшем количестве собраны в диссертациях А. В. Крыганова [19, с. 29–33] и В. С. Аксёнова [8, с. 93–95]. Здесь же считаем необходимым указать, что 4 килевидных узких и 1 остролистый найдены при исследовании кремационного могильника Сухая Гомольша [3, с. 113–114].

Детали колчана представлены крючком и скобой. Колчаный крючок (Илл. 8: 16) относится к весьма распространённой группе пластинчатых изделий, к типу-2 – с пластиной шестиугольной формы [18, с. 100]. Аналогии ему известны в культурном слое Сухогомольшанского могильника [3, с. 115] и в погребении № 254 могильника Червоная Горка [8, с. 97, рис. 32: 21]. Скоба от колчана относится к пластинчатым изделиям этой категории и по своей форме тяготеет к типу-1 – с овальными пластинами [18, с. 100]. Аналогии им довольно хорошо известны в салтовской лесостепи [8, с. 96; 20, рис. 71, 3; 2, рис. 14: 19; 30: 6, 7].

В представленном наборе присутствует 2 втульчатых наконечника копья. Больше из них относится к типу-5 с овальным листовидным лезвием [18, с. 103]. Его общая длина составляет 29,3 см, из которых 13 см приходится на лезвие (Илл. 9: 2). Аналогия этому наконечнику нам известна лишь одна – в погребении № 100 могильника Червоная Горка [8, с. 87, рис. 26: 2]. Второй из наконечников (Илл. 9: 3), имеющий общую длину 26 см, относится к варианту-2 типа-6 – с нервюрой, проходящей практически через всё лезвие и с отверстиями в лопастях [18, с. 103]. Аналогии им известны гораздо в большем количестве, чем для ранее описанного наконечника, в том числе и в Сухой Гомольше [например: 8, с. 88, рис. 25; 26, 1; 5, с. 67, рис. 4: 1].

Боевой топор представлен единственным экземпляром (Илл. 9: 1). Его длина – 31 см, ширина лезвия – 4 см, размеры прямоугольного обушка – 2×1 см. По классификации А. В. Крыганова его следует отнести типу-1 –

5) Что характерно и для современных ножовочных полотен по металлу.

с треугольным лезвием и молоточковидным обушком [18, с. 104]. Однако он отличается от известных изделий этого типа почти вдвое большими размерами, приближаясь к отдельным изделиям иных типов: в поминальных комплексах III и V Сухогомольшанского могильника [3, 109–110, рис. 55: 7; 19: 4]. Ещё одна типологически и по размерам близкая пара топоров происходит также из Сухой Гомольши [5, с. 67, рис. 4: 3, 4].

Сабля (с остатками ножен и португеей) была найдена в скрученном на 4 изгиба состоянии (Илл. 9: 4). Общие продольные размеры предмета составляют ≈ 87 см. Длина лезвия – ≈ 71 см, из которых на елмань приходится ≈ 12 см. Кривизну лезвия в таком состоянии полотна определить затруднительно, его ширина близ рукояти составляла 4,5 см при толщине обушка – 0,7 см. Профиль лезвия – треугольник, у елмани – ромб. На основании формы перекрестья данный экземпляр можно отнести к типу-2 – с прямыми концами. Они довольно широко известны на салтовских памятниках, в том числе и в Сухой Гомольше [5, 65, рис. 1: 4; 8, 83–84, рис. 25]. Размеры перекрестья в плане составляют $9,6 \times 2,2$ см. Величина прямоугольной в плане прорези для клинка – $1,7 \times 0,7$ см. С остатками ножен мы связываем фрагмент скобы для подвешивания сабли на португее (Илл. 9: 5). Практически идентичны ей остатки подобной скобы из погребения у с. Тополи [8, рис. 21: 2]. Как навершие для рукояти или бутероль может быть интерпретировано следующее изделие: в виде «стаканчика» с тремя заклёпками для крепления к деревянной основе (Илл. 9: 8). Аналогии ему известны в погребениях могильника Червоная Горка [8, рис. 21: 4, 5]. К элементам усиления ножен мы, предположительно, относим ещё два железных предмета (Илл. 9: 6, 7).

Элементы костюма и предметы личного пользования.

К данной группе предметов относятся 2 фибулы, элементы ременной гарнитуры, кресало, 2 оселка и ключ.

Железные фибулы относятся к двучленным с плавно изогнутой спинкой с нижней тетивой и низким пластинчатым приёмником (тип-1 по В. С. Аксёнову). Одна из них (Илл. 10: 2) соотносится его с первым отделом – с квадратной в сечении спинкой; другая

(Илл. 10: 1) – с его третьим отделом, который характеризуется прямоугольным сечением спинки [3, с. 125–126; 8, с. 112–113]. В работах указанных авторов приведены и многочисленные аналогии таким фибулам; дополнительно заметим, что ранее в могильнике на Сухой Гомольше таких фибул найдено уже более полутора десятков. Считаем необходимым обратить особое внимание на остатки орнамента в виде зигзагообразных линий, которые прослеживаются на приёмнике фибулы со спинкой прямоугольного сечения (Илл. 5: 5; 10: 1).

К ременной гарнитуре относятся поясные пряжки. Одна из них имела короткую прямоугольную рамку и снабжена длинным (5 см) щитком с овально-заострённым окончанием (Илл. 10: 3). Аналогий им на Сухой Гомольше – нет [3, с. 129–130]. Наиболее близкая к ней (по размерам щитка), из известных нам, происходит из могильника в Новой Покровке [8, с. 113, рис. 43: 5]. В анализируемом наборе присутствовало изделие, которое мы склонны интерпретировать как основа щитка от ещё одной пряжки (Илл. 10: 5). Ещё одна поясная пряжка (Илл. 10: 6) относится к отделу щитковых и довольно традиционна по своей форме и размерам. Аналогии ей широко известны на памятниках конца I тыс. н.э. на юге Восточной Европы, в том числе и в Сухой Гомольше [3, с. 129–130]. Заметим, что в двух первых случаях щитки крепились к ремням с помощью нескольких заклёпок. В поясной набор входил и наконечник от пояса (Илл. 10: 4), который относится к коробчатым изделиям с дополнительными петельками для крепления к кожаной основе пояса. Аналогии ему известны на могильниках Сухая Гомольша, Червоная Горка, Тополи [21, с. 101, рис. 31: 2; 8, с. 118; 3, с. 133 – соответственно].

Вещи индивидуального пользования представлены кресалом, ключом от навесного «лепесткового» замка и двумя сланцевыми оселками. Кресало было плоским, овальным в плане с размерами $8,2 \times 2,7$ см (Илл. 10: 9). Его можно отнести к пластинчатым изделиям не калачевидной формы (тип-1), Хотя по своей форме (овал) оно отличается от прямоугольных изделий указанного типа и не имеет прямых аналогий, однако одно из кресал Сухогомольшанского могильника (погребение № 233) имеет явно выраженные закруглён-

ные углы [3, с. 104, рис. 15: 24]. Ключ с фигурной бородкой (Илл. 10: 10) является принадлежностью цилиндрического навесного замка с пружинно-пластинчатым лепестковым секретом. Аналогии такому ключу в салтовских древностях нам не известны. В целом же, такие навесные замки, равно как и аналогичные ключи, весьма характерны для древнерусской материальной культуры [22, с. 152–160]. Однако остатки таких замков нечасто, но встречаются и в салтовском материале [16, рис. 16: 8; 20: 1]. Оселки представлены двумя изделиями из серого мелкозернистого сланца. Один из них обломан и, вследствие этого, не досверлен до конца (Илл. 10: 7), другой сохранился полностью (Илл. 10: 8).

Конская упряжь.

Изделия этой группы представлены удилами, парой стремян, ременной пряжкой и соединителями ремней.

Данные удила (Илл. 11: 5) традиционно состоят из двух звеньев со сдвоенными отверстиями на внешних концах и дополнительными кольцами для оголовья. Они относятся ко второму типу этих изделий, характерной чертой которого являются S-видные псалии [8, с. 67–68; 18, с. 106]. В работах выше упомянутых авторов приведены и их аналогии, наиболее близкая из которых случайно выявлена также в Сухой Гомольше [5, рис. 2: 4]. Стремёна, являющиеся частью снаряжения коня «под верх», относятся к наиболее распространённому в салтовской культуре типу-1 варианта «Б» (Илл. 6: 6) – с петлёй подпрямоугольной формы для путлища и узкой подножкой с одним жгутом для её усиления [8, с. 80–82]. Аналогии им широко известны как в степной, так и в лесостепной зоне юга Восточной Европы, в том числе и в трёх комплексах Сухогомольшанского могильника [3, 122; 5, рис. 2: 2]. Единственная ременная подпружная пряжка (Илл. 11: 2) относится к первому варианту типа-I и является широко распространённым элементом конской упряжи в значительном хронологическом и территориальном диапазоне [8, с. 78].

Соединители ремней представлены двумя видами: однозвенными – 7 экземпляров (Илл. 11: 1) и трёхзвенными на соединительном кольце – 3 экземпляра (Илл. 11: 6). Последние использовались для оголовья [8, с. 72], где ремни имели чётко фиксируемые

размеры, а однозвенные могли иметь более широкое применение в упряжи, где ремень необходимо было чаще подтягивать или развязывать (например: на ремнях круп животного). К этой же группе изделий мы отнесли и два кольца, которые также использовались для соединения ремней на теле животного. Одно из них изготовлено из уплощённо-овального в сечении прута и имело внешний диаметр 4,2 см (Илл. 11: 3). Второе – фрагментировано; оно изготовлено из прута квадратного сечения и имело диаметр ≈ 7 см (Илл. 11: 4). Аналогичные кольца также часто встречаются в салтовских древностях.

* * *

Представленный в работе набор предметов, безусловно, относится к салтовской археологической культуре, что подтверждается многочисленными аналогиями. Обстоятельства его обнаружения не позволяют утверждать, что перед нами изначально единый комплекс в его полном наборе. Однако, считаем возможным обратить внимание на комплекс № 252 могильника Сухая Гомольша, который также насчитывает значительное количество (около 60) артефактов [3, с. 55–56, рис. 62–64]. Сближает наш набор предметов с этим комплексом не столько количество, сколько качественное сходство по категориям вещей. Практически полное сходство наблюдается в номенклатуре предметов вооружения и лошадиной упряжи; в обоих наборах присутствуют орудия труда (в том числе сельскохозяйственного и ремесленного), предметы быта и индивидуального пользования, украшения и принадлежности пояса.

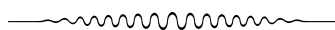
В связи с неоднозначностью определения рассматриваемого набора артефактов как единого комплекса сложно говорить и о его общей датировке как таковой. Если же допустить, что перед нами цельный комплекс, происходящий из единого кремационного захоронения, то это представляется вполне возможным. Обращает внимание тот факт, что в наборе отсутствуют предметы, которые относятся исключительно к финальной фазе салтовской культуры. Вместе с тем, здесь присутствуют находки, которые свойственны её начальной фазе (перекрестье сабли и форма скобы от её портупей, наконечник стрелы «лопаточкой», предметы ременной гарниту-

ры), а также фибулы и наконечник копья с прорезным пером, которые характерны для рубежа VIII–IX вв. Это позволяет предложить датировку рассмотренного в данной работе набора вещей как вторая половина VIII – начало IX вв. Это в значительной мере совпадает с хронологией погребения № 252 могильника в Сухой Гомольше, который представляется нам наиболее близким и по набору вещей. Если верно наше предположение, что этот набор вещей является единым комплексом, то в таком случае его можно отнести к кругу салтовских кремационных захоронений воинов-всадников.

В конце публикации заметим: выявление данного комплекса и подобных ему [5] свидетельствует о том, что близ с. Сухая Гомольша существует ещё один кремационный могильник не известный пока представителям официальной науки.

Литература

1. Книга Большому Чертежу. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 232 с.
2. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев – Харьков: Вища школа, 1985. – 148 с.
3. Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // ХА. – Т. 5. – К.–Харьков, 2006. – 306 с.
4. Михеев В. К., Дяченко А. Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша / В. К. Михеев, А. Г. Дяченко // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – Вип. IV. – К.: Наукова думка, 1972. – С. 275–283.
5. Аксёнов В. С. Нові випадкові знахідки комплексів воїнів-вершників салтівського часу на Харківщині / В. С. Аксёнов // АЛЛУ, 2005. – № 1–2. – С. 61–71.
6. Колода В. В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Северодонечья / В. В. Колода // ХА. – Т. 6. – К.–Харьков, 2007. – С. 120–132.
7. Колода В. В. К вопросу о салтовских сундучках-ларцах / В. В. Колода // Харьковский археологический сборник. – Вып. 4. – Харьков: Мачулин, 2009. – С. 5–15.
8. Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами ґрунтових могильників). – Дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 1999. – 217 с. – Рукопись / Архив Харьковского исторического музея).
9. Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов – М.: Наука, 1987. – 236 с.
10. Vincze I. Rebmesser in Ungarn / I. Vincze // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1958. – V. VII. – № 1–2. – S. 61–95.
11. Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. / С. А. Плетнёва // МАИЭТ. – Вып. IV. – 1994. – С. 271–397.
12. Колода В. В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище / В. В. Колода // ХА. – Т. 1. – Харьков, 2002. – С. 69–78.
13. Колода В. В., Колода Т. А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии / В. В. Колода, Т. А. Колода // ХА. – Т. 8. – К.–Харьков, 2009. – С. 203–215.
14. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья / И. А. Баранов – К.: Наукова думка, 1990. – 168 с.
15. Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) / В. В. Колода // ХА. – Т. 4. – К.–Харьков, 2005. – С. 216–233.
16. Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. / В. С. Флёров // МАИЭТ. – Вып. IV. – 1994. – С. 271–397.
17. Въжарова Ж. Н. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България) / Ж. Н. Въжарова — София: Изд-во Българската Академия на науките, 1976. – 448 с.
18. Крыганов А. В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) / А. В. Крыганов // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепр-петровск: Изд-во ДГУ, 1989. – С. 98–114.
19. Крыганов А. В. Вооружение и конное снаряжение кочевников юга Восточной Европы. — Дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1987. – 371 с. – Рукопись / НА ИА НАНУ. – Ф. 12. – № 656.
20. Винников А. З., Плетнёва С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнёва – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – 216 с.
21. Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине / Ю. В. Кухаренко // КСИИМК. – 1951. – Вып. 41. – С. 99–108.
22. Колчин Б. А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). – МИА. – 1953. – № 32. – 259 с.

КЪМ РАЗБИРАНЕТО НА БИРИТУАЛИЗМА И ОБРЕДА НА КРЕМАЦИЯТА ПО ПРИМЕРИТЕ НА НЕКРОПОЛИТЕ РАЗДЕЛНА, ДЕВНЯ 3 (БЪЛГАРИЯ) И СУХАЯ ГОМОЛША, КРАСНАЯ ГОРКА (УКРАИНА)

Посвещава се на паметта на В. К. Михеев

Ключевые слова: Разделна, Девня 3, Сухая Гомолша, Красная Горка, биритуалните некрополи, обредът на кремацията.

Идеята да бъдат съпоставени биритуалните и некрополите с кремация, оставени от долнодунавското население и това, обитавало ареала на салтово-маяцката култура (СМК) беше реализирана за първи път от авторите на тези редове през 2009 г. [1, с. 171–183]. Като всеки първи опит и тази работа не беше лишена от неизбежни грешки, които се състояха в преповеряване на някои отживели вече хипотези¹. Предвид сложността на проблема, без претенцията за по-капитални, включително и исторически заключения и интерпретации, беше направена още една крачка, чиято цел беше да сравни фактите изцяло на емпирично ниво (2, с. 32–37; 3).

Разкопките и последвалите ги въпроси, свързани с населението, което е погребвало своите покойници чрез обряда на кремацията на юг от Долен Дунав не са получили все още изчерпателни отговори, а заради съществуващите дадености това едва ли е възможно. През 1959 г. в България е открит най-големият некропол с кремация в близост до новостроящата се гара Разделна, Варненска област (Обр. 1; 2). Основните гробни съоръжения са плитките ями с овална форма, урните и каменно-тухлените касети. Поради това че некрополът се явява първият по представителен паметник в българските земи, а и поради оскъдния инвентар, който би могъл да насочи към някаква по-конкретна дата, авторът се въздържа, с право, от определяне на етническата интерпретация [4, с. 56–60; 5, с. 120–152]. Едва през 1992 г. немския изсле-

довател У. Фидлер, цитирайки и не малко български автори по-категорично интерпретира еднообредните некрополи с кремация на Долен Дунав като славянски [6, с. 358–363]. През 2003 г., основавайки се и на свои по-стари наблюдения, М. Даскалов прави цялостна характеристика на елементите на погребалния обред: практикуване на кремация, наличие на безмогилни гробове, поставяне в гроба на повече от един съд-урна, както и на обезличен железен предмет. Направените тогава съпоставки позволяват на М. Даскалов да свърже описаните елементи с населението на Волинцевската култура, а по данните на единствения писмен източник – хрониката на Теофан Изповедник, той смята, че това са представители на славянското племе севери [7, с. 252–254]². Относно изчерпателността на тази авторова хипотеза ние ще се въздържим от коментар, но ще приведем и някои други становища. Генезисът на Волинцевската култура е сложен и противоречив, тази култура обхваща разнообразни паметници, а една от отличителните ѝ черти е нееднородният керамичен комплекс [9, с. 130–131]. По данните на И. В. Зиньковская основните съоръжения на гробовете от сахновско-волинцевски тип се явяват ямите (79,4 %), вкопаните площадки (17,6 %), някои от които са с дървена конструкция (3%) [10, с. 85]³. С други думи относителният дял на урновите гробове във Волинцевската култура е твърде малък, докато този в Разделна достига до 50 % (Табл. 1)⁴.

2) Данните на Теофан Изповедник са най-всестранно коментирани в работите на изтъкнатият български историк и епиграф В. Бешевлиев (напр. [8, с. 17–25]).

3) Авторите изказват своята признателност на Ирина Владимировна Зиньковская за това, че през 2009 г. тя ни предостави текста на дисертацията си.

4) Недостатъчните, а понякога и противоречиви данни не ни позволиха да съставим диаграми с относителни дялове.

1) Значителна трудност са и пестеливите попълнения с нова литература от Украйна и Русия през последните две десетилетия.

Проблемът за приемствеността между славянските култури и ранносредновековното долнодунавско население вълнува и автори от по ново време. Интересни са резултатите, добити чрез анализа на керамичния материал и погребалния обред на група Ипотещ-Къндещ-Чурел в Румъния. Чрез разработването на нова методология на керамичните форми, Е. Теодор използва някои убедителни факти: на първо място че тези керамични форми трудно биха могли да се свържат с онези, известни от т.нар. славянска прародина, на второ място от приблизително 1600 гроба с кремация от Румъния, само в 300 човешките останки са били полагани в съдове-урни [11, с. 224–235]. Българската изследователка Р. Колева също отбелязва, че керамичните комплекси от Украйна и Полша, датирани близо половин век по-рано, имат много малко общи черти с тези, които са известни от България [12, с. 163–182].

Приведените примери засягат един значително по-обширен проблем, а именно не съществува ли известно противоречие между писмената традиция и археологическите свидетелства. Вероятно поради наложения отдавна стереотип, ние очакваме, че между културата на мигриращите човешки популации и тяхната стара родина не би трябвало да съществуват разлики [11, с. 234]. Тълкуването на езическите некрополи на Долен Дунав, в които се практикува кремация и биритуализъм напълно опровергават този стереотип ⁵.

Ето защо авторите на настоящите редове насочиха своите усилия към съпоставката на сравнително синхронни паметници, каквито са некрополите с кремация при гара Разделна (Варненска област, България) и Сухая Гомольша (Змиевски район, Харковска област, Украйна) от една страна, а от друга поставят въпроса: съществуват ли връзки между практикувания в тези некрополи обред с обряда на кремацията и инхумацията в биритуалните некрополи при Девня 3 (Варненска област, България) и Красная Горка (Балаклеийски район, Харковска област, Украйна). Предлаганите съпоставки не са самоцел. Постигнати чрез метода на количествения анализ, по данните на достъпните публикации (Табл. 1), те позволяват да се проследят не толкова преки-

те аналогии, а далеч по-съществените – сходните процеси.

Че етническата интерпретация на населението, изгаряло и погребвало своите покойници в некропола при Сухая Гомольша е проблематична, колкото впрочем е проблематична и ситуацията при Разделна, говорят разнопосочните аналогии, приведени в монографичната работа на В. С. Аксёнов и В. К. Михеев [13, с. 176–187], както и студията на О. Б. Бубенок и В. С. Аксёнов [14, с. 103–139] и приведената там литература.

При конкретните съпоставки ние се натъкнахме на деликатен проблем, касаещ състоянието на публикувания илюстративен материал. Отсъствието на каквато и да е графична документация от провежданите от Д. Ил. Димитров разкопки в периода 50-те – 70-те год. на XX в. наложи използването на фотографските материали от проучванията⁶. Обратно, всички известни ни публикации на Сухая Гомольша и Красная Горка са съпроводени с графични илюстрации.

Данните за наличие на клада в Разделна са доволно неясни. Допуска се, че едно съоръжение, разчистено при съмнителни обстоятелства, би могло и да се интерпретира като клада. Планове и чертежи към настоящия момент не са публикувани, във фотодокументацията те също отсъстват. По данните на Д. Ил. Димитров “кладата”, значително унищожена от изкопни дейности, е имала форма на правоъгълник, ориентирана С-Ю, с обща дължина 12 м. Стените ѝ са изградени от ломени и речни камъни на глинеста спойка, а напречен зид е разделял правоъгълника на две квадратни помещения. По (немногобройното – бел. Е.К) количество кости и петна пепел се предполага, че в едно от тези квадратни помещения е била извършвана кремацията, а в другото се е състояла подготовката на тялото на покойника [5, с. 121].

Количествено преобладаващи в Разделна са урновите гробове, следвани от каменно ту-

5) Разбира се той се отнася и за т.нар. прабългарски групи във Велика България, Първото българско царство и тяхната материална култура, но този проблем ще бъде разгледан в друга работа – бел. Е.К.

6) Всички използвани в каталога фотографии принадлежат на покойния Д. Ил. Димитров. Те се съхраняват в Регионален исторически музей – Варна и се публикуват със съгласието на неговия директор В. Плетньов. Финансите за техническата обработка на фотографските ленти са предоставени през 2008 г. чрез Министерството на образованието на Република България, Фонд научни изследвания за подпомагане на аспиранти на НАИМ-БАН. Финансите за техническата обработка на друга част от фотоархива на Д. Ил. Димитров са осъществени за моя лична сметка – бел. Е.К.

[illegible]

Таблица 1. Елементи на погребалния обред на кремацията в некрополите Разделна, Девня 3 (България), Сухая Гомолша, Красная Горка (Украйна), според достъпната литература и архивни материали

хлените касети (Таблица 1, раздел VI), (Обр. 5; 6: 1–4; 7). С незначителни изключения кости-те в гробното пространство са поставяни след предварително почистване. В преобладава-щия случай урните са поставяни с устията на-горе (Обр. 5), рядко пъти са били покривани. За покритие са ползвани дъна на съдове (в 32 гроба), също изработени от пясъчлива глина (Обр. 7: 3–4), каменни отломъци или натро-шени късноантични тухли и керемиди (в 19 гроба) (Обр. 7: 2, 5–6). По данните на У. Фид-лер всяка пета урна е била защитена с някак-во покритие [6, с. 276].

Урновите гробове в Разделна биват еди-нични, двойни, тройни и четворни. Броят на колективните гробове е 26. Предполага се, че те са резултат на едновременно смърт. Сред биритуалните некрополи колективните гро-бове с кремация срещат интересни паралели. Техният най-висок относителен дял е регис-триран в Балчик – общо в 21 гроба⁷, в тях са погребани кремираните останки на деца и възрастни индивиди [15, с. 188].

Наличието на каменно-тухлени касети е определено от У.Фидлер като местен фе-номен, обусловен от природните дадености на средата [6, с. 277]. В Разделна те също са сравнително добре представени (Табл. 1, раз-дел VI, Обр. 10). Прави впечатление, че съдо-вете-урни, положени в каменни касети нямат покритие, вероятно защото самата касета е била защитена с такова. Сред групата на ед-нообредните некрополи тези каменно-тухле-ни гробове срещат добър аналог в Блъсково и Гарван от България, а така също и в Сату Ноу, Кастелу, Налбант и Гърлица (Румъния). Пак от зоната на Западното Черноморие обаче подобни каменни “стаички” са познати и от биритуалните некрополи като Варна, Балчик и Топола, а в близко разположените на около 10 км, при Девня, техният относителен дял надвишава 70% [16, с. 58; 17, с. 9]. Нещо пове-че, подобни гробни съоръжения в Девня 3 са използвани при ритуалите на инхумация, ко-ето по-скоро би могло да намекне за два раз-лични варианта на един и същ обред, откол-кото за два различни (Обр. 11: 1–3)[18, с. 27].

Че сходни елементи на обряда могат да се регистрират както в еднообредните, така и в биритуалните некрополи говори наличие-

то на животински останки (Табл. 1, раздел X, Обр. 6: 2, 6, 7). Допускането на Д. Ил. Дими-тров, отразено и в нашата таблица, че късове или цели животни са полагани на кладата, заедно с човешкото тяло следва да се приема със скептицизъм. Изглежда, че този ритуал е следван в детайли, защото останките от жи-вотни – глава, крайници и части от трупа са полагани еднакво внимателно и в една и съща последователност, както в гробът от Разделна, така и в гроба с инхумаия от Балчик.

Подобно на разделненския некропол, но всъщност и като много други, оставени в различно време и от различни култури, пре-ди заравянето на мъртвите в Сухая Гомолъша, те са били изгаряни в страни от некропола. Кладата има сърповидна форма и се разпо-лага източно от оградения ров непосред-ствено върху земната повърхност⁸. Тя е била покрита с дървени въглени, петна опечена глина, парчета стъклена шлака и някои дреб-ни предмети, откривани като гробен дар [19, с. 159; 13, с. 73].

В. С. Аксенов прави опит да проследи оп-ределени закономерности в съотношението очистени/неочистени от кладата останки, ко-ето е 32,5% : 67,5 %. Според типа на гробните съоръжения относителният дял на този при-знак се разпределя почти по равно – от ям-ните 16,8 % (52 от всички 317 гроба) съдържат очистени останки, а от урновите 15,7 % (50 от всички 317 гроба) [20, с. 372–385].

Гробните съоръжения в същия некропол, за разлика от известните от България биват единствено ямни и урнови. Двата вида съоръ-жения са относително равномерно представе-ни, като ямните незначително преобладават. Съотношението между тях е 55,5 %: 44,5 % (177 ямни : 140 урнови гроба) [19, с. 159]⁹. На цялата територия на некропола урновите и безурновите съоръжения се срещат заедно, като не образуват самостоятелни локални групи. В отделни участъци едните преобла-дават над другите.

Ями с овални очертания имат 107 гроба. Характерно за тях е голямото количество

8) «Сърповидната форма» на кладата се обяснява със земеделската дейност в района, която до голяма степен е унищожила паметника. Откривателят В. К. Михеев отбелязва, че съвременното състояние на кладата не подлежи на надеждна реконструкция.

9) В първичната и последвалата 20 години по-късно монографична публикация на некропола съществува из-вестно разминаване в данните. Във втората се съобщава, че съотношението е 56,4% : 43,6 % или 179 ямни : 138 ур-нови гроба [13, с. 74].

7) Поради това, че некрополът в Балчик в проучван от двама различни ръководители, ние се позоваваме един-ствено на експедициите, проведени в периода 2004–2008, в които сме участници с ръководител Л. Дончева-Петкова.

натрошени съдове в насипите. Кръглите и правоъгълните ями са по-слабо представени, съответно при 63 и 10 гроба. Всички те са сравнително плитко вкопани – до 0,50–0,70 м от нивото на съвременния терен. Размерите им се колебаят, прави впечатление, че най-малки са кръглите ями, които не съдържат инвентар.

В зависимост от положението на урната в ямата и отново наличието или отсъствието на следи от кладата, изследователите на сухогомолшанския некропол разделят всички урнови гробове (означени с тип II) на осем варианта [13, с. 79–92; 20, с. 380–387], от които известни аналогии в България имат следните варианти:

1. (II-1) Урни, чиито устия са обърнати към дъното на ямата, съдържащи очистени от кладата останки – 6,9 % (22 гроба) (Обр. 8: 1, 3).

2. (II-2) Урни, чиито устия са обърнати към дъното на ямата, което от своя страна е застлано с органичен материал. Тези урнови гробове съдържат също очистени от кладата останки – 2,5 % (8 гроба) (Обр. 8: 2).

3. (II-3) Урни с обърнати към дъното на ямата устия и съдържащи неочистени останки и следи от кладата – 13,9 % (44 гроба) (Обр. 8: 4–6).

4. (II-4) Урни, изправени в ямата, непокрити – 4,4 % (14 гроба, при два от които са използвани амфори с отчупени гърла и в един – гърне) (Обр. 8: 7)

5. (II-5) Урни, изправени в ямата и покрити с похлупак, който предствлява или стена, или дъно от друг съд. Съдържат очистени човешки останки – 1,9 % (6 гроба) (Обр. 8: 9).

Съвкупността от данните, предложени в монографичната работа на В. С. Аксенов и В. К. Михеев, дава следната информация за ориентациите в Сухая Гомолша. Доминираща е западната ориентация (каквата в Разделна не може да се установи – бел. Е.К). Съществен относителен дял имат гробовете с ориентация север-юг, при това разположени в VI-та териториална група. Малка част от гробните комплекси имат североизточна ориентация, като в териториални групи IV, V и VI тя не се среща изобщо. Посоката запад-изток се наблюдава при 100 % от поминалните комплекси с тайници, които нямат кръгла форма (такива са само комплекси III и IV – [13, табл. 1].

Интересен елемент от погребалния обред представлява поставянето на части от животни, които на този етап изследователите ин-

терпретират като жертвена храна. Наличието на животински останки сред некрополите от Донецката група кремации в ареала на СМК е известно само от Сухая Гомолша. Те са негоярели и се откриват единствено в урнови гробове. Относителният им дял е малък – 0,3 % спрямо общия брой гробове в некропола [13, с. 79, 181–182].

Обредът на кремацията в Красногорския некропол показва чувствителна близост със Сухогомолшанския. Би могло да се допусне, че тя е обусловена и от териториалната близост. При някои от частично публикуваните гробове от Красная Горка е установено, че след свалянето от кладата човешките останки също са били грижливо очиствани от въглени и пепелта [21, с. 45].

Данните от антропологичния анализ говорят, че погребенията са предимно единични и само в един случай изследователите се натъкват на троен гроб (№ 101), но повече информация за полово-възрастовите характеристики на погребаните в него засега не са известни [22, с. 182; 23, с. 225].

Гробните съоръжения, в които са полагани кремираните останки, както и в Сухая Гомолша, биват ямни (74 броя) и урнови (44 броя). Всички те се отличават със своята плитка дълбочина на вкопаване, между 0,20–0,45 м.

Според своята форма ямните съоръжения биват кръгли, елипсовидни или правоъгълни. Относителният им дял не е известен. Костните останки обикновено са равномерно разпръснати на цялата площ на гроба, а при някои от кръглите ями предметите от инвентара заемат западната половина на гробното пространство. Пак сред кръглите ями е констатирано и изграждането на ниша, също с овална форма, предназначена за съхраняване на метални предмети – въоръжение и конска сбруя. Допълнително обмазване с глина по стените и дъната на ямите, както и подсипки с пясък, каквито са известни от Сухая Гомолша, сред ямните гробове от Красная Горка не са познати [21, с. 45].

Ориентацията на ямните гробове заема секторите североизток и север-североизток, а някои от гробовете имат и южна ориентация.

Изследваните 44 урнови гроба показват, че подобно на ямните съоръжения, и тук костите са поставяни в керамичния съд-урна след предварително очистване. Повечето от урните са поставяни в плитки ями с устията нагоре, а в 10 случая са били покрити с големи парчета от натрошени съдове. Би могло да

се предположи, че останалите урни са били покрити с нетраен органичен материал.

По данните от два публикувани гроба – колективният № 101 и единичният 216/к-19 може да се каже, че за урни са избирани съдове с по-голяма вместимост. Три от тях са двудръжни питоси с излъскана повърхност, а четвъртият – пестчливо гърне с връзана украса. Прави впечатление, че тези съдове се превръщат във вместилища на човешки останки след известна употреба в домакинството, тъй като някои от тях са с нарушена в миналото цялост. Калцираните кости изпълват урната наполовина, а върху тях се поставят предметите от гробния инвентар. В гроб № 216/к-19 останките са покрити с бучки охра [22, с. 185]. И тук, подобно на ямните гробове, изследователите се натъкват на т.нар. «съпровождащи комплекси». На около 2 м западно от гроб № 216/к-19 в дълбока 1,05 м яма е разкрит скелет на кон, положен на левия си хълбок. В близост до задните крайници на животното са разчистени юзда и стремена, а из цялото гробно пространство – апликации от коланна гарнитура, конски начелник и кръгли пластинки (авторите ги наричат и фалери), украсявали ремъците от сбруята [22, с. 185–187].

В обширния ареал на Източноевропейските степи Красная Горка засега е единственият некропол с ясно доловими прояви на биригуализъм, изразяващи се в практикуването на два различни обряда – трупоизгаряне и трупополагане. Малкото публикувани гробове с кремация насочват търсенето на паралели на първо място в близко разположеният Сухогомолшански некропол. Именно там сред гробните съоръжения от тип I (по [20, с. 191–218]) са разкрити ями, в които изгорените човешки останки са равномерно разпръснати на цялата площ на гробното пространство. Близост се наблюдава и във формата и размерите на гробовете, които, както и в Сухая Гомолша биват елипсовидни, кръгли и правоъгълни. Редица сходства могат да бъдат посочени и по отношение на урновите кремации. Както беше отбелязано по-горе, в 21 гроба от Сухая Гомолша урните са изправени с устията нагоре, съдържат очистени от кладата останки и са покрити с фрагменти от натрошени съдове. Съществена разлика тук се явяват формалните характеристики на съдовете, използвани за урни. Ако в Сухая Гомолша са познати само два двудръжни питоса, то в Красная Горка броят им значително нараства. Допълнителните наблюдения върху състава на инвентара

от двата некропола навежда изследователите на заключението, че Красная Горка възниква в по-късен период [21, с. 48]. Следователно би могло да се допусне, че част от гробовете с кремация са резултат на миграция на население от сухогомолшанската община към селището на населението, оставило некропола Красная Горка.

Заключение

От приведените, макар и не изчерпателни примери с близко разположени еднообредни и двуобредни некрополи от България и Украйна (каквито на този етап са само Сухая Гомолша и Красная Горка) става ясно, че според характеристиките на своя погребален обред, изразяващи се оформяне на гробното съоръжение, ориентация и състав на инвентара, двата практикувани обряда – на кремацията и инхумацията показват много повече общи черти помежду си, отколкото с паметници, незначително по-ранни от тях и определяни в литературата като “генетически” свързани.

В етническата интерпретация на некропола от гара Разделна авторите на тези редове застъпват различни становища.

Като се придържа към изводите и аргументацията на М. Даскалов, К. Клисуранов счита, че некрополът при гара Разделна е оставен от славянско население, което може да се идентифицира с летописните севери, споменати в хрониката на Теофан Изповедник.

Е. Коматарова-Балинова отчита, че наличието на урнови гробни съоръжения трудно на този етап би могло да се свърже с традиция, различна от славянската. Обективността изисква да се спомене, че наличието на животински останки в Разделна, макар и положени по начин, познат и на двамата автори от Балчик, все пак има малък относителен дял. От друга страна, малък е и дялът на урновите гробове в Девня 3. Красноречиво обаче говорят и други факти, а именно – отсъствието на типичното славянско гърне, изработено на ръка (с изключение на некрополите при Бабово, Юпер и Гарван, намиращи се на десния дунавски бряг), незначителния брой фибули. Близостта в практикуването на двата обряда би могла да е и резултат на бърза етническа кохезия, чиито причини едва ли ще станат ясни скоро време. Категоричното доказване на славянската принадлежност, особено с идентифицирането на конкретни исторически съществували общности, така както ни е познато от първите десетилетия на XX в., би

могло да се случи единствено с ясното дефиниране на славянските култури, съществуващи в седмото столетие, каквото на този етап е твърде сложна и дори невъзможна задача. Равносилно е и предизвикателството да се проследи промяната в културата на мигриращите общности, които в процеса на своето усядане в края на краищата получават съвсем нов културен облик.

Литература

1. Клисуранов К., Коматарова-Балинова Е. Сходства и различия в някои елементи на обряда на трупозгарянето между некрополите на Салтово – Маяцката култура и биритуалните некрополи на Долен Дунав / В: В. Григоров, М. Даскалов, Е. Коматарова-Балинова (редакторски колектив) // EURIKA In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae. – София, 2009, С. 171–183.
2. Коматарова-Балинова Е. Обредът на трупозгарянето в некрополите на Салтово-маяцката култура и биритуалните некрополи на Долен Дунав / Е. Коматарова-Балинова // Салтово-Маяцка археологична култура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. – Харків, 2011. – С. 32–37.
3. Коматарова-Балинова Е. Сравнительная характеристика элементов погребального обряда биритуальных могильников нижнедунайского населения и салтово-маяцкой культуры / Е. Коматарова-Балинова // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.9. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2012. – под печат.
4. Димитров Д. Ил. Ранносредновековен некропол при гара Разделна / Д. Ил. Димитров // Археология. – № 3–4. – 1959. – С. 56–60.
5. Димитров Д. Ил. Некрополът при гара Разделна / Д. Ил. Димитров // ИНМВ. – № XIV (XXIX). – 1978. – С. 120–152.
6. Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis. 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. / U. Fiedler. – Bonn, 1992. – Teil 1 vii. – P. 364. – Teil 2 – P. 365–517.
7. Даскалов М. Елементи на Волинцевската култура в ранносредновековната култура на Североизточна България / М. Даскалов // Studia Archaeologica. – София, 2003. – С. 252–257.
8. Бешевлиев В. За славянските племена в Североизточна България от VI до IX в. / В. Бешевлиев // Преслав. – Т. 1. – София, 1968. – С. 17–25.
9. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский // Раннеславянский мир. – Вып. 3. – Москва, 1996. – С. 1–296.
10. Зиньковская И. В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй-третьей четверти I тыс.н.э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Воронеж, 1997. – С. 2–186.
11. Todor E. The Shadow of a Frontier: The Walachian Plain during the Justinianic age / E. Todor // Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and Early Middle Ages (Edd. by F. Curta). – Turnhout, 2005.
12. Колева Р. За датирането на славянската група “Полина-Гарван” в Североизточна България и Северна Добруджа / Р. Колева – ГСУ, ИФ. – № 84, 85. – София. – С. 163–182.
13. Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев. // Хазарский альманх. – Т. 5. – Харьков, 2006.
14. Бубенок О. Б., Аксенов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время. / О. Б. Бубенок, В. С. Аксенов // Хазарский альманах. – Т. 8. – Харьков, 2009.
15. Коматарова-Балинова Е. Децата в обществото на средновековните българи (по данни на некрополите) / В. Григоров, М. Даскалов, Е. Коматарова-Балинова (редакторски колектив) // EURIKA In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae. – София, 2009. – С. 185–197).
16. Димитров Д. Погребалният обред при раннобългарските некрополи във Варненско VIII–X век. / Д. Димитров // ИАИ. – № XXIV. – София, 1974. – С. 51–93.
17. Димитров Д. По въпроса за гробните камери с трупозгаряне в ранносредновековните некрополи в Североизточна България и Добруджа / Д. Димитров // ИНМВ. – № 12(27) – 1976. – С. 8–18.
18. Коматарова-Балинова Е. Езическите некрополи на Долен Дунав и некрополите в ареала на Салтово-Маяцката култура. Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователна степен «доктор». – София, 2010. – С. 1–30.
19. Михеев В. К. Сухогольшанский могильник / В. К. Михеев // СА. – № 3. – 1996. – С. 158–173.
20. Аксенов В. С. Погребальный обряд могильника Сухая Гомольша (к проблеме этнической принадлежности салтовских кремационных захоронения из бассейна Северского Донца) / В. С. Аксенов // Проблеми на прабългарската история и култура. – № 4-1. – София, 2008. – С. 191–218.
21. Аксенов В. С. Об уровне вооруженности населения Салтовской культуры (по материалам Сухогольшанского и Красногорского могильников) / В. С. Аксенов // Вісник Харківського державного університету. – Вып. 30. – Харьков, 1998. – С. 39–51.
22. Аксенов В. С. Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца / В. С. Аксенов // Хазарский альманах. – Т. 4. – Харьков, 2005. – С. 182–198.
23. Аксенов В. С. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца / В. С. Аксенов // Хазары, евреи и славяне. – Вып. 17. – Иерусалим–Москва, 2005. – С. 219–321.

▣ *Круглов Е. В. (Волгоград, Россия),
Луночкин М. Н. (Чернышковский, Россия)*

НАХОДКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТ В ЧЕРНЫШКОВСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: раннесредневековые монеты, византийские солиды, император Ираклий II, Византия, полудрахма арабо-сасанидского типа, Хосров V, Арабский Халифат, Хазарский каганат.

Древности Чернышковского района Волгоградской области не относятся к числу хорошо изученных. В конце 40-х – начале 50-х гг. XX века здесь работал Разведочный отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР, но его деятельность носила ограниченный характер, связанный со строительством Цимлянского водохранилища [1, с. 229, рис. 1]. Археологические работы последующих лет были связаны с достаточно редкими мелиоративными и хозяйственными проектами. Практически вся ныне известная информация о памятниках археологии, обнаруженных на территории Чернышковского района упомянута в работе одного из авторов [2, с. 18–28].

В данной статье авторы пытаются привлечь внимание исследователей к находкам раннесредневековых монет, обнаруженных в разные годы на территории Чернышковского района.

Первая монета – золотой византийский солид императора Юстиниана I (527–565 гг.) – был обнаружен весной 1960 г. на северном берегу р. Цимлы, правого притока р. Дон, на юго-западной стороне х. Чернышковский в районе моста. Монета имела вес 3,24 г и была определена ведущим нумизматом Государственного Эрмитажа И. В. Соколовой, вероятно, по присланной ей протирке [3, с. 48, № 124а]. Ее местонахождение в настоящее время, к сожалению, авторам неизвестно.

В начале 90-х годов XX века в юго-восточной части р.п. Чернышковский в огороде жилого дома были найдены две серебряные византийские гексаграммы [2, с. 25], первоначально ошибочно определенные в качестве монет императора Константа II [4, с. 12]. Одну из монет находчик передал в Чернышковский казачий музей истории и этногра-

фии (инв. № 2503), а вторую подарил своему родственнику, у которого она и продолжает находиться до настоящего времени. Авторами были рассмотрены обе монеты (Илл. 1: 1):

Avers: Фронтально восседающие длиннобородый Ираклий и безбородый Ираклий-Константин («Heraclius и Heraclius Constantinus»), византийские императоры-соправители, в плащах, увенчанные августейшими коронами с крестами. В правой руке правители держат регалии власти – державы, увенчанные крестами. Между фигурами, над ними располагается еще один крест. Вдоль обреза плохо читаемая круговая легенда.

Revers: В центре трехступенчатая Голгофа с глобусом и крестом. Вдоль обреза круговая легенда – «Deus adiuta romanis» («Да поможет Бог римлянам»). С левой стороны креста цифровая монограмма «K», обозначающая номинал – 20 нуммий.

Гексаграммы изготовлены разными штемпелями и представляют собой разновидности основного варианта второго типа монет византийского императора Ираклия II, выпускаемых в период соправления Ираклия II и Ираклия-Константина (613–626 гг.) [5, табл. 9]. Сохранившиеся размеры монет – 1,9×2,25×0,2 и 2,0×2,4×0,15 см. Соотношение осей – $\uparrow\downarrow$ и $\uparrow\swarrow$. При стандартном весе гексаграмм данного типа, равном 6,5 г, вес чернышковских монет составлял всего 5,68 и 5,76 г. Монета, переданная в музей, была обезображена отверстием, пробитым находчиком и некоторое время использовалась им же в качестве подвески-украшения. Данная монета была апробирована в Саратовской государственной инспекции пробирного надзора. Согласно акту № 25 от 06.12.2010 г. она имеет 950-ую пробу серебра.

В середине 90-х гг. XX века к востоку от р.п. Чернышковский, также на северном берегу р. Цимла в огородах была найдена еще одна монета. В настоящее время она продолжает находиться у находчика, но с его позволения была осмотрена и сфотографирована авторами (Илл. 1: 2):

Avers: Повернутый вправо погрудный портрет Хосрова V, вокруг портрета – легенды. Справа – «Умар» («Umar bin al-'Ala») на арабском куфи, слева; в четвертом квадранте – «GDH APZWT» («Да возвеличится его слава») на пехлеви. Внизу, за кругом во втором квадранте – эпитафия «APD» («Превосходный») на куфи.

Revers: В центре между двумя стражами алтарь огнепоклонников, вокруг – легенды на куфи. Справа – «TPWRSTAN» («Табаристан»), легенда монетного двора, слева – легенда года выпуска, 121-й год постйездгардской эры (PYE) = 771/772 гг. от Р.Х. Вес – 1,82 г. Апробирование не производилось¹.

Данная монета первоначально была ошибочно атрибутирована как сасанидская драхма Хосрова II [2, с. 25]. Более внимательное изучение показало, что она представляет собой весьма качественное и довольно редкое подражание выпускам Хосрова V (632–633 г.), предпоследнего представителя династии сасанидов. Ориентиром атрибуции монет этого типа, как известно, выступают специфические короны, менявшиеся при чеканке со сменой очередного правителя династии сасанидов. Однако, поскольку монета отчеканена с именем Умара [б. ал-'Ала], являвшегося в 771–780 гг. аббасидским наместником (губернатором) Табаристана [6, с. 18, № 56], персидской провинции, расположенной на юго-восточном берегу Каспийского моря, она может быть определена как табаристанская полудрахма арабо-сасанидского типа. Как известно, даже после образования Арабского Халифата и начала массового выпуска куфических дирхемов на монетах Табаристана длительное время продолжали чеканиться изображения сасанидских царей и свя-

занные с ними символы идолопоклонства. Особо следует отметить состояние данной монеты – она практически не потеряла своего первоначального веса и основных нумизматических признаков, что позволяет предполагать крайне незначительный период ее обращения.

К сожалению, места непосредственно обнаружения всех вышеперечисленных чернышковских монет не были обследованы профессиональными археологами. Несмотря на это, несомненно, что они все происходят из разрушенных погребений хазарского времени.

Первая находка, солид Юстиниана I вместе с монетами Константина IV и Леонтия II из погребения у ст. Романовской [3, с. 27, № 84; 7, с. 98–102; 8, 1985, с. 90–100; 9, с. 97–111] до середины 1970-х гг. являлись единственными находками византийского золота на Нижнем Дону. К настоящему времени в этом регионе зафиксировано уже 38 случаев находок имперских монет и их подражаний, происходящих из 22 местонахождений, причем 18 из них были обнаружены в ходе планомерных археологических раскопок 70-90-х гг. в инвентаре погребений, так или иначе связанных с представителями знати Хазарского каганата [10, с. 79–93; 11, с. 87–95, приложение].

Византийские золотые солиды в качестве редких государственных даров, исходящих непосредственно от византийских императоров, стали поступать к степным кочевникам около середины VII в. Более ранние даты выпуска некоторых монет, в частности чернышковского солида 527–565 гг., не препятствуют такому заключению. Так в погребении хазарского воина из Уч-Тепе (Азербайджан), датирующимся не ранее последней трети VII в. х., был найден солид Юстина I (518–527 гг.) [12, с. 180], а в погребении из Дорофеевского, датирующимся самым началом VIII в., были встречены солиды Фоки 607–610 гг. и Ираклия II (613–626 гг.) [13, с. 156, рис. 4].

Серебряные монеты в связи с недостатком металла не были характерными для финансовой системы Византии. Они были введены в обращение Ираклием II для покрытия финансовых проблем империи и широкого обращения не имели [14, с. 97–98; 15, с. 169–170]. В степях Восточной Европы находки серебряных византийских монет крайне редки. Известны случайно обнаруженное в 1925 г. в

1) В процессе подготовки статьи к публикации во время работы с иллюстрацией на Revers монеты среди многочисленных «царапин износа» были выявлены искусственно нанесенные граффити различной степени затертости (Илл. 1: 2, 3). Все они представляют собою наиболее употребимые знаки начертания на раннесредневековых монетах Восточной Европы: одиночные или двоянные линии, косые кресты, «V»-образные символы. Исходя из частоты встречаемости отнести их к знакам собственности не представляется возможным. Учитывая простоту нанесения, считаем возможным присоединиться к мнению, что это знаки «неалфавитной системы счисления» [18]. — *Редколлегия*.

Днепропетровской области погребение с 72 серебряными монетами, из которых были описаны только четыре подражания монетам Константа II (642–646 гг.) [3, № 149; 16, с. 292–294] и княжеское погребение из Келегев с монетой, оставшейся без определения [9, № 19; 17, с. 121]. Таким образом, чернышковские гексаграммы по всей видимости являются первой документированной находкой серебряных византийских монет на Нижнем Дону. Они позволяют предполагать возможность использования кочевым населением Хазарского каганата византийских монет вне зависимости от их материала. Особое значение чернышковских находок заключается в том, что район их обнаружения позволяет расширять северочерноморский ареал распространения византийских монет ТХГ-1 и ТХГ-2 [10, с. 80–87; 11, с. 169–172] на территорию Нижнего Дона.

Табаристанская полудрахма связана уже с другим периодом обращения иноземных монет на территории Хазарского каганата. Длительные арабо-хазарские войны завершились в 737 г. походом Мервана, нанесшего хазарам тяжелейшее поражение. В результате каганат, разорвав многолетний союз с Византией, в начале 2-й половине VIII в. был вынужден установить тесные политико-экономические отношения с Арабским Халифатом. Одним из следствий этого стало начало формирования Волжского водного торгового пути с ответвлением от него на Дон, в общем направлении из Халифата в Волжскую Булгарию и Древнюю Русь. Функционирование этого пути, судя по датам наиболее ранних арабских монет, начинается уже с 3-й четверти VIII в. Находка арабо-сасанидской полудрахмы у р.п. Чернышковский является лишь одним из достаточно эффектных элементов в деле фиксации степных участков этого пути.

Литература

1. Ляпушкин И. И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища / И. И. Ляпушкин // МИА. – Т. 62. – М.–Л. – 1958. – С. 227–262.
2. Луночкин М. Н. Цимлянская сторона. История Чернышковского района / М. Н. Луночкин – Волгоград: Издатель, 2001. – 352 с.
3. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин – М.: Наука, 1962. – (Свод археологических источников. Вып. Е 4-4) – 63 с.
4. Яценко В. Уникальную монету нашли в огороде / В. Яценко // Городские вести, № за 18.04. – Волгоград, 2009.
5. Hahn W. Moneta imperii Byzantini von Heraclius bis Leo III / Alleinregierung (610-720) / W. Hahn / Veröffentlichungen der numismatischen kommission. – В. X. Wienn, 1981.
6. Album S. Checklist of Islamic Coins / S. Album. 2nd edition. – Santa Rosa, 1998.
7. Семенов А. И. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени / А. И. Семенов // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд.-во Ростовского ун-та, 1983. – С. 98–102.
8. Семенов А. И. Художественный металл Романовского погребения на Дону / А. И. Семенов // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л.: Искусство, 1985. – С. 90–100.
9. Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы / А. И. Семенов // АСГЭ. – Вып. 29. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1988. – С. 97–111.
10. Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях / Е. В. Круглов // Хазарский альманах. – Т. 1. – Харьков: Каравелла, 2002. – С. 79–93.
11. Круглов Е. В. Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии / Е. В. Круглов // Археологические записки Донского археологического общества. – Вып. 4. – Ростов-на-Дону: РРОО «ДАО», 2005. – С. 87–95.
12. Иессен А. А. Раскопки Большого кургана в урочище Уч-Тепе / А. А. Иессен // МИА. – Т. 125. – М.–Л.: Наука, 1965. – С. 153–193.
13. Круглов Е. В. Хазарские погребения на реке Аксай / Е. В. Круглов // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград: Перемена, 1992. – С. 145–159.
14. Дашков С. Б. Императоры Византии / С. Б. Дашков – М.: Красная площадь, 1997. – 368 с.
15. Sear David. R. Byzantine coins and their values / David R. Sear – London, 2003 reprint of the original 1987. – 526 с.
16. Голенко К. В. Имитации солида VII в. из Поднепровья / К. В. Голенко // Византийский временник. – Т. 11. – М.: Наука, 1956. – С. 292–294.
17. Семенов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса / А. И. Семенов // АСГЭ. – Вып. 31. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1991. – С. 121–130.
18. Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. / В. Е. Нахапетян, А. В. Фомин // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. М., – 1994.

ПОПЫТКИ ОГРАБЛЕНИЯ IV-ГО ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

Ключевые слова: IV-й Верхне-Салтовский катакомбный могильник, ограбление, «обряд обезвреживания покойных».

Современная Украина имеет немало проблем в деле сохранения археологического наследия. Одним из последствий НТР является широкое распространение в обществе металлодетекторов и, как следствие, – разграбления памятников археологии с помощью современной поисковой техники. Но в отличие от поселений, становящихся объектами грабежа в связи с легкодоступностью культурного слоя, катакомбные могильники на первый взгляд кажутся более защищенными от вооруженных металлодетекторами людей, т.к. захоронения совершены на значительной глубине: 2,5–5 м от современной поверхности. Впрочем, последние годы показали ошибочность таких мнений: на IV-м Верхне-Салтовском могильнике (далее – IV-м ВСМ) неоднократно фиксировались следы грабительских действий.

Цель данной работы – рассмотреть попытки ограблений IV-го ВСМ, определить использованную грабителями методику и пути противодействия им, в свете полученных данных проанализировать аспекты концепции «обряд обезвреживания покойных».

Раннесредневековые (сер. VIII–X вв.) древности салтово-маяцкой археологической культуры исследуются более 110 лет – с момента обнаружения катакомбного могильника у с. Верхний Салтов. Упомянутый эпонимный памятник имеет сложную судьбу: погребальные комплексы, исследовавшиеся на протяжении столетия, в научной литературе отображены неодинаково: чаще всего информация о раскопанных комплексах является очень неполной или вообще отсутствует. Длительные археологические работы осуществлялись усилиями множества различных ученых: в разные годы катакомбные сооружения исследовали В. А. Бабенко, Д. И. Багaley, А. М. Покровский, П. С. Уварова, Н. Е. Макаренко, А. С. Федоровский, С. А. Семенов-Зусер, С. А. Плетнёва, Б. А. Шрамко, Д. Т. Березовец, В. Г. Боро-

дулин, В. В. Колода, В. С. Аксёнов. На сегодняшний день Верхне-Салтовский комплекс насчитывает 4 катакомбные могильники, исследованные в разной степени. На последнем из обнаруженных ежегодные археологические работы проводятся до сих пор.

Верхне-Салтовский IV-й катакомбный могильник был случайно обнаружен в 1989 г. (благодаря двум обвалившимся катакомбам) заведующим отделом археологии ХИМ В. Г. Бородулиным. В отчете памятник был назван – по ближайшему хозяйственному объекту – «катакомбным могильником около молочно-товарной фермы» [13, л. 24, табл. XXXIII]. Могильник занимает наклонную площадку шириной 110–130 м между восточными склонами Нетечинского яра и асфальтовой дорогой, соединяющей с. Верхний Салтов с центром сельсовета – с. Рубежное Волчанского района (Илл. 1). У обреза Нетечинского яра в 1950-е – 60-е гг. из культурного слоя части могильника бульдозерами были построены противоэрозийные валы. Вследствие этого была нарушена природная стратиграфия – сейчас у края яра материковый суглинок начинается на глубине всего 0,2–0,3 м от современной поверхности. Задернованная площадка могильника используется местным населением для выпаса скота; южная часть могильника граничит с лесопосадкой, с запада он ограничен Нетечинским яром. На площадке некрополя кое-где растут кусты лоха серебристого. Катакомбы не имеют наземных признаков, что осложняет их выявление.

В год обнаружения (1989) на памятнике проводились первые исследования, в результате которых было раскопано 6 катакомб. В следующем году экспедиция во главе с В. Г. Бородулиным исследовала еще 11 погребальных комплексов аналогичного типа [14]. Следует отметить, что первые работы на некрополе указали направление будущих исследований: раскопы на памятнике всегда расширялись на запад, вниз по склону (хотя, безусловно, катакомбы встречаются и в противоположном направлении). После двух полевых сезонов IV-й могильник был

оставлен на несколько лет. Только в 1996 г. к нему вернулись археологи: в этот год памятник исследовался экспедицией ХГПУ, возглавляемой В. В. Колодой [15, л. 17]. Под его руководством было исследовано 10 катакомб [16]. Со следующего года – и по сей день – на некрополе ежегодно работает экспедиция ХИМ во главе с В. С. Аксёновым. Под его руководством раскоп был доведен почти вплоты к Нетеченскому яру, ограничивающему могильник с запада. Несколько катакомб были также выявлены на расстоянии от основного раскопа: № 28 и № 40 – на юго-запад; № 55 – на восток; № 68 и № 69 – на север; № 111 – на юго-восток от раскопа. В 2008 г. катакомбы 68 и 69 были объединены в раскоп, который получил название «северный участок». В результате ежегодных работ «на северном участке» на протяжении четырех полевых сезонов (2008–2011 гг.) было исследовано 14 катакомб и 1 захоронение коня (Илл. 2). В разные годы на территории некрополя было также выявлено 8 грунтовых (ямных) погребений и 2 заготовки дромосов, учитывавшиеся в сквозной нумерации комплексов (захоронение коня и 2 тризны имели собственную нумерацию). Таким образом, из 110 исследованных комплексов 14 катакомб расположены на «северном участке», 4 – на разном расстоянии от раскопа, 8 являются ямными погребениями, 2 – заготовками дромосов без следов захоронений. Основной участок некрополя содержит 82 исследованные катакомбы, а из 110 комплексов катакомбами являются ровно 100.

Первые следы грабительских работ были зафиксированы в 2000 г. Весной этого года почти вплоты к асфальтированной дороге «Рубежное – Верхний Салтов» (в 7 м на запад от неё) произошел обвал склепа погребальной камеры, вследствие чего образовалась воронка. Вскоре после этого добровольные помощники администрации Верхне-Салтовского музея начали её углублять, но бросили, не дойдя до уровня захоронений. Летом этот шурф был продолжен уже неизвестными особами. Но в том же году экспедиция ХИМ исследовала катакомбу, которой был присвоен №55 [1, л. 8–9, табл. XIV–XVI, XVII, 2]. Дно камеры было зафиксировано на уровне 4,0 м от современной дневной поверхности; в камере было найдено коллективное захоронение (присутствовали останки 3 людей).

Спустя 3 года – в 2003 г. – снова были обнаружены грабительские шурфы. В этот раз грабители избрали участок, расположен-

ный на определенном расстоянии от дороги, скрытый от нее кустами серебристого лоха. Методика для ограбления была выбрана та же, что за 3 года до этого: шурфы-«колодцы» над провалами, образовавшимися вследствие естественных причин – обвалов сводов камер. Однако и в этот раз археологам удалось спасти комплексы, которым были присвоены № 68 и № 69. Грабительские шурфы достигли отметки 2,0 и 1,5 м от современной поверхности, в то время, как дно камер фиксировалось на уровне 2,33 и 2,35 м соответственно [2, л. 2–5, табл. III–VI].

Следующая попытка ограбления IV-го ВСМ датируется 2007 г. В этот раз грабительская методика была изменена, вследствие чего изменились и результаты подобных действий. Шурфы закладывались не над камерами, а над восточными частями дромосов. Для выявления дромосов на неисследованной площади могильника грабители использовали четырехгранный металлический щуп, следы которого потом неоднократно фиксировались в раскопе после зачисток. Слой материковой глины, залегающий на этом участке могильника на глубине всего 0,2–0,3 м, значительно тверже заполнения дромосов. Использование щупа для определения плотности грунта позволяло приблизительно определить контуры дромоса, после чего в его восточном крае закладывался небольшой по площади шурф. Грабители узким лазом достигали дна дромоса, после чего проникали в камеру и забирали вещи. Стоит обратить внимание, что землю из такого лаза грабители специально рассыпали небольшими кучками, добавляя её к старым отвалам или маскируя под кротовины. По окончании работ шурф засыпался землей и закладывался дерном. Анализируя данную методику, можно сделать вывод, что грабители были людьми, знакомыми с конструкцией катакомб и с особенностями местного грунта; возможно, они знали о неудачных попытках ограблений и учли их. Маскировка шурфов наводит на мысль, что деятельность грабителей должна была бы продолжаться и позже. Однако этого не произошло – вероятно, это можно объяснить трудоемкостью процесса и низкой эффективностью ограблений. В полевом сезоне 2008 г. раскопом было накрыто 4 грабительских шурфа (их описание приводится ниже) и исследовано 3 катакомбы. При этом выяснилось, что успеха достиг только один из шурфов.

Катакомба № 88 была полностью ограблена. Размеры прямоугольного грабитель-

ского шурфа равнялись 1,5×0,4–0,45 м при глубине дромоса 3,25 м от уровня современной поверхности. Никаких костей или вещей в камере не обнаружено – грабители забрали абсолютно все. После ограбления арочный вход-лаз в камеру был закрыт ветками, шурф засыпан землей и сверху заложен дерном. Через некоторое время грунт засыпки уплотнился, из-за чего на поверхности образовалась небольшая западина, благодаря которой и был обнаружен шурф. В то же время, три прочих шурфа остались безрезультатными. В случае катакомбы № 89 неправильно были определены границы дромоса: из-за этого шурф был заложен не над восточным краем дромоса, а над древним провалом камеры, где грунт был более мягким по сравнению с материковой глиной. Размеры шурфа составляли 1,5×0,5 м, в глубину он был доведен до 0,7 м от уровня современной поверхности (дно камеры катакомбы № 89 фиксировалось на глубине 2,7 м). На глубине 0,5 м в заполнении шурфа была обнаружена человеческая тазовая кость, попавшая сюда, вероятно, из погребальной камеры катакомбы № 88. Наконец, в дромос расположенной неподалеку катакомбы № 90 одновременно были впущены два грабительские шурфа: в плане они имели прямоугольные очертания размерами 1,2×0,5–0,6 м. Один от другого шурфы были удалены на 1,3 м. В обоих случаях глубина шурфов составила 0,8 м, а общая глубина дромоса у входа в камеру равнялась 2,8 м от уровня современной поверхности. Очевидно, в данном случае имела место ошибка определения восточного края дромоса.

В полевом сезоне 2010 г. перед началом работ также были зафиксированы следы грабительских действий. Севернее края раскопа «северного участка» фиксировались отвалы, под которыми прослежены две параллельные меридионально ориентированные траншеи, примыкавшие к исследованному в 2009 г. дромосу катакомбы № 68. Очевидно, грабители пытались повторить методику, используемую археологами для выявления пятен дромосов. Показательно, что для грабительских действий снова был избран участок, частично укрытый от дороги кустами лоха.

Стоит остановиться на причинах, приводящих к возникновению попыток ограбления могильника. Наиболее негативную роль, по нашему мнению, играет проблема осознания обществом вопроса того, кому принадлежит культурное наследие. Среднестатистический гражданин абсолютно уверен, что все найденные в экспедиции предметы археологи

забирают себе. Поэтому при выявлении этим гражданином древних артефактов они чаще всего присваиваются. Автору данной работы местные жители лично предлагали выкупить найденные предметы, но случаи бесплатной передачи артефактов автору известны только из отчетов и публикаций советского времени. Тема «кладоискательства», распространенная в украинском обществе, на современном этапе приобрела характер истерии и тоже вносит свой негативный вклад в проблему сохранения и разграбления памятников. На руку этому играет и освещение результатов археологических раскопок в СМИ, приносящих в научные исследования ажиотаж вокруг древних вещей и искажение результатов работ: они подаются под видом «обретения древних сокровищ», причем каждый год подчеркивается уникальность и бесценность этих – на самом деле, рядовых – артефактов.

Другой аспект, приводящий к ограблениям, – взаимодействие экспедиции с окружающим ее местным населением. Ежегодные археологические работы постоянно посещаются туристами, которые имеют возможность сопоставить процесс раскопок с богатым вещевым материалом, экспонирующимся в историко-археологическом музее-заповеднике «Верхний Салтов». Местные жители вообще наблюдают раскопки почти ежегодно на протяжении столетия, поэтому прекрасно знают методику работ. Случайные обвалы камер, происходящие время от времени на могильнике, привлекают внимание людей, пытающихся использовать катакомбы как средство личного обогащения или реализации природной заинтересованности. При этом археологические работы длятся только 2–3 недели в год, остальное время памятник никем не охраняется, о чем всем прекрасно известно. Впрочем, подобные аматорские попытки, как показано выше, чаще всего безрезультатны и не приводят к разрушениям комплексов. В отличие от них, ограбления по заранее продуманной методике действительно уничтожают памятник. Учитывая необходимые объемы работ на каждом комплексе, для противодействия ограблениям достаточно было бы осматривать могильник раз в три-четыре дня. Учитывая наличие в с. Верхний Салтов профильного музея-заповедника, располагающегося в 800 м от IV-го ВСМ, подобные осмотры могли бы совмещаться с проведением экскурсий.

Интересным выглядит анализ результативности ограблений, совершенных по разным методикам. Ни «траншеи», ни «ко-

лодцы», выявленные в 2000, 2003 и 2010 гг., не дали возможности ограбить погребения. Частично эффективным выявился только путь использования небольших шурфов в восточных частях дромосов. Из-за неудачного определения контуров дромосов 3 из 4 подобных шурфов не привели к успеху. Но там, где шурф совпал с восточным краем дромоса катакомбы № 88, грабители все-таки попали в камеру. Именно такую технологию проникновения в камеры использовали в древности вскоре после совершения погребений для проведения действий, которым В. С. Флеров сначала предложил название «ритуальное разрушение скелетов» [18, с. 181–187], а впоследствии изменил его на «обряд обезвреживания покойных» [19, с. 142; 19, с. 42–43].

По мнению исследователя, суть обряда обезвреживания покойных состоит в религиозных, а не прагматических мотивах проникновения в погребальную камеру: разрушение скелетов было следствием проведения обряда, а не тотального ограбления могильников. Концепция В. С. Флерова, изложенная в нескольких основательных работах [18; 19; 20; 21; 22; 23], основывается на материалах исследования 1975, 1977–1982 гг. Маяцкого катакомбного могильника (лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры), впоследствии дополненных материалами исследований аланского могильника Клинь-Яр-III (Северное Предкавказье).

Согласно теории «обряда обезвреживания покойных», ритуальные действия применительно к умершему осуществлялись в несколько этапов. На первом из них опасались непосредственно тела мертвеца; для противодействия возможному вреду со стороны наиболее опасных покойников им связывали ноги, что археологически прослеживается в виде перекрещенных нижних конечностей. К этому же этапу относилась подготовка к будущему проникновению в камеру, заключавшаяся в целенаправленном оставлении камеры свободной от грунта [20, с. 44]. Второй этап обряда проводился спустя несколько лет – не раньше, чем кости погребенного человека освобождались от мягких тканей. Часть дромоса (но никогда не весь дромос полностью!) освобождалась от земли, каменный или деревянный заклад, ранее разграничивавший полуку камеру и засыпанный дромос, отбрасывался от входа в камеру и в большинстве случаев вообще выносился за пределы дромоса. В 6 случаях наблюдалось размещение каменного заклада в дромосе, на границе первичного и вторичного

заполнения; в 7 случаях там же зафиксированы остатки деревянных плах. Только дважды каменные заклады были снова поставлены ко входу в камеру [20, с. 44–45], что не находит у В. С. Флерова внятного объяснения. Целью проникновения в камеру, по мнению исследователя, было нарушение анатомического порядка погребенных, разная степень которого определялась личными свойствами покойного, обстоятельствами его смерти и результатами узнавания его посмертной судьбы (иногда – в результате посмертного общения с живыми) – т.е., факторами, которые практически невозможно проследить археологически. Разрушение скелета дополнялось извлечением из камеры почти всего погребального инвентаря, за исключением самых мелких вещей (чаще всего оставались отдельные бусины, бисер) и ножей, наделавшихся свойствами оберегов [20, с. 46–49]. Крайней степенью разрушения скелета было извлечение части его костей из камеры. После разрушения костяка катакомба и раскопанная часть дромоса засыпались мешаным по своему характеру грунтом, в котором фиксировались древесные угольки, фрагменты керамики, отдельные косточки [20, с. 49, табл. 21]. Это трактуется исследователем как следы каких-то ритуальных действий: тризн, обрядов «кормления покойного» [19, с. 189] или окончательного прощания с умершим, просьбой заботиться о живых и т.п. [20, с. 51].

Концепцию В. С. Флерова поддержали и другие археологи-салтоведы, исследовавшие катакомбные погребения [4; 5; 6, с. 98; 16, с. 234, 235; 17, с. 244, 245]. Так, на материалах Рубежанского и Верхне-Салтовских могильников В. С. Аксеновым были сформулированы ещё несколько аргументов в поддержку версии о существовании обряда обезвреживания покойных. Могильники, по мнению исследователя, не могли быть ограблены по причине быстрого исчезновения наземных признаков погребений, в силу близости к городищам, а также по причине известных по этнографии частых посещений некрополей. На отсутствие ограблений также указывает идентичность инвентаря в камерах с нарушенными и неповрежденными погребениями (причем в нарушенных погребениях инвентарь мог даже быть богаче), отсутствие значительных «сокровищ» в камерах. Не объясняется теорией ограбления, по мнению В. С. Аксенова, и тот факт, что из камер могли извлекать недорогие вещи, а ценные оставлять или перекладывать с места на ме-

сто. Про отсутствие страха ограбления свидетельствует и малое количество тайничков. Согласно В. С. Аксенову, можно проследить некоторую обрядовость действий: перед входом в камеру (острием к ней) иногда клали ножи; в единичных случаях на место возвращались заклады. Наличие угольков в засыпке ходов повторного проникновения тоже трактуется в русле ритуальной концепции. Все эти наблюдения указывают на то, что скелеты разрушались не посторонними людьми. Наконец, вызывают сомнения у исследователя и технические аспекты проникновения в камеры: выкапывание хода повторного проникновения признается излишним и ненужным, т.к. гораздо проще попасть в камеру через её свод. При проникновении в камеру через часть дромоса нелогичным выглядит расширение его верхнего края – и наоборот, отсутствуют следы необходимого увеличения узкого входа-лаза в камеру [4, с. 61; 5, с. 158, 159; 6, с. 111–113]. В конце концов, исследователь выдвигает предположение, что примыкающая к камере часть дромоса вообще не закапывалась – для облегчения допогребений или осуществления «обряда обезвреживания» – и приобретала неправильную форму именно в результате естественных, природных причин [4, с. 62].

Тем не менее, несмотря на общепризнанность концепции «обряда обезвреживания покойных», исследования последних лет на IV-м ВСМ позволяют высказать сомнения в том, что вопрос о причинах нарушения анатомического порядка решен раз и навсегда. В этом плане довольно показательными являются две катакомбы без каких бы то ни было «ходов повторного проникновения», характерных для почти всех катакомб IV-го ВСМ. Оба эти комплекса – № 96 и № 102 – расположены на «северном участке» могильника, в непосредственной близости один от другого (Илл. 2).

Исследованная в 2009 г. катакомба № 96 имела дромос длиной 6,1 м и глубиной 4,45 м у входа в погребальную камеру. В камере размерами 2,15×1,92 м было выявлено коллективное погребение. При этом вход в камеру был закрыт каменным закладом и ни для одного из 4 скелетов не фиксировались нарушения анатомического порядка, хотя сохранность костяков была неудовлетворительной по причине естественных процессов. Стратиграфические наблюдения позволяют выделить три этапа совершения погребений – и при этом «ход повторного проникновения» отсутствует [3; 8, с. 12]. Таким образом,

можно сделать вывод, что при совершении второй и третьей очередей погребения грунт из дромоса удалялся полностью (выглядит маловероятным, что дромос стоял вообще не засыпанным, т.к. это привело бы к его разрушению). Это наблюдение противоречит гипотезе о том, что «ходы повторного проникновения» были входами в камеру в виде частично незасыпанных дромосов, размытых вследствие атмосферных явлений.

В то же время, в погребальной камере катакомбы № 102 (работы 2010 г.) – дромос которой тоже не имеет следов повторного проникновения – был выявлен факт нарушения анатомического порядка. При длине дромоса 3,46 м его глубина у входа в камеру составляла 2,74 м от уровня современной поверхности. В камере размерами 1,7×1,23 м было обнаружено одиночное мужское погребение с компактно расположенными перемещенными костями [7]. По мнению В. С. Аксенова, «останки умершего мужчины были положены в погребальную камеру уже в полуистлевшем состоянии» не менее, чем через год-полтора после смерти, что является следствием либо гибели далеко от родины, либо перенесения из другого погребального комплекса. Однако этой версии противоречит факт наличия на уровне пола некоторых костей в правильном анатомическом соединении: правых ключицы, лопатки и плечевой кости, выявленных *in situ* по центру камеры. При любом перенесении скелета с места на место они, безусловно, распались бы. Присутствие личных вещей, составляющих полные комплекты поясного набора и набора для добывания огня, может служить доказательством отсутствия изъятия вещей из камеры.

На примере приведенных катакомб можно сделать вывод о том, что отсутствие в комплексах «ходов повторного проникновения» далеко не всегда коррелируется с отсутствием нарушения анатомического порядка. В то же время, в обоих случаях в камерах катакомб, характеризующихся ненарушенными дромосами, не было никаких следов изъятия личных вещей умерших. Такая ситуация может быть объяснена неидентичностью двух процессов: «обряда обезвреживания покойных» и «обряда изъятия вещей» (при котором, разумеется, побочно нарушался анатомический порядок). Если допустить, что целью проникновения было стремление изъять личные вещи погребенных, становятся понятными такие черты «обряда», как большая степень разрушения женских костяков, сравнительно с мужскими – и верхних половин туловищ,

сравнительно с ногами [18, с. 182–184]. Очевидно, это связано с размещением личных украшений в аланском средневековом костюме: женские погребения содержали гораздо больше ценных вещей, чем мужские, а потому и «уничтожались» тщательнее мужских, что подтверждается данными Дмитриевского могильника [17, с. 191]. Традиционно ниже пояса украшения почти отсутствовали, поэтому чаще всего в камерах с нарушенным анатомическим порядком первоначальное положение сохраняют именно кости ног – штампованные украшения обуви даже несмотря на свою многочисленность имели очень незначительный суммарный вес, а потому игнорировались. Ярким примером подобных нарушений является исследованная в 2008 г. катакомба № 93 (Илл. 3). Расположенное ближе ко входу женское погребение было разрушено значительно сильнее, чем мужское. Из камеры были изъяты железные стремяна (от них остались бронзовые обоймы ремешков), но удила, бронзовые позолоченные фалары и начельник остались в тайничке незамеченными, а потому не взятыми. Изъятый из камеры небольшой кувшинчик был брошен в дромосе – возможно, из-за технологического брака в виде трещин на боках и донце [10, с. 251]. Пример брошенного кувшинчика тоже может служить доказательством прагматичных намерений людей, производивших проникновения в камеры. Не менее важным является пример катакомбы № 109, исследованной в 2011 г. Согласно стратиграфическим наблюдениям В. С. Аксенова, в этот погребальный комплекс совершали несколько последовательных проникновений, и если первое из них сопровождалось какими-то обрядовыми действиями, то суть второго окончательно не раскрыта; не исключено, что его целью было ограбление или осквернение [7, с. 10, 11]. Версию ограбления умерших последовательно отстаивает Г. Е. Афанасьев, который путем подсчетов доказывает, что комплексы Маяцкого могильника с разрушенными скелетами содержат меньше вещей (особенно металлических), чем среднестатистическая салтовская катакомба, в то время, как единичные непотревоженные комплексы являются практически идентичными многочисленной подборке катакомб Донецко-Донского междуречья [12, с. 64].

В свете ограбленных в начале XXI в. Комплексов становятся лучше понятными и иные черты, традиционно относящиеся к аргументам в пользу «обряда обезвреживания покойных». Так, проникновение в камеры не

через свод, а через край дромоса является более быстрым и скрытным – оно сопровождается меньшим объемом перемещенной земли, а потому привлекает меньше внимания. То же самое можно сказать и про вторичное использование закладов по их функциональному предназначению: закрытый вход в камеру позволяет лучше спрятать следы проникновения, т.к. в противном случае земля попадает в камеру и на поверхности некрополя из-за нехватки грунта образуется яма.

Таким образом, исследования 2009–2010 гг. на IV-м ВСМ позволили обнаружить несколько погребальных комплексов, дромосы которых характеризуются отсутствием «ходов повторного проникновения». В таких камерах отсутствуют признаки изъятия вещей, хотя иногда попадаются следы «обряда обезвреживания покойных». В то же время, чрезвычайно распространенные на могильнике «ходы повторного проникновения», на наш взгляд, являются последствиями давних прагматичных действий, т.е. древних ограблений. К сожалению, доминирование на могильнике ограбленных в древности комплексов скрывает первоначальное количество катакомб, в которых происходил «обряд обезвреживания покойных» в его чистом виде.

Литература

1. Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского IV катакомбного могильника в 2000 г. / В. С. Аксенов // Архив ИА НАНУ. – 2000/6. – 25 л., XXXI табл.
2. Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 2003 г. / В. С. Аксенов // Архив ИА НАНУ. – 2003/34. – 23 л., XXXVIII табл.
3. Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. / В. С. Аксенов // Архив ХИМ. – 90 л., 150 илл.
4. Аксенов В. С. К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры / Аксенов В. С. // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции (Харьков, 21-23 октября 1999 г.). – Харьков, 1999. – С. 62.
5. Аксёнов В. С. К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры / В. С. Аксёнов // Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V – VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. – М.: ПолиМедиа, 2000. – С. 158–159.
6. Аксёнов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтовской культуры /

В. С. Аксенов // Российская археология. – 2002. – № 3. – С. 98–114.

7. Аксёнов В. С. Об одном из вариантов погребального обряда аланского населения салтово-маяцкой культуры верхнего Подонцовья / В. С. Аксёнов // Збірник на честь 90-річчя Б.А. Шрамка. – в печати.

8. Аксенов В. С. Исследования катакомбного могильника у с. Верхний Салтов / В. С. Аксенов // АДУ 2009. – К., 2010. – С. 12–16.

9. Аксёнов В. С. Новые материалы к постпогребальной обрядности аланского населения Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника) / В. С. Аксёнов // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. – Харків, 2011. – С. 7–13; 3 ил.

10. Аксёнов В. С., Лаптев А. А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) / В. С. Аксёнов, А. А. Лаптев // Древности. – Вып. 8 – Харьков, 2009. – С. 242–258.

11. Аксенов В. С., Хоружая М. В. К вопросу о количестве катакомбных могильников у с. Верхний Салтов / В. С. Аксенов, М. В. Хоружая // Проблемы археологии Восточной Европы. – Харьков, 2008. – С. 19–27.

12. Афанасьев Г. Е. Забота о предках или стремление избавиться от них? (к дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) / Афанасьев Г. Е. // Культ предков вождей, правителей в погребальном обряде: Тезисы докл. Всерос. науч. конф. – М., 2010. – С. 62–64.

13. Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника, расположенного на территории колхоза «Украина», в 1989 г. / В. Г. Бородулин // Архив ИА НАНУ. – 1989/169. – 53 л., XLVII табл.

14. Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1990 г. / В. Г. Бородулин // Архив ИА НАНУ. – 1990/43. – 30 л., XXI табл.

15. Колода В. В. Отчёт об археологических исследованиях Верхнесалтовского комплекса средневековой экспедицией Харьковского госпедуниверситета в 1996 г. / В. В. Колода // Архив ИА НАНУ. – 1996/52. – 101 л.

16. Колода В. В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. / В. В. Колода // ХА. – 2004. – Т. 3. – С. 213–241.

17. Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 286 с.

18. Флёров В. С. Маяцкий могильник / В. С. Флёров // Маяцкое городище: труды сов.-болг.-венг. экспедиции. – М., 1984. – С. 142–199.

19. Флёров В. С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года) / В. С. Флёров // Маяцкий археологический комплекс: материалы Сов. – Болг. – Венг. экспедиции. – М., 1990. – С. 140–191.

20. Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата / В. С. Флёров // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. – Вып. 1. – Волгоград: Перемена, 1993. – 144 с.

21. Флёров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V – VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных / В. С. Флёров. – М.: ПолиМедиа, 2000. – 164 с.

22. Флёров В. С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе / В. С. Флёров // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 55–74.

23. Флёров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. / В. С. Флёров. – М.: ТАУС, 2007. – 372 с.

СУГДЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВВ. ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Ключевые слова: Сугдея, праболгары, ранневизантийское время, археологические комплексы, культурный слой, керамический комплекс.

Археологические памятники Сугдеи второй половины VII – первой половины VIII вв., синхронные времени упоминания города в Равеннском Анониме [1, р. 175; 2, с. CXLV], изучены пока слабо, что не удивительно для долговременного крупного средневекового города. Приведенные в работах И. А. Баранова отрывочные материалы [3, с. 47; 4, с. 145, 147, 149; 5, с. 50, рис. 2], датированные второй половиной VII в., по большей части происходят не из закрытых комплексов и имеют широкие хронологические рамки бытования, что справедливо отмечалось исследователями [6, с. 194; 7, с. 54–59]. В нескольких работах были опубликованы исследованные позднее наиболее ранние объекты и синхронный им археологический материал Сугдеи [8, с. 71–88; 9, с. 96–103; 10, с. 14–31; 11, с. 98–110; 12, с. 43–47; 13, с. 38–45; 7, с. 45–74], но и они не позволяют пока говорить о дате возникновения средневекового города. Судя по современным хронологическим разработкам их так же трудно датировать узким промежутком времени. Правильнее говорить об объектах второй половины VII – первой половины VIII вв. К сожалению, нумизматический материал в Сугдее второй половины VII в. пока не обнаружен. Известно, правда, несколько византийских печатей, происходящих из подводных исследований Сугдеи. Е. В. Степанова относит их к первоначальному периоду накопления городского архива и датирует второй половиной VII – первой половиной VIII вв. [14, с. 177–179]¹, справедливо отмечая, что и эта датировка, исходя из современного состояния изучения византийских моливдовулов, условна.

В настоящей работе на современном этапе исследований попытаемся впервые суммировать наши сведения о наиболее ранних средневековых археологических объектах и культурных горизонтах Сугдеи.

К наиболее ярким объектам относятся две полуземлянки и каменный дом, сложенный техникой кладки «в елку», частично опубликованные в литературе [8, с. 87, рис. 3, 6; 15, с. 264, рис. 1]. По своим конструктивным особенностям они практически аналогичны полуземлянкам праболгарского населения Таврики второй половины VII в. Последние детально проанализированы в работах И. А. Баранова [16, с. 40].

Полуземлянка 1 раскопана на территории раннесредневекового Судакского городища. Это овальная в плане постройка без следов столбов, расчлененная более поздними хозяйственными ямами, что затрудняет точную реконструкцию сооружения. Данный факт не позволяет судить и о конструкции отопительного сооружения в полуземлянке. Однако, наличие в заполнении фрагментов глиняной обмазки, позволяет предполагать, что постройка имела глинобитную каркасную конструкцию стен. Возле западной стены объекта в землю был вкопан крупный красноглиняный реберчатый пифос, срезанный на 1/2 высоты при сооружении дома VIII–IX вв. Западная стена последнего, наряду с хозяйственными ямами, перекрывает данную полуземлянку. Возможно, для перекрытия крыши была так же использована подпорная глинобитная стенка. (Илл. 1: 1). В заполнении объекта был исследован богатый и разнообразный археологический материал, представленный тарной, кухонной и столовой керамикой.

Полуземлянка 2 подквадратной формы, слегка вытянутая по оси северо-запад – юго-восток. Контуры полуземлянки, благодаря мягкости заполняющего грунта удалось проследить максимально четко. Длина ее по оси запад-восток составляет 2,80–2,90 м. Установить точные размеры по оси север-юг сложно, т.к. северная стена объекта полностью перекрыта северной стеной каменного дома второй половины IX – первой половины X вв. Восточная стена полуземлянки частично разрушена позднесредневековыми погребениями. Максимальная глубина полуземлянки от уровня пола каменного дома составляет

¹) Тем же и основная библиография работ, посвященных изучению ранних византийских моливдовулов Сугдеи.

0,64 м. При этом, пол в северной части полуземлянки на 0,15–0,25 м выше и плавно спускается к центру. Возможно, эта часть использовалась как лежанка. Возле западной стены полуземлянки обнаружена небольшая яма продолговатой неправильной формы. В этом же месте стена объекта имеет небольшую нишу. Отопительное сооружение внутри полуземлянки не сохранилось. Вероятнее всего, полуземлянка функционировала не длительное время. При возведении на ее месте каменного дома, с целью исключения просадки каменных цоколей стен, они были впущены в полуземлянку до самого ее дна. Кладка панцирей впущенных в полуземлянку отличается наличием крупных каменных блоков и большей небрежностью. Это дает возможность дополнительно четко проследить уровень пола дома и уровень пола полуземлянки. Сама же полуземлянка в середине IX в. была засыпана культурным слоем, чрезвычайно сильно насыщенным археологическим материалом. О единовременности засыпки объекта свидетельствует стратиграфия его заполнения. Материал времени возведения объекта представлен только отдельными фрагментами лепной кухонной керамики.

Наиболее близкие аналогии рассмотренным полуземлянкам исследованы на салтовомаяцком поселении близ с. Морское в юго-восточном Крыму. Это так же безстолбовые подпрямоугольной формы полуземлянки, примерно одинаковых размеров и глубины. Тарелковидные очаги зафиксированы в постройках, предназначенных для жилья, и отсутствуют в сооружениях, имевших, скорее, хозяйственное назначение. Близ каждого жилища обнаружены летние открытые очаги и хозяйственные ямы для хранения зерна. Возможно, перекрытие крыш было так же одинаковым, с использованием либо подпорной глинобитной стенки, либо с опорой крыш непосредственно на грунт. Данное обстоятельство не удивительно. В эпоху раннего средневековья наблюдается естественная унификация этого простейшего типа жилых сооружений у народов Восточной Европы, переходивших к оседлости. С другой стороны описываемые полуземлянки близки жилым объектам пеньковских памятников Южного Поднепровья, связываемым с оседающими на землю кочевниками. Речь идет не о юртах и куртообразных постройках, отражающих начальный этап седентаризации, а о полуземлянках и наземных сооружениях с открытыми очагами (Чернетчина, Богатое, Луг-II, Деревка, Жовнин, бал. Яцевая). Последние оставлены уже практи-

чески оседлым населением. Таким образом, основываясь только на конструкции самого сооружения, очень трудно делать какие-либо этнические выводы. Единственным критерием в нашем случае являются сами закрытые комплексы и, прежде всего, набор лепной керамической посуды.

Второй тип жилых построек представлен каменными домами, сложенными техникой кладки «в елку». Наиболее информативный объект этого типа исследован на территории Судакского городища. Это каменный дом расположенный непосредственно возле полуземлянки 1. Все стены сложены техникой кладки «в елку» на всю высоту с использованием плиток сланца, крупной и средней гальки. Все углы помещения перевязаны. В северо-восточном углу помещения имеется вход шириной 0,85 м, образованный откосом северной стены, сложенным из блоков песчаника, и панцирем восточной стены. Все внешние углы помещения так же сложены из пиленых блоков песчаника.

Помимо трех жилых комплексов **культурный слой**, содержащий находки, аналогичные описанным объектам, обнаружен на участке куртины 15 Судацкой крепости. Наличие на этом месте культового объекта, тем более какого-либо святилища или капища, судя по степени исследованности участка, пока доказать невозможно.

Помимо этого, переотложенный аналогичный культурный слой обнаружен М. А. Фронджуло при раскопках на территории барбакана Судацкой крепости, Е. А. Айбабиной и автором на участке квартала I Судацкой крепости в 1997 и 2001 гг.

Наибольшее внимания заслуживает анализ керамических комплексов перечисленных выше объектов и зафиксированного в разных частях средневекового города культурного слоя. Тарная керамика, помимо красноглиняных реберчатых пифосов, представлена амфорами трех типов.

Тип 1 – красноглиняные тонкостенные амфоры с гладким туловом, покрытым слоем ангоба светлого цвета. Одна целая подобная амфора обнаружена в портовой части Судеи. Амфоры этого типа практически аналогичны сосудам из нижних горизонтов и хозяйственных ям поселения Тау-Кипчак, особенно амфорам типа 2 согласно типологии И. А. Баранова [16, с.28, рис. 9, 7]. В анализируемых комплексах, встречаются достаточно редко (Илл. 2: 1).

Тип 2 – красно и оранжевоглиняные амфоры с грушевидным туловом разных разме-

ров и пропорций. На плечах сосудов - орнамент в виде зонального рифления, иногда в сочетании с аналогичным по технике исполнения волнистым (Илл. 2: 8, 9, 12). Это широко известные на полуострове причерноморские амфоры местного производства. До недавнего времени считалось, что их нижняя хронологическая граница – середина VIII в. Однако, находки в закрытых комплексах Сугдеи подобных амфор с датирующим материалом рубежа VII – первой половины VIII вв., заставляет предположить, что они начали производиться в Крыму раньше. В анализируемых комплексах они являются основным типом амфорной тары. Хронологическими особенностями этих самых ранних причерноморских амфор может служить само зональное рифление, в некоторых случаях нанесенное небрежно. Кроме этого фрагменты верхних частей тулова демонстрируют сплошное зональное рифление без четкого разделения его на зоны. Морфологически сечение ручек самое разнообразное. Сохранившиеся полностью экземпляры отходят от воронковидного горла под углом. Изделий покрытых ангобом светлого и светло-зеленого цвета с регулярным зональным рифлением намного меньше, нежели оранжево и красно ангобированных. Безусловно, набор данных амфор отличается и более существенным морфологическим своеобразием. Во-первых, это присутствие фрагментов и одного археологически целого сосуда, обнаруженного в заполнении полуземлянки на территории раскопа V в портовой части Сугдеи, отличающихся техникой нанесения линейно-волнистого орнамента. Последний аккуратно прочерчен глубокой линией (Илл. 2: 11). Тесто сосудов красноглиняное с примесями мелкого песка и извести, стенки довольно тонкие. Дно амфор плоско-вогнутое. Поверхность иногда слегка подлощена. Во-вторых, это присутствие причерноморских амфор отличающихся не столько небрежностью нанесения самого рифления, сколько морфологическими показателями. Это сосуды, изготовленные из темно красной глины с раздутым туловом, широким воронковидным горлом и более прижатыми к тулову овальными в сечении ручками (Илл. 2: 10). Данные критерии соответствуют раннему варианту амфор с зональным рифлением, которые выделяются в последнее время Л. Ю. Недзельницкой [17, с. 326–338; 18, с. 261–282].

Тип 3 – темно красноглиняные и бордовоглиняные амфоры с вытянутым туловом, имеющим перехват на середине высоты и

острое дно, горло невысокое узкое. Ручки небольшие уплощенные расположены под округлым венчиком. На тулове часто видны следы заглаживания. В большинстве выделяемых комплексов Сугдеи эти амфоры встречаются в виде отдельных фрагментов (Илл. 2: 2, 3, 5, 6). Только в одном случае обнаружена археологически целая амфора этого типа, вероятно, являющаяся браком. Происходит она из шурфа 1993 г. в портовой части Сугдеи (Илл. 2: 4) [19, с. 42], где обнаружена в комплексе с крупным тонкостенным так же бракованным кухонным сосудом, подражающим ранневизантийским образцам, о чем речь пойдет ниже. Традиционно, прототипом этих амфор считают позднеантичные образцы Кавказского происхождения (т.н. колхидские амфоры). Средневековые экземпляры, достаточно хорошо известные среди материалов Херсонеса и Боспора, обычно датируют в рамках V–VI вв. Однако, наши сосуды, судя по находкам бракованных изделий, местного производства [19, с. 41]. Вероятно, в Сугдее они доживают до середины VII в.

Остальные типы амфор представлены в данных комплексах в виде мелких отдельных фрагментов. Исходя из этого, на их анализе, детально проведенном в многочисленной литературе, я подробно не останавливаюсь. Отмечу, что к моменту появления выделенных комплексов большинство из этих амфор уже вышли из употребления. Во-первых, это светлоглиняные амфоры с примесями шамота т.н. типа Истрии. Еще реже встречаются мелкие фрагменты т.н. сиро-палестинских амфор. Верхняя хронологическая граница бытования последних двух типов амфор не выходит за рамки середины VII в. Фрагментарно представлены красноглиняные ангобированные амфоры с линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом. Видимо они еще не получили широкого распространения.

Столовая керамика представлена несколькими категориями разнообразных сосудов. Во-первых, это крупные коричнево и сероглиняные ойнахойи с небольшими горизонтальными ручками для подвешивания в придонной части тулова и обычной плоской вертикальной ручкой, расположенной над ней. Помимо этого, характерным их отличием является отсутствие расписного орнамента. Крупные экземпляры этих ойнахой обнаружены в заполнении каменного дома на участке раскопа V портовой части Сугдеи (Илл. 6: 5) и более крупный археологически целый экземпляр в заполнении полуземлянки в портовой части на этом же раскопе

(Илл. 7: 16). Типологически близкие экземпляры происходят из наиболее ранних объектов поселения Тау-Кипчак [20, р. 38, Taf. 6, 4]. Одновременно встречаются и ойнахойи средних размеров без расписного орнамента, а так же с удлинённым туловом (Илл. 7: 13). Интересным является сосуд с очень тонкими стенками и остатками прочерченного линейно-волнистого орнамента (Илл. 6: 1). Найдена и миниатюрная ойнахойя с довольно толстыми стенками и расписным линейным орнаментом (Илл. 4: 1). На дне ее видны четкие следы от гончарного орудия с треугольным окончанием. Трудно пока найти аналогии фрагменту венчика оранжевоглиняной ойнахойи с четко выраженным массивным пазом для крышки и почти круглой в разрезе ручкой, отходящей непосредственно от края венчика (Илл. 6: 12). Главным отличием этой категории сосудов является отсутствие стандартизации, ярко проявившееся в последующее время.

Особую категорию столовой посуды составляют уникальные фрагменты лощеных горшков типологически близким сосудам Пастырского городища. Они обнаружены в керамическом комплексе слоя на участке куртины XV Судакской крепости и в заполнении хозяйственной ямы на участке раскопа 1 в портовой части Судеи (Илл. 5: 9). Тем не менее, исходя из фрагментарности находок, соотношение этой лощеной керамики с Пастырской нельзя считать окончательно установленным фактом.

К керамике редких форм можно отнести и находку в заполнении каменного дома на участке раскопа V в портовой части Судеи красноглиняного котла конической формы на широком дне с петлевыми ручками для подвешивания, расположенными ниже валикообразного венчика (Илл. 6: 13). Второй аналогичный фрагмент, обнаруженный на территории Судакского городища на территории раскопа V в культурном слое, принадлежит аналогичному коническому котлу на широком дне, но с небольшим бортиком под венчиком (Илл. 6: 14).

Набор кухонной посуды является отличительной особенностью выделяемых объектов и культурных горизонтов. Несмотря на отдельные публикации [8, с. 71–88; 9, с. 96–103; 10, с. 14–31]. Остановимся на его характеристике подробнее.

Тип 1 – гончарные горшки разных пропорций и величины с плавно отогнутым уплощенным профилированным венчиком, коническим туловом, одной или двумя руч-

ками, отходящими от края венчика с каннелюрами и пальцевыми прилепами на месте крепления к краю венчика (Илл. 4: 2; 6: 6–8). Тесто с примесью песка и толченого кварца. Упомянутый подобный крупный бракованный сероглиняный сосуд найден на территории Судакского городища в комплексе с остронозой амфорой (Илл. 5: 10). Среди кухонной посуды Херсонеса типологически близкая посуда хорошо известна начиная с V–VI вв. Существует она вплоть до начала IX в. Горшки аналогичные нашим выделены в тип 2 согласно типологии А. И. Романчук [21, рис. 2]. Несомненно их ранневизантийские генетические корни, но так же очевидно их местное производство, как в Херсонесе, так и в юго-восточном Крыму. Отметим, что в керамическом комплексе выделенных объектов и культурных горизонтов она не получила столь широкого распространения и уже в первой половине VIII в. постепенно была вытеснена кухонной салтово-маяцкой керамикой и т.н. провинциально-византийской посудой, производившейся носителями салтовской культуры.

Тип 2 – серо или коричневоглиняные горшки с яйцевидным туловом, высоким горлом и плавно отогнутым венчиком край которого, чаще всего, косо срезан. Стенки сосудов довольно тонкие, тесто с примесью песка и извести, поверхность горшков чаще всего заглажена (Илл. 3: 9; 7: 12). Горшки этой группы обладают признаками заглаживания поверхности руками или при помощи простейшего гончарного круга, встречены и следы обтачивания тулова при помощи гончарного инструмента. Отметим, что зафиксированные следы, аналогичны в верхней и нижней части корпуса горшка. Это свидетельствует о достаточно развитых операциях заглаживания и обтачивания при помощи гончарного круга. Сосуды данного типа не получили широкого распространения на памятниках юго-восточной части Крыма, в том числе и на рассматриваемых в работе. Как уже указывалось, такая керамика лежит в основе т.н. провинциально-византийской посуды Крыма, аналогичной неорнаментированной салтово-маяцкой кухонной керамике. Не исключено, что самые ранние из горшков этого типа являются подражаниями гончарным византийским образцам. По свидетельству И. А. Баранова, последние встречены практически на всех провинциально-византийских поселениях Таврики, являясь основным типом кухонной посуды [16, с. 93]. На салтово-маяцких поселениях они единичны.

Тип 3 – лепные и подправленные на круге сосуды хорошо известные по раскопкам салтовских памятников центрального и юго-западного Крыма, где являются ведущими формами [20, р. 32, Taf. 2; 22, с. 132–142, рис. 15, 1–4; 23, с. 328, рис. 10, 2, 4; 24, с. 63, рис. 35, 7; с. 22, рис. 7, 6; 25, с. 222, рис. 40]. Данные горшки довольно хорошо описаны в литературе. Это сосуды с яйцевидным туловом темно-серого или черного цвета с обильными примесями дресвы, песка, реже шамота. Стенки сосудов довольно толстые, тесто жирное, поверхность тулова часто заглажена. Характерной особенностью является волнистый орнамент, расположенный обычно на шейке или плечиках горшков. Гравировка линий четкая и глубокая, но, при этом, орнамент наносился небрежно. Как уже отмечалось, все сосуды носят следы подправки на гончарном круге. По мнению И. А. Баранова это свидетельствует о постепенном процессе оседания праболгар на землю [16, с. 91]. Зафиксированы следы обстругивания, обтачивания и заглаживания при помощи простейшего гончарного круга. При этом действительно заметна постепенная эволюция этих гончарных операций, выразившаяся, прежде всего, в появлении более прогрессивных следов профилирования на венчиках некоторых технологически наиболее совершенных сосудов. Очевидно, горшки этого типа являются прямой генетической подосновой салтово-маяцкой кухонной керамики, определяющей «лицо» этой культуры.

Характерной особенностью рассматриваемых памятников является то, что в их керамических комплексах горшки этого типа встречены в виде отдельных фрагментов (Илл. 3: 1). К тому же это в основном сероглиняные изделия с примесями в тесте извести и толченых раковин. По составу теста они практически ничем не отличаются от основной массы лепной керамики Сугдеи в рассматриваемый хронологический период.

Тип 4 – лепные округлобокие, конусовидные и тюльпановидные горшки, изготовленные из серой рыхлой глины с включениями дресвы и крупного шамота. Стенки горшков довольно толстые, поверхность бугристая со слабыми следами заглаживания. Тулово сосудов напоминает яйцевидное, слегка деформированное. При этом горшки имеют покатые плечи и широкое горло неправильной формы, диаметр которого превышает диаметр дна. Именно из-за формы горла и тулова эти горшки иногда в литературе называют тюльпановидными. Венчики таких

сосудов практически не профилированы, иногда украшены орнаментом по краю в виде небрежно нанесенных вдавлений ногтем или штампом. Все они имеют аналогии в лепной керамике, известной в раннесредневековых кочевнических погребениях Крыма и Причерноморья. Представлены мелкими фрагментами венчиков и донышек (Илл. 7: 5, 6). Последние практически не профилированы, иногда украшены орнаментом в виде насечек или небрежных пальцевых вдавлений. Рассмотрение лепной керамики раннесредневекового кочевого населения Причерноморских степей и Таврики является темой отдельного, далеко не завершенного исследования. Типологически близкие сосуды происходят из впускных погребений у сел Богачевка, Наташино, Айвазовское, Рисовое, грунтовых некрополей Суук-Су, на Госпитальной улице в Керчи, некоторых впускных погребений Северного Причерноморья [10, с. 21–24, мал. 5–8]. Некоторые из них объединяются в т.н. Сивашовскую группу. Получили они распространение на широкой территории, включающей Поднепровье [26, с. 109, рис. 2, 3; 27, с. 31, рис. 9]. Типологически близкие сосуды обнаружены в Подунавье, а так же в синхронных аваро-кутригурских древностях Паннонии [28, taf. 8, 4, taf. 9, 4, 5; 29, fig. 3, 11, 12]. Ч. Балинт рассматривает эту посуду как традиционно кочевническую и связывает ее появление среди оседлого населения Приднепровской лесостепи и Степи с влиянием кочевников, входивших в состав Великой Болгарии и Аварского каганата [30, р. 137–138]. Предварительно, исходя только из морфологических критериев, среди этой керамики можно выделить сосуды, отличающиеся от банковидной кочевнической керамики [10, с. 21, мал. 5, 1, 4–6]. Именно они и являются типологически наиболее близкими рассматриваемому типу лепной посуды объектов и культурного слоя Сугдеи.

Тип 5 – лепные шаровидные горшки, изготовленные из серой или коричневой глины. Основываясь исключительно на морфологических критериях, предварительно выделено 5 вариантов. Вариант 1 – плечики покатые, расположенные примерно на середине высоты. В тесте примеси пиритов, кварца, песка (Илл. 3: 10; 4: 4–6; 7: 2–4). Помимо Сугдеи, они встречены в подъемном материале поселений у с. Морское и Тау-Кипчак. Типологически близкие сосуды характерны, в том числе, и для культуры типа Чурел. Практически аналогичные формы известны на территории Паннонии [29, fig. 13,

14]. Технологически они более совершенны, чем горшки типа 4. На одном из фрагментов, происходящем из слоя на участке куртины XV Судакской крепости (Илл. 3: 10), прочерчен крест. Аналогичная христианская символика присутствует на типологически близких горшках происходящих с территории Румынии (Штефан-чел-Маре, Батошана, Хорча, Корлотень, Давиденъ) [31, р. 130, fig. 12; р. 132, fig. 14, 1, 5]. К этому варианту можно отнести и горшки, изготовленные из жирной глины с яйцевидным туловом и отогнутым уплощенным венчиком, практически без горла (Илл. 6: 15).

Вариант 2 – тюльпановидные приземистые сосуды, (Илл. 3: 6; 7: 8). Наибольшее представление об их морфологии дает археологически целая форма из слоя на участке квартала I Судакской крепости (Илл. 4: 7). Изготовлены они из темно-серой глины, поверхность слегка заглажена, в тесте примеси песка, извести. Венчик иногда украшен пальцевыми вдавлениями по краю. Типологически близкие формы известны, прежде всего, в аваро-кутригурских могильниках Паннонии [29, fig. 11]. Технологически они идентичны горшкам варианта 1.

Вариант 3 – наиболее распространенный, сосуды маленьких и средних размеров отличительной особенностью которых является конусовидное тулово, очень маленькая шейка и небольшой отогнутый венчик (Илл. 3: 5; 4: 3; 5: 1,2; 7: 1, 10, 11). Иногда сосуды имеют по тулову вмятины (Илл. 3: 2; 7: 7). Изготовлены они из коричневой глины с незначительными примесями песка, извести и, чаще чем у других сосудов, шамота. Горшки варианта 3 являются ведущими среди лепных сосудов встреченных в салтово-маяцких могильниках Подонья и Приазовья. Прежде всего, речь идет о единичных погребениях с лепной керамикой среди материалов Фанагории [32, с. 262–266], Крымского могильника [33, с. 70–101], Нетайловского [34, с. 76, рис. 2, 5] и Маяцкого [35, с. 57, рис. 3; 36, с. 120, рис. 43, А] некрополей, части трупосожжений Дмитровского некрополя, где они относятся к типу 1 согласно типологии С. А. Плетневой [37, с. 143], Ново Покровского, Сухогомольшанского, Красногорского и Червоногусаровского могильников [38, с. 33–50; 39, с. 158–173; 40, с. 45–52; 41, с. 195–196], где выполняли функции, как урн, так и сосуда приставки, иногда вместе с салтовской гончарной посудой. Достаточно широко они представлены в Паннонии, где выделено, несколько их вариантов [29, fig. 6, 10, 20, 55]. По типологии пень-

ковской керамики эти сосуды имеют общие черты как с типом II, так и с типом VI-4 [27, с. 31, рис. 9]. Технологически они идентичны горшкам вариантов 1 и 2.

Вариант 4 – сероглиняные небольшие горшки с мелкими примесями извести, реже шамота и песка (Илл. 5: 6, 7; 7: 9). Стенки довольно толстые, поверхность заглажена. Характерной их особенностью являются очень покатые плечи, расположенные немного выше середины высоты. Шейка практически отсутствует, венчик маленький, округлый, слегка отогнутый. В Таврике они чрезвычайно редки. Ближайшие аналогии находятся среди сосудов Поднепровья и выделены в тип III согласно типологии О. М. Приходнюка [27, с. 31, рис. 9, III]. Технологически они идентичны описанным выше вариантам 1–3.

Вариант 5 – горшки средних и крупных размеров с конусовидным туловом, высокой шейкой и уплощенным отогнутым венчиком (Илл. 6: 9–11). В тесте значительные примеси кварца. Стенки сосудов довольно толстые, тесто рыхлое, поверхность заглажена. Характерной их особенностью является орнамент в виде наколов на плечах и насечек по краю венчика горшка. За пределами полуострова аналогии мне неизвестны. Обычай украшать простейшим орнаментом в виде насечек раннесредневековую лепную посуду более всего характерен для Надпорожских и Поорельских пеньковских памятников. Технологически они идентичны сосудам первого варианта.

Безусловно, изготовление всех типов и вариантов лепной керамики носило домашний характер. Эволюционное развитие технологии производства шло достаточно медленно и не выдерживало конкуренции с быстро прогрессирующими горшками типа 3. Тем не менее, вклад описанных лепных сосудов типа 4 и 5 в становление салтово-маяцкого керамического комплекса Таврики нельзя недооценивать. Как уже отмечалось, в первой половине VIII в. данная посуда полностью выходит из употребления.

Подводя итоги анализу лепной керамики выделенных объектов и горизонтов раннесредневековой Судеи необходимо отметить, что несколько вариантов горшков имеют аналогии среди некоторых типов позднепеньковского керамического комплекса, с чем согласились специалисты [42, с. 52; 6, с. 187; 43, с. 173]. Конкретизируя эти взгляды, М. В. Любичев даже не возражает против присутствия в Крыму отдельных носителей Пеньковской культуры [44, с. 128]. Тем

не менее, совершенно справедливо то, что нельзя отождествлять с ними кочевнические горшки из степных раннесредневековых погребений Причерноморья и Крыма, как это делал И. А. Баранов [45, с. 22]. Именно на это и обращает внимание большинство исследователей [46, с. 17], утверждая, что керамика степной полосы не имеет даже отдаленных аналогий в позднepenьковской [44, с. 126]. По мнению О. М. Приходнюка все формы лепной керамики, обнаруженной в Сугдее, имеют аналогии в Бруснянском могильнике ранних болгар на Волге [46, с. 18], что, конечно, значительно расширяет ареал аналогий, но не решает окончательно этнической атрибуции ее изготовителей.

До сегодняшнего дня единственной находкой, позволяющей датировать подобные комплексы Сугдеи, является бронзовая византийская пряжка с крестообразным щитком, обнаруженная в заполнении каменного дома в портовой части Сугдеи. Данные экземпляры довольно хорошо датируются рубежом VII–VIII вв. [47, с. 83, рис. 57, 1; с. 92, рис. 64, 37; 48, с. 220, рис. 41, 7, 6; с. 180]. В целом, набор изделий из глины (пряслища, изготовленные из амфорных стенок), железа (разнообразные ножи, фрагменты конской упряжи, фрагмент сабли), кости (разнообразные астрагалы с насечками), стекла (фрагменты рюмок, в т.ч. одна реконструируемая форма), камня (грузила и терочники из гальки, сланцевое прясло) типичен для раннесредневековых памятников полуострова и не является ни датирующим материалом, ни источником для этнической атрибуции. К изделиям культового характера относиться находка небольшого идола изготовленного из белого известняка с отбитым в древности лицом (Илл. 3: 11). Аналогичный идол происходит из раскопок Саркела [49, с. 65]. Однако атрибуция Судакского изделия, как идола, безусловно, не окончательна и нуждается в дальнейшей аргументации. Интересна и находка бронзового подвесного амулета в виде фигурки лошади (Илл. 3: 4). Типологически близкие амулеты известны на территории Болгарии [50, с. 247–258]. И первая, и вторая находки происходят из культурного слоя на участке куртины XV Судакской крепости.

Суммируя все вышеизложенное, можно отметить, что во второй половине VII – первой половине VIII вв. в юго-восточном Крыму и Сугдее появляются памятники, оставленные оседлым не византийским населением. Основываясь на данных археологических

реалиях, можно попытаться реконструировать события, приведшие к появлению на полуострове данной своеобразной группы памятников. Вероятнее всего в области Южного Поднепровья в течение VI–VII вв. происходит процесс постоянных контактов между пеньковским населением и той частью кочевников Причерноморья, кочевья которых располагались поблизости. Существует предположение, что пеньковская культура является археологическим эквивалентом антов. В то же время, практически все письменные источники южными соседями антов называют кутригур, с которыми связывается часть ранних впускных кочевнических погребений Причерноморья. Таким образом, в процессе постоянных естественных контактов между ними и шел процесс образования своеобразной этнической общности, археологическим эквивалентом которой и являются южноднестровские пеньковские поселения с тюркскими чертами.

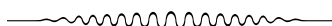
Вероятнее всего, данное формирующееся этническое образование входило в состав антского союза. Вероятнее всего следует согласиться с мнением, что антский союз являлся не этническим, а территориальным и политическим протогосударственным образованием [51, с. 31; 52, с. 31]. После аварского нашествия, какая-то часть этого формирующегося этнического образования Южного Поднепровья вместе с ними переселяется в Паннонию. Во второй половине VII в. со страниц летописей и хроник анты исчезают. В то же время, как показывают археологические раскопки, практически все Пеньковские памятники Южного Поднепровья продолжают функционировать всю вторую половину VII в.

После образования Великой Болгарии, выделяемое этническое образование, как и степные кутригуры, включается в ее состав. Кардинальные изменения произошли после разгрома Великой Болгарии хазарами в середине VII в. Вероятно, под давлением хазар, часть этнически неоднородного оседлого и полuosедлого населения Южного Поднепровья переселяется в Крым. Именно с этим переселением и оседанием тюрков в Таврике и связано появление на полуострове анализируемых памятников. Очевидно, переселенцы быстро смешались с численно превосходящими и этнически близкими оногурами, послужив одной из составляющих при формировании салтово-маяцкой культуры Крыма. Став федератами Византии, на полуострове они чувствовали себя более защищенными.

Литература

1. Ravennatis anonymi cosmographia et Gvidonis geographika. – Berolini, 1860.
2. Васильевский В. Г. Исторические сведения о Суроже / В. Г. Васильевский // Труды В. Г. Васильевского. – Т. III. – Петроград, 1915. – С. CLVI–CCVII.
3. Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости / И. А. Баранов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 46–62.
4. Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи / И. А. Баранов // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 145–159.
5. Баранов И. А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи / И. А. Баранов // Byzantinorussica. Византиноруссика. – № 1. – М., 1994. – С. 48–61.
6. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь, 1999. – 352 с.
7. Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. / А. В. Джанов // Сугдейский сборник. – Киев–Судак, 2004. – С. 45–74.
8. Баранов И. А. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика / И. А. Баранов, В. В. Майко // БСП. – Т IV. – В. Тырново, 1995. – С. 71–88.
9. Баранов И. А. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики / И. А. Баранов, В. В. Майко // Старожитності Русі-України. – Київ, 1994. – С. 96–103.
10. Майко В. В. Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст.н.е. / В. В. Майко // Українська керамологія. – Кн. 1. – Опішне, 2001. – С. 14–31.
11. Баранов И. А. Тюркское святилище Сугдеи / И. А. Баранов, В. В. Майко // РА. – № 3. – 2001. – С. 98–110.
12. Баранов И. А. Раскопки в портовом районе Судакской крепости / И. А. Баранов, В. В. Майко // АИК 1993 г. – Симферополь, 1994. – С. 43–47;
13. Баранов И. А. Раскопки в средневековой Сугдее / И. А. Баранов, В. В. Майко, А. В. Джанов // АИК 1994 г. – Симферополь, 1997. – С. 38–45.
14. Степанова Е. В. Находки печатей в Судаке / Е. В. Степанова // Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. – С. 175–192.
15. Майко В. В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи / В. В. Майко // Древности 2009. – Харьков, 2009. – С. 263–272.
16. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) / И. А. Баранов. – Киев, 1990. – 168 с.
17. Нидзельницкая Л. Ю. Раннесредневековая керамика из западного пригорода Танаиса / Л. Ю. Нидзельницкая // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. – Вып. 18. – Азов, 2002. – С. 326–338.
18. Нидзельницкая Л. Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам Донских музеев) / Л. Ю. Нидзельницкая // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 257–282.
19. Баранов И. А. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи / И. А. Баранов // АИК 1993. – Симферополь, 1994. – С. 37–42.
20. Baranov I. A. Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim / I. A. Baranov // Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in ihrer varianten. – Varia Archaeologica Hungarica III. – Budapest, 1990. – P. 23–45.
21. Романчук А. И. Херсонес VI – первой половины IX вв. / А. И. Романчук. – Свердловск, 1976. – 48 с.
22. Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен / А. В. Белый, В. В. Назаров // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 132–142.
23. Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен / А. В. Белый // История и археология юго-западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 49–53.
24. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / А. Л. Якобсон. – Л., 1979. – 164 с.
25. Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище / И. Н. Храпунов // МИЭТ. – Вып. II. – Симферополь, 1991. – С. 3–33.
26. Приходнюк О. М. О территории формирования и основных направлениях распространения пенковской культуры / О. М. Приходнюк // Древности юго-запада СССР. – Кишинев, 1991. – С. 106–124.
27. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. / О. М. Приходнюк. – Київ, 1980. – 151 с.
28. Bona I. Szazadi avar telepulesek es Arpad-Kori Magar falu Dunaujva-rosban / I. Bona. – Budapest, 1973.
29. Garam E. The Homokmegy-Halom cemetery / E. Garam // Avar finds in the Hungarian National Museum. – Budapest, 1975.
30. Balint Cs. Über einige osstliche Beriehungen der Fruhawarenzeit (568-circa 670/680) / Cs. Balint // Mitteilungen des Archaeologischen Instituts des Ungarischen Akademieder Wissenschaften. – 10/11. – Budapest, 1980/81.
31. Teodor Dan Ch. Crestinismul la est de Carpati de la origini sipina in secolul al XIV-lea. Editora Mitropoliei Moldovei si Bucovinei. / Dan Ch. Teodor. IASI. – 1991. – 230 p.

32. Атавин А. Г. Средневековые погребения из Фанагории / А. Г. Атавин // СА. – 1986. – № 1. – С. 262–266.
33. Савченко Е. И. Крымский могильник / Е. И. Савченко // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 1. – М., 1986. – С. 70–101.
34. Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. / О. В. Пархоменко // Археологія. – 1983. – Вип. 43. – С. 75–87.
35. Флёрв В. С. Болгарские погребения Маяцкого могильника / В. С. Флеров // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 46–59.
36. Флёрв В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата / В. С. Флеров. – Волгоград, 1993. – 141 с.
37. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье / С. А. Плетнева. – М., 1989. – 287 с.
38. Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення / Ю. В. Кухаренко // Археологія. – 1952. – Т. XVI. – С. 33–50.
39. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник / В. К. Михеев // СА. – 1986. – № 3. – С. 158–173.
40. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры / В. К. Михеев // Ранние болгары и фино-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 45–52.
41. Михеев В. К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червонная Гусаровка / В. К. Михеев // Древности. – Харьков, 1994. – С. 195–196.
42. Рашев Р. Прабългарите през V–VII век / Рашо Рашев. В. – Търново, 2000.
43. Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи / А. И. Айбабин // МАИЭТ. – Вып. VII. – Симферополь, 2000. – С. 168–185.
44. Любічев М. В. Пеньківська культура: ще раз про територію та етнічну приналежність / М. В. Любічев // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. – Київ–Львів, 1999.
45. Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата / И. А. Баранов. Автореф. дис. д.и.н. – Киев, 1994. – 40 с.
46. Приходнюк О. М. Пеньковская культура Культурно-хронологический аспект исследования / О. М. Приходнюк. – Воронеж, 1998.
47. Веймарн Е. В. Скалистинский могильник / Е. В. Веймарн, А. И. Айбабин. – Киев, 1993.
48. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени / А. И. Айбабин // МИЭТ. – Вып. 1. – Симферополь, 1990. – С. 3–86.
49. Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – М., 1986. – 106 с.
50. Тотев К. Зооморфни катинари от средновековна България / К. Тотев // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 247–258.
51. Сухобоков О. В. Праболгары на Днепровском Левобережье (по археологическим данным) / О. В. Сухобоков // III Дриновские чтения. – Харьков, 1994. – С. 31–33.
52. Попович М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев, 1985. – 167 с.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЗНЕСЕНОВКА-3 НА ГРАНИЦЕ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ (предварительная информация)

Ключевые слова: поселение, Вознесеновка-3, постройка, очажная яма, раннегончарная керамика, салтово-маяцкая культура, древнерусское время

Поселение Вознесеновка-3 расположено на правом высоком берегу р. Ведуга (правый приток р. Дон), в ≈ 500 м к западу от реки, на высоте 35–40 м над ее уровнем, на северной стороне большого оврага, находящегося у верхнего (западного) конца с. Вознесеновка (Вознесенка) Семилукского р-на Воронежской обл. и имеющего у местного населения название «Дальний Лог» (Илл. 1, 2).

В настоящее время поверхность памятника задернована и в силу своего положения на самом краю оврага никогда не распахивалась. Однако ранее (до Великой Отечественной войны), по рассказам местных жителей, на этой стороне оврага находился лес, окончательно выкорчеванный еще на их памяти.

Памятник был открыт в 2005 г. по подъемному материалу, происходящему из нескольких близкорасположенных кротовин [1, с. 26, 27, рис. 46–49]. В следующем году он обследовался повторно. Тогда же на нем было заложено 2 шурфа общей площадью 4 м² [2, с. 8–11, рис. 3–18]. Ещё через год на памятнике заложен раскоп (64 м²) [3]. В 2008 г., в процессе нового обследования памятника и его окрестностей, на нем для уточнения границ культурного слоя было заложено ещё 4 шурфа по 1 м² [4, с. 16–23, рис. 2–3; 27–47; 48:1–4].

В результате неоднократных обследований выяснилось, что весь встреченный на памятнике материал четко локализуется на небольшом (примерно 30 м. на 30 м) задернованном участке края оврага Дальний Лог с его северной стороны. Исключительно высокая концентрация материала на этой территории резко контрастирует с его полным отсутствием за ее пределами. Последнее особенно рельефно подчеркивается отсутствием

каких-либо следов жизнедеятельности человека древнее XX в. на распахке, подходящей к северной стороне Дальнего Лога и фактически вплотную к очерченному нами участку (Илл. 2).

Обследование сторон Дальнего Лога, а также, по возможности, тщательнейшее обследование ближайших окрестностей памятника (радиусом не менее 1 км) не выявило никаких схожих материалов. В непосредственной близости от Вознесеновки-3, на языках вдающихся в Дальний Лог, были обнаружены лишь участки слабонасыщенного культурного слоя, содержавшего материалы эпохи бронзы и раннего железного века (поселения Вознесеновка-4 и 5) (Илл. 1, 2) [2, с. 11–12, рис. 3–4; 19; 20: 1–3; 21; 4, с. 23–26, рис. 2–3; 27–29; 48: 5–22; 49–58]. Обследование склонов и дна Дальнего Лога также не выявило никаких следов древней жизнедеятельности человека и не позволяет подтвердить возможное разрушение поселения Вознесеновка-3 оврагом.

Возвращаясь к границам распространения керамики на памятнике Вознесеновка-3, отметим, что даже в пределах очерченной нами территории материал распространяется крайне неравномерно. Основная его масса сосредоточена на небольшом участке – зоне преимущественной концентрации (не более 100 м²), часть которой была накрыта раскопом 2007 г. (Илл. 3: А) Насыщенность слоя керамикой здесь исключительна: с площади раскопа происходит более 12 тыс. фрагментов от, по меньшей мере, нескольких десятков сосудов; о насыщенности же слоя керамикой преимущественно в непосредственной близости от северо-восточного угла и восточного борта раскопа свидетельствует ежегодное выталкивание десятков ее фрагментов на поверхность землеройными животными в этих местах. В пределах раскопа в свою очередь удалось зафиксировать возрастание насыщенности слоя материалом в центральной и северо-

восточной частях. Кроме того, по меньшей мере, в северной части раскопа, наблюдалось значительное увеличение плотности залегания керамики на глубине 0,35–0,4 м от современной дневной поверхности (уровень пола постройки?). Границы же распространения керамики за пределами зоны ее преимущественной концентрации определены фактически по единичным фрагментам.

Культурный слой в площади раскопа-1 (2007 г.) имел разную мощность, уменьшаясь в южном направлении (в сторону оврага) от 0,75 до 0,4 м, что очевидно обусловлено процессами размывания склонов оврага (Илл. 3: В). В основном он состоял из чернозема (от 0,5 до 0,2 м толщиной), залегавшего непосредственно под дерном. Под слоем чернозема находился предматериковый слой темно коричневого, гумусированного суглинка (0,05–0,2 м), сходявшего на нет к южному борту. Материк же представлял собой темно коричневую глину. По всей площади он сильно разрушен норами землеройных животных и старой корневой системой деревьев.

В северо-восточной части раскопа в пределах зоны преимущественной концентрации керамики, в материке была выявлена очажная яма неправильной округлой формы несколько вытянутой в направлении запад-восток, диаметром 90–95 см при максимальной глубине в материке до 30 см (Илл. 3: Б). Стенки ямы покатые, плавно переходящие в дно, в разрезе она имела чашевидную форму. Стенки и дно ямы имели красноватый цвет, прокалены на толщину 2–4 см. Заполнение очажной ямы содержало большое количество мелкого угля и мелких фрагментов обожженной глины, а также значительное количество керамики (1426 фрагментов). Большей частью это мелкие и мельчайшие фрагменты до 1 см² площади поверхности. Кроме того в заполнении ямы присутствовало большое количество керамической фракции (1–2 мм в поперечнике), представляющей собой остатки расслоившихся фрагментов керамических сосудов.

Кроме керамики, в площади раскопа встречены лишь единичные кости животных, немногочисленные фрагменты глиняной обмазки, отдельные древесные угольки, не образующие скоплений или прослоек.

По совокупности данных можно предположить, что мы имеем дело с отдельно стоявшей полуземляночной, скорее всего, по-

стройкой, местонахождение и примерная площадь которой определяются по концентрации керамики. Вероятно, в раскоп попала лишь южная и юго-западная части комплекса. К сожалению, трудность фиксации перекопов в черноземе и состояние материка не позволило надежно зафиксировать каких-либо конструктивных особенностей постройки, кроме очажной ямы. Не исключено и то, что верхняя часть слоя к моменту раскопок была смыта в процессе образования оврага и исследована лишь нижняя часть постройки. Все же отметим, что концентрация керамики в этом месте представляется необычно высокой даже для жилой постройки и резко контрастирует, например, с единичностью остеологических материалов. Остается открытым и вопрос о местонахождении других комплексов или же культурного слоя, отражающих следы жизнедеятельности данного населения за пределами изученного локального участка.

К сожалению, единственным, хотя и весьма многочисленным, источником, дающим представление о хронологии и культурной атрибуции памятника является керамика. Так как обработка полученной керамической коллекции еще не вполне завершена, в настоящее время возможно дать только общую ее характеристику.

Вся имеющаяся керамическая серия представляется не просто однокультурной и одновременной, но весьма единой как в морфологическом, так и в технологическом отношениях. Вся она гончарная, однако, значительная ее часть (по предварительным оценкам, не менее 1/3) лишь подправлена на гончарном круге.

Прежде всего, обращает на себя внимание крайне низкое качество изготовления большей части керамики. По крайней мере, основная ее часть (если не вся) имеет костровый обжиг, зачастую очень неравномерный и недостаточный. Большая часть керамики «замыта», при прикосновении, а тем более при мытье расслаивается и рассыпается, орнамент часто полустерт, еле различим. Именно столь низким качеством керамики объясняется наличие в серии большого количества мелких и мельчайших фрагментов, сколов и фрагментов керамики не дающих представления ни о форме, ни часто даже о толщине сосудов. Так, например, из всех фрагментов

венчиков и днищ пригодными для восстановления формы сосудов оказываются не более $\frac{1}{4}$ части. Из-за чрезвычайно мелкой фрагментированности не удалось пока и восстановить полный профиль ни у одного сосуда. О том же качестве керамики свидетельствует и буквально забитость очажной ямы большой массой мелких и мельчайших фрагментов керамики, попавших сюда, вероятно, в процессе частичного разрушения сосудов при их соприкосновении с огнем в процессе приготовления пищи.

Внешняя поверхность фрагментов сосудов имеет, в основном, различные оттенки коричневого, реже – красного и серого цветов, иногда – черная. В изломе керамика чаще всего трехслойная с черной основой. У керамики коричневых (в ряде случаев и красных) оттенков внешний тонкий слой часто полустерт и легко смывается при мытье, обнажая черную основу. В ряде случаев цвет внешней поверхности неравномерный. На части керамики сохранились следы нагара.

Среди визуально фиксируемых примесей в тесте сосудов основными, ощутимо присутствующими во всей имеющейся серии, являются органика и песок. Пропорции их различны. Иногда встречается примесь мелкого шамота и в единичных случаях дресвы.

Типологически вся керамика может быть предварительно разделена на две группы. Одна из них (основная часть керамики) – горшковидные сосуды с небольшим (1–3 см, возможно, в зависимости от толщины большого пальца гончара) в разной степени (как правило, плавно) отогнутым венчиком (Илл. 4–6). Срез венчика закруглен или уплощен. Диаметр венчиков 8–22 см, но, в основном, до 15 см. В основном цвет поверхностей сосудов этой группы керамики коричневых и красных оттенков. Тесто сосудов пористое, с преобладанием органических примесей. Поверхности заглажены. Большая часть такой керамики орнаментирована. Орнамент располагался по плечикам сосуда и часто по всему тулову. Основным орнаментальным мотивом являются тонкие прочерченные линии, образующие как бы рифление поверхности сосуда. Как правило, они сочетаются с одной или несколькими рядами мелкой волны по плечикам, иногда, и на тулове сосудов. Достаточно часто орнаментирован и срез венчика: вдавления перевитой веревочки, гребен-

чатый штамп, иные способы орнаментации, трудно определяемые из-за полустертости.

Вторую группу составляют сосуды с прямостоящим (иногда слегка раструбовидным, иногда, напротив, несколько наклоненным вовнутрь) венчиком, образующим шейку или горло сосуда высотой 2–3,5 см с округлым утолщением по краю венчика (Илл. 7). Диаметр венчиков 8–12 см. Тесто сосудов, как правило, плотное, у части из них – сильнозапесоченное. Внешние поверхности хорошо заглажены, иногда подлощены. Некоторая часть керамики (как правило, черного цвета) без большого количества видимых примесей в тесте сосудов производит впечатление сравнительно высококачественной. Данная группа керамики орнаментирована гораздо реже, чем сосуды в первой группе. Орнаментальные мотивы, в целом, те же. Впрочем, как кажется, если к первой группе тяготеет орнамент рядами мелкой волны, то к данной группе керамики – орнаменты, выполненные гребенчатым штампом по тулову сосуда и широкими проглаженными линиями, опоясывающими тулово или, в одном случае (Илл. 7: 5), шейку сосуда. Отметим, в частности, неоднократно встречавшуюся (в основном на «качественной» керамике) орнаментальную композицию, состоящую из выполненной вдавлениями гребенчатого штампа, горизонтальной елочки, заключенной между широкими проглаженными линиями. На тулове ряда сосудов отмечен орнамент из проложенных линий, часто образующих сетку (или следы потертости от реальной сетки, в которой эти сосуды носили). Срез венчика и шейка, как правило, не орнаментировались. Типологически к этой же группе относится и один фрагмент с высоким (5,7 см) горлом диаметром 12 см и следами крепившейся к нему ручки – кувшин (Илл. 7: 1). Кувшинами также являлись и часть (если не все) другие сосуды этой группы. В керамической коллекции присутствуют сравнительно немногочисленные обломки ручек сосудов, как правило, с двумя желобками на внешней стороне (Илл. 7: 8, 9). В основном, они небольшие, круглые, предназначены скорее для подвешивания сосуда, чем для его переноски непосредственно за ручку. В одном случае сохранился и фрагмент венчика с носиком для слива. Можно предположить, что сосуды данной группы предназначались для жидко-

стей, тогда как первой группы для сыпучих масс и приготовления пищи.

Сосуды обеих групп плоскодонны, с диаметром днищ 8–16 см, иногда на небольшом поддоне (Илл. 8: 18–25). На более чем 70 фрагментах сохранились остатки клейм (Илл. 8: 1–17).

Из описанных групп выделяется, собственно говоря, лишь одна небольшая прямая банка с приостренным венчиком диаметром 9 см.

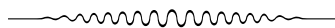
Применительно к рассматриваемой керамической коллекции представляется непродуктивным часто используемое в литературе деление на кухонную и столовую (парадную) посуду. К последней возможно отнести разве что небольшое количество фрагментов упоминавшейся ранее «качественной» керамики от нескольких сосудов. Они изготовлены из качественной керамической массы, имеют качественный обжиг, как правило, черного цвета, их поверхности подложены.

Полученные материалы – это раннегончарная керамика, как представляется, не имеющая себе в настоящее время прямых аналогий на Среднем Дону. Прежде всего, обращает на себя внимание сочетание гончарного способа изготовления керамики с архаичными догончарными чертами (правка на гончарном круте, низкое качество теста сосудов с большим количеством органических примесей, костровой неравномерный обжиг, орнаментация перевитой веревочкой по срезу венчика, др.). В форме и орнаментации керамики отчетливо прослеживаются салтовские, древнерусские в широком смысле, возможно также, некоторые славянские (боршевские?) черты. Что касается культурно-

хронологической атрибуции имеющейся керамики, то для нас решающим оказалось любезное указание Г. Е. Свистуна на наличие полных им аналогий среди салтовских материалов харьковского Подонцовья, которые датируются в общих рамках существования лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры – сер. VIII – нач. X веков [5, с. 225–230; 6, рис. 4: 4–6; рис. 8: 1, 4–13; рис. 9: 2–6; рис. 10: 1–9; рис. 11: 1–5]. Таким образом, любопытно само местоположение поселения далеко за пределами известного ныне ареала распространения подобного рода памятников.

Литература

1. Моисеев А. В. Отчет о проведении археологической разведки по р. Ведуга в 2005 г. (Семилукский р-н Воронежской обл.). – Воронеж, 2006. – (Архив ИА РАН) – б/н.
2. Моисеев А. В. Отчет о проведении археологической разведки по р. Ведуга в 2006 г. (Семилукский р-н Воронежской обл.). – Воронеж, 2007. – (Архив ИА РАН) – б/н.
3. Моисеев А. В. Отчет о раскопках поселения Вознесенка-3 в 2007 г. (Семилукский р-н Воронежской обл.). – Воронеж, 2008. – (Архив ИА РАН) – б/н.
4. Моисеев А. В. Отчет о проведении археологической разведки в бассейне р. Ведуга в 2008 г. (Семилукский р-н Воронежской обл.). – Воронеж, 2009. – (Архив ИА РАН) – б/н.
5. Колода В. В. Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья / Гл. ред. А. В. Евглевский. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк: Изд. ДонНУ. – 2001. – с. 219–232.
6. Свистун Г. Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов) // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 8. – С. 269–284.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

(краткий обзор археологических источников)

Ключевые слова: Керченский полуостров, салтовское население, сельское хозяйство, промыслы, ремесла.

В настоящее время на Керченском полуострове выявлено свыше 200 поселений салтово-маяцкой культуры, хронологические рамки для которых установлены в пределах середины/второй половины VIII – первой половины X вв. На протяжении всего этого периода основой их экономики оставались пашенное земледелие и приселищное животноводство, развитию которых в немалой степени способствовали благоприятные природно-климатические условия, а также устойчивый и высокий спрос на сельскохозяйственную продукцию в крупнейших византийских центрах транзитной торговли Таврики.

Главной растениеводческой отраслью сельского хозяйства салтовского населения Крыма и Таманского полуострова являлось полеводство, при этом ведущая роль в нем отводилась зерновым (в том числе фуражным) культурам: карликовой и мягкой пшенице, ячменю, просу и ржи. Среди других более редких образцов палеоботанического материала выделена твердая пшеница и ее полбяная разновидность, овес, полба двузернянка. Из зернобобовых культур известны находки зерен гороха [1, с. 72–73; 2, с. 105]. На Керченском полуострове ассортимент выращиваемых культур представлен пока только ячменем и пшеницей, обугленные зерновки которых найдены в одном из салтовских ритуальных комплексов на городище Артезиан и поселении Героевка-3 [3, с. 18; 4, с. 67]. По определению сотрудников Всесоюзного института растениеводства, ячмень с поселения Героевка-3 относился к подвиду *Hordeum sativum* (двурядный или голозерный), а пшеница – к виду *Triticum aestivum* (голозерная), без примесей просо-

видных зерен и зерен карликовой пшеницы [3, с. 18, приложение 2].

Пахотные орудия на салтовских поселениях Керченского полуострова не найдены. Тем не менее, есть все основания полагать, что, как и в соседних с ним регионах, для первичной обработки почвы использовались орудия плужного типа и тяжелый плуг, в пользу чего свидетельствуют находки чересла и лемеха с городищ Тепсень и Таматарха [5, с. 144, рис. 10, 1; 2, с. 105].

Орудия для дополнительной обработки почвы представлены мотыжкой, обнаруженной при расчистке печи постройки IX на поселении Героевка-3 (Илл. 2: 1). Она имела цилиндрическую незамкнутую втулку и расширяющееся книзу лезвие. Длина мотыжки 11 см, ширина лезвия 7 см [6, с. 164, рис. 4 г]. В отличие от тяжелых проушных мотыг с клинообразным рабочим краем, мотыжки являлись многофункциональными орудиями. В равной степени их можно было использовать для дополнительной обработки почвы и любых других земляных работ. В то же время, эти орудия считают одним и свидетельств существования огородничества [7, с. 31, 33, 130]. Аналогичные изделия обнаружены в Юго-Восточном Крыму и на Таманском полуострове, но гораздо чаще они встречаются на памятниках степной и лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры [1, рис. 24, 4–7; 27, 4, 8; 8, с. 127, рис. 8; 9, рис. 8, 1, 2; 10, с. 125, рис. 1, 2; 11, с. 145, рис. 5, 1–8; 7, с. 65, 78, рис. 32, 7–10; 40, 2; 12, с. 249, рис. 43, 1–3].

Орудия для сбора урожая столь же многочисленны и представлены единственным фрагментом серпа из ритуального зольника близ с. Заветное (Илл. 2: 2) [13, с. 273, рис. 9, 2]. К сожалению, плохая сохранность не позволяет определить к какому из типов серпов, обнаруженных на салтовских поселениях Крыма, он относится [14, с. 222, рис. 124, 1, 4–7; 9, с. 251–252, рис. 8, 3–6].

Переработка урожая осуществлялась в каждом хозяйстве в основном с помощью ручных ротационных жерновов, изготовленных из местных материалов, преимущественно мшанкового известняка и плотно сцементированного ракушечника. По классификации Р. С. Минасян, они относятся к группам I, III, а по классификации В. К. Михеева – к типам ПБ1 и ПБ2 [15, с. 103–104, 108; 16, с. 50, рис. 28, 8–11].

Верхний (бегунок) и нижний (постав) камни диаметром 35–60 см достигали толщины 5–8 см. Рабочая поверхность имела плоскую или полусферическую форму. По центру верхней плоскости бегунка высверливалось круглое, реже – квадратное отверстие для загрузки зерна, окруженное невысоким валиком. Сбоку на самом камне или небольшом выступе, имитирующем боковой подшипник, имелось еще одно отверстие или углубление для махового штока или ручки-рычага, при помощи которых жернову придавалось вращательное движение. Иногда на нижней плоскости бегунка вырубались два симметричных прямоугольных паза для деревянного или железного подпятника – порхлицы. Однако чаще всего порхлица крепилась внутри отверстия для засыпки зерна. Нижний камень имел только одно отверстие для опорного веретена (Илл. 2: 3).

Целые экземпляры жерновов, иногда по два-три камня в одном жилом или хозяйственном помещении, найдены на городищах Тиритака, Мирмекий, Артезиан, в святилище у с. Заветное, поселениях Героевка-6, Героевка-2, Героевка-3 и Эльтиген Юго-Западное, а обломки – практически на всех исследованных салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова [17, с. 50, 103, рис. 55; 56; 18, с. 177–178, рис. 80; 19, с. 100; 6, с. 164; 13, рис. 9, 1; 20, рис. 5, 2; 21, с. 152, рис. 3; 22, рис. 14, 2; 23, с. 45, табл. 24, 1; 4, с. 70, рис. 11; 24, с. 170, рис. 295].

Для обрушивания пленчатых злаков и дробления их на крупу использовали известняковые ступы-крупорушки и песты-растиральники, изготовленные из дерева, камня и ножек античных амфор. Единственный известный нам целый экземпляр цилиндрической ступы с конусообразной полостью (высота 0,45 м, диаметр 0,44 м) происходит с салтово-маяцкого поселения на городище Мирмекий, а их обломки найдены

в «хазарском» слое городища Тиритака [18, с. 177; 25, с. 73]. В качестве ступы, возможно, использовался каменный сосуд с небольшими сквозными ручками, фрагмент которого найден на поселении Эльтиген-Западное [24, с. 170, табл. 45, 17]. Песты, изготовленные из плотного песчаника и ножек античных, преимущественно фассосских амфор, обнаружены на поселениях Героевка-3, Эльтиген Юго-Западное и в «хазарском» слое городища Тиритака (Илл. 2: 5) [3, рис. 22; 25, с. 74].

Хранение урожая осуществлялось различными способами. Основная его часть распределялась по ямам-зернохранилищам, которые устраивали внутри жилищно-хозяйственных комплексов и за их пределами. Стенки некоторых из них подмазывали дополнительным слоем жидкой глины, а горловины перекрывались известняковыми крышками и жерновами [22, рис. 11; 24, с. 166, рис. 283]¹. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что ямы, размещенные внутри помещений, как наиболее защищенные от воздействия окружающей среды, предназначались для посевного материала.

Для хранения зерна, вероятно, использовали какую-то часть пифосов, при этом, как и ямы-зернохранилища, их иногда размещали внутри помещений [26, с. 190, рис. 7, 1]. Однако, в отличие от других регионов раннесредневековой Таврики, где находились гончарные центры по их производству, на Керченском полуострове пифосы встречаются гораздо реже. По всей видимости, доставка этих крупногабаритных и массивных сосудов, особенно гужевым транспортом, была сопряжена с большими трудностями. Более того, в отличие от амфор, которые в большом количестве попадали на салтовские поселения Восточного Крыма вместе с доставленным в них товаром, пифосы не использовались в качестве транспортной тары, поэтому их перевозка представляла собой более дорогостоящее мероприятие. Возможно, именно поэтому немногие обнаруженные на Керченском полуострове *in situ* пифосы происходят с поселений, расположенных на побережье Казантипского залива, для кото-

1) Наиболее показательна в этом отношении одна из ям на участке XIV городища Тиритака. Ее глубина достигала 3,70 м, диаметр дна 2,50 м. Квадратная в плане горловина была выложена по периметру известняковыми плитами и перекрыта плитой диаметром 0,56 м [17, с. 103].

рого характерны слабозадернованные супесчаные почвы малопригодные для устройства ям-зернохранилищ [27, с. 2, 6; 28, с. 28, № 75; 29, с. 363, 365–366].

Помимо ям и пифосов, аграрную продукцию хранили в специально предназначенных для этих целей хозяйственных помещениях. В качестве амбаров, скорее всего, использовались небольшие пристройки двух жилых домов на поселении Героевка-3. Внутренние размеры помещений составляли 1,5×1,3 м и 2,22×1,42 м. В одном из них осуществлялся и помол зерна, о чем свидетельствуют найденные на полу жернова (Рис. 1: 1) [30, с. 80–81, рис. 20; 6, рис. 2].

Для небольших запасов зерна и сухих продуктов предназначались каменные закрома, пристраивавшиеся к углам или стенам жилых помещений. Сооружались они из поставленных на ребро плит известняка и при помощи таких же плит иногда разделялись на две или три секции. Их размеры при высоте 0,40–0,50 м варьируются в пределах 0,50×0,60 м – 2,2×1,2 м [3, с. 10, рис. 10; 20, с. 427, рис. 5, 1; 7, 1; 21, с. 152, рис. 3; 25, с. 22, рис. 27]. Схожую функциональную нагрузку несли вкопанные в пол амфоры с отбитым горлом и крупные тарные горшки, но в отличие от закромов они предназначались для продуктов, которые рассчитывали употребить в ближайшее время (Илл. 1: 1–3) [25, с. 22, рис. 27; 28; 32; 34, 2; 30, рис. 20].

Не менее важная роль в хозяйстве салтовского населения Керченского полуострова отводилась животноводству. При этом утверждение И. А. Баранова о его подчиненном положении по отношению к земледелию вряд ли может быть приемлемо для отрасли в целом [1, с. 76]. Гораздо удачнее характер их взаимоотношений сформулировал В. К. Михеев, согласно которому земледелие и животноводство были не просто тесно связаны между собой, но и взаимно дополняли друг друга [16, с. 25].

Археозоологические материалы позволяют говорить о существенных различиях в структуре стада и его функциональном назначении не только в удаленных друг от друга районах полуострова, но и расположенных поблизости хозяйствах. К примеру, жители поселения «над источником», вероятно, специализировались на производстве мясной продукции и шерсти, получаемых

с мелкого рогатого скота. В пользу этого свидетельствует остеологический материал, распределившийся следующим образом: крупный рогатый скот – 9,9%, лошадь – 25,3%, мелкий рогатый скот – 59,6% [31, с. 236–237, 251, табл. III, 6–1]. Кости из раскопа II на поселении Пташкино представлены небольшой, а поэтому статистически недостаточной выборкой. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется неожиданно большой процентный показатель лошадей – 38,46%, в то время как для крупного рогатого скота он составил 34,61%, мелкого рогатого скота – 19,23%, свиньи – 7,69% [32, с. 145, прим. 17]. Совершенно иные показатели получены для поселения Героевка-3, жители которого, по всей видимости, употребляли в основном свинину. К такому выводу позволяет прийти анализ костных останков из зольника, перекрывшего полуземлянку VI, куда преимущественно попадали пищевые отходы. Соответственно, кости свиньи в его отложениях составляли 45,1%, кости крупного рогатого скота – 25,8%, мелкого рогатого скота – 19,3%, лошади – 9,6% [3, с. 23]. Достаточно выразительные фаунистические материалы происходят из «хазарского» слоя городища Тиритака. Среди останков домашних животных преобладали кости коровы – 48,2%, но для получения мясной продукции их не использовали, поскольку большинство из них принадлежали старым особям. Костей лошади оказалось сравнительно немного – 7,6%. Одни из них предназначались для верховой езды, другие могли использоваться и в качестве тягловой силы. Мелкий рогатый скот (овца – 5,5%, овца или коза – 22,7%, коза – 1,7%) представлен довольно большим числом костей, принадлежащих в основном взрослым особям. Последнюю позицию занимали свиньи, кости которых составляли 5,9% [33, с. 87–91].

Поселенческий материал дополняют археозоологические находки из могильников и ритуальных захоронений, при раскопках которых были обнаружены отдельные кости, части скелетов и черепа коров, быков, лошадей и овец [22, с. 24, рис. 19; 25, с. 25, рис. 86; 34, с. 107; 4, с. 67, 70]. Особый интерес представляют захоронения коней, открытые на городище Мирмекий и некрополе Нимфея [23, с. 38, 40; 35, с. 47].

По мнению И. А. Баранова, во второй половине VIII–X вв. животноводство на салтово-маяцких поселениях Крыма носило приусадебный характер с небольшим стадом у каждой семьи [1, с. 79]. Условия содержания скота позволяют классифицировать его как стойлово-выгонное. На протяжении дня скот выпасался на ближних пастбищах, а в ночное время возвращался на поселения и размещался на территории огороженных дворов, в кольцевых загонах и других, приспособленных для этих целей, легких сооружениях².

Не менее двух десятков кольцеобразных сооружений диаметром от 4–5 до 40 м, представлявших собой невысокие изгороди, сложенные из крупных необработанных камней, обнаружены на южном склоне горы Опук, где располагалось крупное салтово-маяцкое поселение «над источником». Примерно к половине из них примыкали прямоугольные в плане постройки размерами от 6×16 м до 9×11 м, интерпретированные В. К. Голенко как зимники-стойла [31, с. 236–237, 265, рис. 103].

Остатки еще одного загона для скота частично раскопаны на поселении Героевка-2. В плане он имел форму круга или овала и был окружен невысокой оградой на каменном цоколе шириной 0,60 м. Размеры огороженной площадки в направлении север-юг составляли не менее 30 м [37, с. 198, рис. 5].

В прибрежной зоне Азовского моря между городищами Чегене-I и Сююрташ разведками Артезианской археологической экспедиции выделено два типа каменных ограждений. К первому типу относились замкнутые конструкции, имевшие чаще всего округлую форму, реже – полигональную или приближенную к прямоугольной. Размеры их варьировались в пределах от 5 до 12–20 м и более. По мнению Н. И. Винокурова, они, вероятно, использовались в качестве загонов для мелкого рогатого скота. Во второй тип объединены незамкнутые ограждения дугообразной, прямоугольной и треугольной формы, длина которых составляла от нескольких десятков метров до одного – трех километров. В отличие от замкнутых загоронок, располагавшихся в котловинах или на их склонах, они вытя-

гивались от одной возвышенности к другой, отделяя соседние долины и перегораживая седловины хребтов. Соответственно и предназначались они совершенно для иных целей. К их числу Н. И. Винокуров отнес маркировку границ пастбищ, ограждение их от опасных склонов и выходов к морю, защиту от нападений на стадо хищных животных и ограничение передвижения животных в пределах отведенного им участка степи [38, с. 61].

В холодное время года животных содержали на территории поселений в специально отведенных для них помещениях и в отдельных постройках. В качестве таковых могли использоваться прямоугольные сооружения, пристроенные к кольцевым загонам на поселении «над источником» [31, с. 236]. Как небольшой загон или зимник для мелкого рогатого скота, можно интерпретировать округлое, вымощенное камнем, помещение (4×2,5 м), пристроенное к двухкамерному дому на поселении Героевка-6 (Илл. 1: 4) [20, с. 427, рис. 7, 1]. Для содержания скота были также приспособлены двухкамерные склепы Кыз-Аульского позднеантичного некрополя [39, с. 225–228; 40, с. 301–304].

Среди орудий животноводства отметим железное ботало, обнаруженное на полу двухкамерного дома в южной части поселения Героевка-3 (Илл. 2: 7) [21, с. 156, рис. 5, 4]. Подобного рода изделия использовались при выпасе одиночных особей и небольших групп животных на пересеченной местности [7, с. 139]. Ближайшая их находка зафиксирована в Юго-Восточном Крыму на поселении близ с. Русское [9, с. 255–256, рис. 10, 1]. При раскопках памятников салтово-маяцкой культуры в Подонье обнаружено три типа ботал: колоколовидные, цилиндрические и трапециевидные; при этом, как и в Крыму, преобладали ботала трапециевидной формы [16, с. 27, рис. 19, 13–15; 41, рис. 1, 3].

К числу изделий иллюстрирующих стойловое содержание скота относятся известняковые корыта, служившие кормушками или поилками. Одна из них найдена на поселении «Эльтиген-Памятник», другая – в конском захоронении на городище Мирмекий и еще две – в ритуальных комплексах городища Артезиан (Илл. 2: 4) [42, с. 310, рис. 16; 35, с. 47; 4, с. 67, 70, рис. 9А; 11].

2) При гуртовом выпасе ответственные функции по управлению стадом и его охране возлагались на собак [36, с. 67]. На салтовских поселениях Керченского полуострова их кости составляют 1,5–3,3% [31, с. 251, табл. III, 6–1; 3, с. 23; 33, с. 89–90, табл. 1].

Следующая группа изделий связана с примыкающими к животноводству обрабатывающими производствами – заготовкой мяса и молочным маслоделием.

С поселения Эльтиген Юго-Западное происходит фрагмент оригинального по конструкции ножа, использовавшегося, по мнению В. К. Михеева, для забоя скота [16, с. 29]. Его узкое и длинное лезвие сохранилось на длину 9,5 см. Прямоугольная в сечении ручка, завершалась двумя «вилкообразно» расположенными петлями, закрученными в противоположную сторону от лезвия (Илл. 2: 6) [43, с. 293]. Аналогичные ножи обнаружены на поселении близ с. Русское в Юго-Восточном Крыму, на Маяцком городище и в Болгарии [9, с. 253–254, рис. 4; 44, с. 93–94, рис. 4, 2, 3, тип 6; 16, с. 29, рис. 19, 17, 18; 32, 1–3].

Специфические гончарные изделия, с помощью которых осуществлялась переработка молочной продукции, представлены высокими цилиндрическими одноручными сосудами, атрибутированными С. А. Плетневой как маслбойки [45, с. 218]. На Керченском полуострове они найдены на городище Илурат, Кыз-Аульском некрополе, поселениях Героевка-3 и Верхне-Бурунский маяк Северное (Илл. 5: 9) [46, с. 477; 21, рис. 4, 4; 47, с. 461, рис. 3, 5, 6].

Помимо земледелия и животноводства жители салтовских поселений Керченского полуострова занимались домашними промыслами и ремеслами, но проводимая между ними грань, ввиду отсутствия специализированных производственных комплексов и малочисленности археологического материала, зачастую не имеет под собой надежной доказательной базы. С уверенностью, к промыслам можно отнести рыболовство, охоту, добычу нефти и соли, базировавшиеся на присвоении готовых к использованию биоресурсов, а также нерудного и минерального сырья. Сюда же следует причислить прядение, ткачество, кожевенное и косторезное дело, связанные, преимущественно, с переработкой сельскохозяйственной продукции. К числу производственных отраслей, которые уже вполне могли оформиться в самостоятельный и специализированный род занятий, относятся каменотёсное и камнерезное дело, керамическое, железоделательное и металлообрабатывающее производство.

Развитию рыбного промысла в прибрежных районах способствовала мощнейшая сырьевая база, включавшая в себя биоресурс Азовского и Черного морей (свыше 100 видов морских, проходных и полупроходных рыб), а также запасы самосадочной поваренной соли (основного консерванта и пищевой добавки), добывавшейся летом из рапы соленых озер Керченского полуострова. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении археологические источники не позволяют в полной мере судить о его роли, а также реконструировать технологию вылова, переработки и хранения рыбы. К числу наименее изученных относится остеологический материал и, прежде всего, такие его показатели, как видовой состав промысловых рыб и их процентное соотношение к остальному фаунистическому материалу. Подобного рода исследования были частично проведены лишь на трех памятниках. Согласно подсчетам А. К. Каспарова, в «хазарском» слое городища Тиритака кости рыб составляли 3,8% всего фаунистического материала, но видовой состав определен не был [33, с. 90, табл. 1]. На поселении Героевка-3 их процентный показатель оказался гораздо выше и варьировался в пределах 6,04–15,78%. При этом, в зольнике, заполнившем котлован полуземлянки VI, не менее 20% костей рыб принадлежали представителям семейства осетровых [3, приложение 3, с. 1–3]. Не менее интересные результаты были получены на поселении «над источником». Вопреки ожиданиям в его культурных напластованиях остатки морской фауны практически полностью отсутствовали. Таким образом, жители далеко не всех прибрежных поселений занимались рыбным промыслом, но объяснить с рациональной точки зрения этот факт пока не удалось [31, с. 252, табл. III. 6–1].

Немногочисленные находки рыболовных принадлежностей и орудий их изготовления представлены тремя категориями изделий из камня, металла и кости – крючками, грузилами и спицами для вязания сетей.

К орудиям индивидуального лова относится бронзовый одинарный бородчатый крючок, обнаруженный в одной из хозяйственных ям на городище Тиритака. Он имел короткое жало и прямое цевье, завершавшееся сплюсненной в виде лопаточки головкой. Длина его составляет 3 см (Илл. 3: 1) [25, с. 74, рис. 72, 2].

Гораздо более продуктивной, а потому и чаще используемой рыболовной снастью являлись сети, изготавливавшиеся из органических материалов при помощи челноков и спиц.

Три костяные спицы для вязания сетей обнаружены в полуземлянке VI на поселении Героевка-3 (Илл. 3: 7–9). Их объединяет одна морфологическая особенность – два боковых, треугольных в сечении выреза для удерживания нити [3, рис. 20]. Такие же, ничем не отличающиеся друг от друга, спицы характерны как для античного Боспора, так и салтово-маяцкой культуры [48, табл. VIII; 49, рис. 52, 11]. Более простые спицы представляли собой заостренную с одного конца отшлифованную кость животного (Илл. 3: 10) [25, с. 74, рис. 198, 1].

Находки существенно отличающихся по весу каменных грузил, позволяют предположить наличие как минимум двух типов сетей [16, с. 57; 50, с. 267–268]. Наиболее легкими оснащали отцеживающие (подвижные) сети. К их числу относятся четыре небольших известняковых дисковидных грузила диаметром 6, 7 и 9,2 см, обнаруженные на поселении Героевка-3 (Илл. 3: 2–5) [3, с. 40, рис. 62]. Соответственно более крупные и тяжелые грузила предназначались для обьеживающих (ставных) сетей. По своим основным характеристикам этой категории изделий соответствуют известняковые грузила трапециевидной и овально-уплощенной формы, весом до 6–8 кг, найденные в «хазарском» слое Тиритаки и могильнике Эльтиген-I (Илл. 3: 6) [25, с. 74; 51, с. 454, рис. 22, 8].

Наряду с костями рыб на некоторых поселениях обнаружены кости дельфинов [33, с. 90, табл. 1]. Однако их малочисленность указывает на то, что охота на морских млекопитающих широко не практиковалась, но, если отдельные особи попадали в сети, мясо их употреблялось в пищу, а жир использовался для осветительных приборов.

Об активном и всестороннем использовании морских биоресурсов свидетельствуют раковины двустворчатых моллюсков – мидий и устричных, зафиксированные на всех без исключения исследованных прибрежных салтовских поселениях. Наиболее показательными в этом отношении являются зольники, в отложениях которых створки морских моллюсков составляют одну из наи-

более многочисленных категорий археологического материала [25, с. 29]. Кроме того, море обеспечивало таким незаменимым кровельным материалом как камка [30, с. 83; 17, с. 103].

Охота в повседневной жизни и хозяйстве салтовского населения Керченского полуострова играла второстепенную роль, но, тем не менее, служила одним из основных источников получения пушнины, а также позволяла периодически пополнять запасы пищи и разнообразить мясной рацион. Охота на пернатых, прежде всего пролетных и зимующих в Крыму водоплавающих птиц, практиковалась в основном осенью и зимой. С салтово-маяцкого поселения на городище Тиритака происходят единичные находки костей большого и хохлатого баклана, лебедя-кликлуна и хохлатой чернети, составлявшие 1,4% (включая кости курицы домашней) всех фаунистических материалов [33, с. 89–91, табл. 3]. На поселении «над источником» кости диких птиц составляли 2,2% от всего обработанного остеологического материала [31, с. 251, табл. III, 6–1]. Неполный скелет, принадлежащий одной особи морской (или болотной) птицы обнаружен в заполнении полуземлянки VI на поселении Героевка-3, а в отложениях зольника, заполнившего ее котлован, их кости составили 0,4% [3, приложение 3, с. 3].

Гораздо реже встречаются останки копытных и пушных животных, среди которых можно упомянуть кости оленя с поселений Пташкино и Героевка-3, лисицы с поселения Артезиан, а также небольшое количество костей зайца из «хазарского» слоя Тиритаки, поселений Азовское и Героевка-3 [32, с. 145, прим. 17; 33, с. 89; 29, с. 366; 3, с. 23].

Одной из малоизученных сторон хозяйственной деятельности салтовского населения Керченского полуострова остается нефтяной промысел. Наиболее ранние археологические свидетельства освоения Керченско-Таманского нефтеносного района относятся к первым векам нашей эры и ранневизантийскому периоду [52, с. 415–421; 53, с. 264–265]. Существование данного промысла в рассматриваемый период и его товарный характер подтверждают находки в Крыму, на Таманском полуострове и Подонье причерноморских амфор с остатками нефти и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, внутренние стенки, которых были покрыты

нефтяным налетом [54, с. 71–73; 55, с. 151–154; 56, с. 291–293; 57, с. 285–289; 58, с. 326–327]. Описание способов добычи нефти из открытых источников можно найти в записках путешественников XVII–XVIII вв. [59, с. 477; 60, с. 209; 61, с. 124]. Наиболее простой из них заключался в периодическом сборе нефтяной пленки, накопившейся на поверхности воды в местах естественного обнажения нефтеносных пород. По сведениям П. Дюбрюкса, накануне очередного сбора источник очищался и закрывался на ночь войлоком [62, с. 11]. Увеличить объемы добытой нефти удавалось с помощью своеобразных коллекторов, представлявших собой обычные колодцы и неглубокие ямы-копанки. По мере накопления нефть из них выбирали черпаками или собирали при помощи конских хвостов, шерсти и войлока, которые затем отжимались в сосуды [63, с. 15; 60 с. 209; 64, с. 194]. Такими же примитивными способами ее добывали в античный и раннесредневековый период, поэтому на археологическом материале следы этого промысла в районе действующих нефтяных источников, зафиксировать не удалось.

О развитии косторезного промысла свидетельствуют немногочисленные находки изделий из кости, представленными предметами быта, инструментами и их деталями, неопределенными поделками и художественной резной костью. К их числу относятся три обработанные трубчатые кости с просверленными в них отверстиями и спицы для вязания сетей с поселения Героевка-3 (Илл. 3: 8–10) [3, рис. 56]. В одном из ритуальных комплексов городища Артезиан найдены лопаточная кость с нарезками по боковой грани и трубчатая кость с насечками на одной из сторон, обычно интерпретируемая как «напильник» или орудие для обработки кожи (Илл. 4: 6–7) [4, с. 72, рис. 15, 7, 8; 65, с. 222, рис. 126, 1–3]. При раскопках двухкамерной постройки на поселении Алексеевка обнаружена хорошо отполированная кость, служившая, по мнению Д. Б. Шелова, рукояткой какого-то орудия [19, с. 100]. Из салтовских захоронений, совершенных в плитовых и грунтовых могилах происходят костяные игольники и накладка на рукоятку ножа [66, рис. 45, 1; 67, с. 20; 20, рис. 10, 8]. Особый интерес представляет роговая коробочка-реликварий с тремя горловинами из собрания Керченского музея. Обе ее стороны украшены гравировкой –

косой сеткой из ременной оплетки и сюжетными изображениями [68 с. 222–225].

Небольшой группой изделий, связанных с прядением и ткачеством, представлены керамические пряслица с поселений Эльтиген Юго-Западное, Осовины-I и городища Тири-така (Илл. 4: 1–5). В зависимости от формы их можно разделить на четыре типа: дисковидные, биконические, усеченно-конические и округлые. Одно из них изготовлено из стенки амфоры, другое орнаментировано овальными вдавлениями, расположенными вокруг отверстия для веретена [25, с. 73, рис. 198, 3–6; 26, рис. 6, 4]. Аналогичные пряслица обнаружены на городище Тепсень и в Таматархе [14, рис. 120–121; 65, с. 225, рис. 127, 6, 9, 14, 17–19, 21, 23, 25].

В свою очередь, полное отсутствие пирамидальных ткацких грузил позволяет согласиться с И.А.Барановым, по мнению которого уже к VIII в. салтово-маяцкое население Крыма повсеместно перешло к использованию горизонтального ткацкого станка [1, с. 80].

К числу редчайших находок относится отпечаток шерстяной (?) ткани на внутренней обмозке печи полуземлянки VI на поселении Героевка-3 [3, рис. 23].

Особое место в экономике некоторых салтово-маяцких поселений Керченского полуострова могло занимать железоделательное производство, чему способствовала мощная сырьевая база. На территории Керченского железорудного бассейна известно свыше десятка месторождений железных руд, которые залегают в виде пластов мощностью до нескольких десятков метров, заполняя отдельные плоские синклинали – мульды. [69, с. 31]. По их периферии пласты местами выходят на поверхность, что сделало возможным добычу руды открытым способом уже в античный период [70, с. 60; 71, с. 56]. Некоторые месторождения продолжали разрабатываться в VIII–X вв., на что указывают находки шлаков и криц из керченской руды на городище Тепсень и в Саркеле [5, с. 145; 72, с. 211]. На этом основании И. А. Баранов пришел к выводу о специализированном и товарном характере металлургического ремесла на некоторых салтово-маяцких поселениях «рудной зоны Керченского полуострова» [1, с. 81]. По мнению В. К. Голенко, на добыче железной руды, возможно, специализировалось поселение, занимавшее южную подошву

горы Кончек, рядом с которым находилось небольшое месторождение руды [31, с. 265]. Однако, эти предположения пока не находят подтверждения в археологических реалиях, поскольку металлургических производственных комплексов и, тем более, следов добычи железной руды в эпоху раннего средневековья на Керченском полуострове обнаружить не удалось. К сожалению, не проводился и химический анализ немногочисленных железных изделий, хотя вполне вероятно, что некоторые из них могли быть изготовлены из местного сырья.

Немаловажная роль в экономике салтовских поселений Крыма отводилась добыче и обработке камня, но выделение раннесредневековых каменоломов среди немногих, открытых на Керченском полуострове древних выработок, представляет порою неразрешимую задачу [31, с. 253; 73, с. 13].

Одна из древних каменоломов, материалы исследований которой являются предметом научной дискуссии, располагалась на скалистых склонах холма в окрестностях с. Слюсареве. Следы разработки камня прослеживались в виде круглых, вытянутых по одной линии, отверстий шпуров. Здесь же были обнаружены 29 круглых выемок диаметром 0,45–0,60 м, высеченных отдельными группами в глыбах известняка и скалистых выступах [73, с. 13–14]. По мнению Э. В. Яковенко, на месте древней каменоломни в античный период разместился крупный винодельческий комплекс. Соответственно, выемки интерпретировались как тарапаны. Однако, ни на одном из них не были обнаружены сливы, к тому же отсутствовали приемные ванны и датирующий материал, которые позволили бы согласиться с точкой зрения исследовательницы.

Совершенно иную интерпретацию комплекса предложил В. М. Маликов, по мнению которого каменоломня функционировала в VIII–X вв. и специализировалась на изготовлении ротационных известняковых жерновов [1, с. 72]. Однако, помимо того, что на вершине этого же холма находилось небольшое салтово-маяцкое поселение, другими, более весомыми аргументами, предположение В. М. Маликова не подтверждается [73, с. 12–13; 74, с. 282]. Во-первых, на территории, занимаемой каменоломней, отсутствуют обломки бракованных изделий.

Во-вторых, излишне трудоемким и нерациональным выглядит сам процесс получения заготовок жерновов, которые, следуя логике исследователя, вырубались в монолитной скале, оставляя на ее поверхности округлые выемки. Гораздо проще для этих целей было использовать плоские обломки камней, а затем путем скола лишних частей и шлифовки придавать жернову необходимую форму. Именно такой технологический процесс удалось проследить в каменоломне на южном склоне горы Перчем в Юго-Восточном Крыму [75, с. 331]. Таким образом, каменоломня в окрестностях с. Слюсареве, если и функционировала в рассматриваемую эпоху, то с производством жерновов, вероятнее всего, связана не была. Впрочем, окончательный ответ на этот вопрос может быть получен только в случае комплексного изучения памятника или более обстоятельной публикации материалов разведок Э. В. Яковенко.

Отсутствие на Керченском полуострове каменоломов, которые можно было бы надежно датировать VIII–X вв., не оставляет сомнений в том, что такие производственные комплексы, обслуживавшие одно или несколько близлежащих поселений, функционировали повсеместно. В этом убеждает не только мощная сырьевая база, позволявшая открытым способом добывать мшанковый известняк и известняк-ракушечник, но и повсеместный переход салтовского населения полуострова от строительства полуземлянок к каменным жилищам. Сооружение жилых домов, загонов, оград и других построек требовало большое количество строительного материала, но возводились они, как правило, из необработанных или слегка подтесанных камней. В отличие от них, хорошо обработанные блоки и плиты лишь изредка использовали при возведении углов зданий, дверных проемов и порогов, поэтому массовым спросом они, по-видимому, не пользовались.

Помимо строительства, камень использовался при сооружении могил, изготовлении сельскохозяйственных орудий, крышек хозяйственных ям и амфор, грузил для сетей, лоцил, точильных брусков и других бытовых изделий (Илл. 4: 11–14). Наиболее полное и яркое представление о профессионализме салтовских каменотесов дают плитовые могилы, сооруженные из местных материалов: известняка – ракушечника и мшанкового из-

вестняка. С лицевой стороны и по граням плиты тщательно отесывали, а с тыльной стороны иногда ограничивались грубой обколкой. На некоторых торцевых и продольных плитах вырубали вертикальные пазы, выступы-пилонь, карнизы, бордюры, полукруглые и трапециевидные ниши [51, рис. 6]. Единообразие конструктивных и декоративных элементов плитовых могил Керченского полуострова, а также высокое качество обработки использовавшегося при их сооружении материала, порождает вопрос о статусе самих мастеров. Можно предположить, что, как и на ранневизантийских провинциальных кладбищах, сооружением могил занимались профессионалы [76, с. 1087].

Одну из наиболее многочисленных групп находок на раннесредневековых поселениях Керченского полуострова составляет салтовомаяцкая нелощеная керамика, благодаря которой мы имеем некоторое представление о местном керамическом производстве. За редкими исключениями, вся она изготовлена на ручном гончарном круге. Среди характерных технологических приемов следует отметить использование разнообразных отошителей при замесе формовочной массы. В качестве непластичных добавок, призванных уменьшить чувствительность глины к просушке и обжигу, использовали толченые раковины морских моллюсков, известняк и другие карбонатные породы, шамот, кварцевый песок, сухую глину, железистые минералы, частицы древесного угля и органические добавки [77, с. 217–224]. Большинство сосудов обожжено в окислительно-восстановительной среде, в результате чего их поверхность приобрела темно-красный, серый и темно-коричневый оттенок. Необходимые для этого условия обеспечивали двухъярусные печи вертикального типа. Гораздо реже встречаются сосуды, обожженные в одноярусных печах с восстановительной средой. Их поверхность, как правило, имеет темно-серый, приближенный к черному цвету, оттенок. И, наконец, единичными находками представлены сосуды, обожженные в окислительной среде. Высокая температура и свободный доступ воздуха придавали им кирпично-красный и светло-коричневый оттенки [1, с. 87].

Накопленный материал позволяет судить об ассортименте продукции салтовских керамических мастерских Керченского по-

луострова, предназначавшейся как для хранения продуктов, так и для приготовления, принятия пищи и подачи ее на стол. Значительную ее часть составляли кухонные горшки. Остальные сосуды и изделия специфического назначения представлены корчагами, пифосами, котлами с внутренними ручками, небольшими одноручными горшками, горшками «мискообразной» формы, маслбойками, мисками, крышками и светильниками (Илл. 5: 1–11) [25, с. 67–70; 47, с. 453–462]³.

Таким образом, они могли предложить широкий выбор керамических изделий для ведения хозяйства и других повседневных нужд. При этом не только заполняли не освоенные импортной продукцией «ниши» внутреннего рынка, но в отдельных его секторах успешно конкурировали с ней. Однако, на внешний рынок изделия местных гончаров не поступали. То же самое можно сказать о продукции других ремесел и промыслов, большей частью имевших потребительский характер. В лучшем случае, рынок ее сбыта, к примеру, изделий из камня, охватывал одно или несколько поселений. Исключение, пожалуй, составляют только нефть и крицы руды, находившие массовый спрос не только в Крыму, но и за его пределами. Основным же товаром, который поступал с салтовских поселений Керченского полуострова на внешний рынок, являлась сельскохозяйственная продукция, но это уже тема отдельного исследования.

Литература

1. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) / И. А. Баранов. – К.: Наукова думка, 1990. – 168 с.
2. Гольдштейн Ф. М. Раскопки Тмутаракани – Гермонассы / Ф. М. Гольдштейн, А. К. Коровина, С. И. Финогенова // Археологические открытия 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 105–106.
3. Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). – Л., 1964 / А. В. Гадло // Научный архив Института

3) Лепные керамические изделия, включая некоторые формы кухонной и столовой посуды, пряслица, светильники, курильницы, статуэтки и амулеты, изготавливались в домашних условиях [47, с. 461–462, рис. 3, 4; 6, с. 167; 78, с. 97–101].

археологии Национальной Академии наук Украины, № 1963/32. – 51 с.

4. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) / Н. И. Винокуров // ОПУС: Междисциплинарные исследования в археологии. – 2004. – Вып. 3. – С. 55–87.

5. Фронджуло М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму / М. А. Фронджуло // Археологические исследования средневекового Крыма. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 133–154.

6. Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка / А. В. Гадло // Советская археология. – 1969. – № 1. – С. 160–168.

7. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – К.: Институт археологии НАН Украины, 2010. – 216 с.

8. Паршина Е. А. Средневековое поселение в урочище Сотера / Е. А. Паршина // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней. – К.: Стило, 2002. – С. 117–131.

9. Майко В. В. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму / В. В. Майко, А. В. Гаврилов, В. Д. Гукин // Хазарский альманах. – 2009. – Т. 8. – С. 237–263.

10. Сорокина Н. П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове / Н. П. Сорокина // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. – М., 1969. – С. 124–131.

11. Сорокин С. С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи / С. С. Сорокин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 75. – С. 135–199.

12. Кравченко Э. Е. Сидоровское городище / Э. Е. Кравченко, В. В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. – 2001. – Т. 2. Хазарское время. – С. 233–302.

13. Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное / Л. Ю. Пономарев // Боспорские исследования. – 2003. – Вып. III. – С. 264–282.

14. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму / В. В. Майко. – К.: Академперіодика, 2004. – 314 с.

15. Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) / Р. С. Минасян // СА. – 1978. – № 3. – С. 101–112.

16. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Харьков: Вища школа, 1985. – 148 с.

17. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. / В. Ф. Гайдукевич // МИА. – 1952. – № 25. – С. 15–134.

18. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 135–222.

19. Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму / Д. Б. Шелов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – 1957. – Вып. 68. – С. 98–103.

20. Зинько В. Н. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. – М.: Таус, 2008. – С. 420–440.

21. Зинько В. Н. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // БИ. – 2001. – Вып. I. – С. 147–158.

22. Зинько В. Н. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // БИ. – 2005. – Вып. X. – С. 236–268.

23. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея / Н. Л. Грач. – СПб.: Наука, 1999. – 328 с.

24. Новоселова Н. Ю. Археологические памятники раннего средневековья / Н. Ю. Новоселова // Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея / С. Л. Соловьев. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. – С. 161–171.

25. Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. – Симферополь; Керчь: АДЕФ-Україна, 2009. – 328 с. (Боспорские исследования. Supplementum 5).

26. Зинько В. Н. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2007. – Вып. XIII. – С. 183–196.

27. Талис Д. Л. Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. / Д. Л. Талис // НА ИА НАНУ, № 1960/42. – 31 с.

28. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон // МИА. – 1970. – № 168. – 223 с.

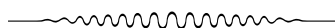
29. Пономарев Л. Ю. К вопросу о «юртообразных жилищах» на салтово-маяцком поселении у с. Азовское (Керченский полуостров) / Л. Ю. Пономарев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. – Вып. XI. – Керчь, 2010. – С. 363–368.

30. Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) / А. В. Гадло // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1968. – Вып. 113. – С. 78–84.

31. Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа / В. К. Голенко. – Симферополь: Сонат, 2007. – 408 с.

32. Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. / А. В. Гадло // *Античная древность и средние века*. – 1980. – Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. – С. 130–145.
33. Каспаров А. К. Фаунистические остатки из раннесредневековых слоев раскопа XXVI / А. К. Каспаров // Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том I. – Археологические комплексы VIII–X вв. / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. – Симферополь; Керчь: АДЕФ-Україна, 2009. (Боспорские исследования. Supplementum 5.). – С. 87–91.
34. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки русского княжения на Северном Кавказе / А. В. Гадло. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 362 с.
35. Бутягин А. М. История и археология древнего Мирмекия / А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов // *Мирмекий в свете новых археологических исследований*. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. – С. 4–51.
36. Плетнева С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата / С. А. Плетнева // *Природа*. – 2004. – № 9. – С. 64–68.
37. Власова Е. В. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992–1995 / Е. В. Власова, С. Л. Соловьев // *Археологические вести 1996–1997 г.* – СПб., 1998. – № 5. – С. 187–203.
38. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье / Н. И. Винокуров. – М.: Агентство ВРК, 1998. – 152 с.
39. Федосеев Н. Ф. К трактовке некоторых артефактов некрополей Восточного Крыма / Н. Ф. Федосеев, Л. Ю. Пономарев // *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы межд. науч. конф.* – СПб., 2002. – Ч. 1. – С. 225–228.
40. Федосеев Н. Ф. Оіко́с среди могил / Н. Ф. Федосеев // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Оіко́с. Боспорские чтения*. – Вып. VII. – Керчь, 2006. – С. 301–304.
41. Колода В. В. Осіле тваринництво у носіїв салтівської культури на Дону / В. В. Колода, С. А. Горбаненко // *Археологія і давня історія України*. – 2010. – Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – С. 490–501.
42. Федосеев Н. Ф. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива / Н. Ф. Федосеев, Л. Ю. Пономарев // *Научный сборник Керченского заповедника*. – 2011. – Вып. III. – С. 302–330.
43. Шестаков С. А. Охранные раскопки и наблюдения в Эльтигене / С. А. Шестаков // *Научный сборник Керченского заповедника*. – 2011. – Вып. III. – С. 287–301.
44. Міхеев В. К. Ножі салтівської культури та їх виробництво / В. К. Міхеев, Р. Б. Степанська, Л. Д. Фомін // *Археологія*. – 1973. – № 9. – С. 90–98.
45. Плетнева С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи / С. А. Плетнева // *МИА*. – 1959. – № 75. – С. 212–272.
46. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма / А. Л. Якобсон // *МИА*. – 1958. – № 85. – С. 458–501.
47. Пономарев Л. Ю. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) / Л. Ю. Пономарев, И. А. Пономарева // *Сугдейский сборник*. – 2010. – Вып. IV. – С. 453–464.
48. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья / Б. Г. Петерс. – М.: Наука, 1986. – 186 с.
49. Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. / С. А. Плетнева // *МАИЭТ*. – 1994. – Вып. IV. – С. 271–397.
50. Кулаков А. А. Рыбный промысел у населения Хазарского каганата (по материалам памятников Нижнего Дона) / А. А. Кулаков // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения*. Вып. XI. – Керчь, 2010. – С. 266–269.
51. Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген / Л. Ю. Пономарев // *БИ*. – 2004. – Вып. V. – С. 445–475.
52. Успенский В. А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке / В. А. Успенский // *МИА*. – 1952. – № 25. – С. 415–421.
53. Кострин К. В. Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса / К. В. Кострин // *СА*. – 1971. – № 3. – С. 264–265.
54. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции / М. И. Артамонов // *Известия Государственной академии истории материальной культуры*. – 1935. – Вып. 131. – 118 с.
55. Анфимов Н. В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова / Н. В. Анфимов // *КСИИМК*. – 1953. – Вып. XLIX. – С. 151–154.
56. Кострин К. В. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станции Пролетарской / К. В. Кострин // *СА*. – 1965. – № 1. – С. 291–293.
57. Кострин К. В. Исследование смолистого вещества из «черносмолёных» кувшинов средневековой Тмутаракани / К. В. Кострин // *СА*. – 1967. – № 1. – С. 285–289.
58. Науменко В. Е. Константин Багрянородный о боспорской нефти, «греческий огонь» и так называемые «тмутараканские» кувшины: историко-археологический комментарий / В. Е. Науменко // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения*. Вып. XI. – Керчь, 2010. – С. 324–328.

59. Юрченко П. Описание Перекопских и Ногайских Татар, Черкесов, Мингрелов и Грузин. Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) / Петр Юрченко; [пер. с франц. Петр Юрченко] // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1872. – Т. XI. – С. 473–493.
60. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби; [пер., вступ. ст. и комм. Е. В. Бахревского]. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.
61. Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Петр Симон Паллас; [пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская]. – М.: Наука, 1999. – 246 с. (Научное наследство; Т. 27).
62. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море / Поль Дюбрюкс; [пер. с франц. Александр де Брюкс] // ЗООИД. – 1858. – Т. IV. – С. 4–84.
63. Лисичкин С. М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период / С. М. Лисичкин. – М.–Л.: Госстоптехиздат, 1954. – 403 с.
64. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Османской Порты во владение Российской Империи землям, 1774 года // ЗООИД. – 1868. – Т. VII. – С. 187–198.
65. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове / В. Н. Чхаидзе. – М.: Таус, 2008. – 327 с.
66. Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки / Ю.Ю.Марти // МИА. – 1941. – № 4. – С. 25–36.
67. Холодков В. Н. Раннесредневековый некрополь в селе Ново-Николаевка / В.Н.Холодков // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма: перечень работ участников конференции 1–3 августа 1984 года. – Керчь, 1984. – С. 20.
68. Гадло О. В. Графічні зображення на кістяному виробі салтово-маяцької культури / О. В. Гадло // Археологія. – 1968. – Т. XXI. – С. 222–225.
69. Науменко П. И. Некоторые закономерности размещения рудных залежей Керченско-Таманской области в связи с особенностями ее тектонического строения / П. И. Науменко // Геологический журнал. – 1977. – Т. 37 – Вып. 6. – С. 28–37.
70. Науменко П. И. Античный период освоения минеральных богатств Керченско-Таманской области / П. И. Науменко // Геологический журнал. – 1979. – Т. 39, № 2. – С. 56–63.
71. Науменко П. И. О рудоносности юго-востока Керченского полуострова / П. И. Науменко // Геологический журнал. – 1976. – Т. 36 – Вып. 2. – С. 48–58.
72. Бирюков Ю. П. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции / Ю. П. Бирюков // МИА. – 1959. – № 75. – С. 202–211.
73. Яковенко Э. В. Разведка у с. Слюсареве Крымской области / Э. В. Яковенко // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Информационные сообщения. – К.: Наукова Думка, 1968. – Вып. II. – С. 12–15.
74. Кислый А. Е. Исследования в Восточном Крыму / А. Е. Кислый // АО 1983 года. – М.: Наука, 1983. – С. 281–282.
75. Тур В. Г. Археологические разведки в Юго-Восточном Крыму / В.Г.Тур // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 322–341.
76. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2 / С. Б. Сорочан. – Харьков: Майдан, 2005. – 1648 с.
77. Пономарев Л. Ю. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова / Л. Ю. Пономарев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. Вып. IV. – Керчь, 2003. – С. 217–224.
78. Пономарев Л. Ю. Глиняные лепешки с солярно-небесной символикой из салтово-маяцких поселений Керченского полуострова / Л. Ю. Пономарев // Символ в религии и философии. Сборник научных трудов по Материалам VI Международной Крымской Конференции по религиоведению (Севастополь, 16–20 мая 2004 г.). – Севастополь: ЧП Арефьев, 2005. – С. 98–101.

НОВЫЙ КРЕМАЦИОННЫЙ МОГИЛЬНИК НА ТЕРРИТОРИИ ЧУГУЕВО-БАБЧАНСКОГО ЛЕСНИЧЕСТВА (предварительная информация)

Ключевые слова: Кочетокский могильник, безурновая кремация, грабители, вооружение, упряжь, орудия труда, украшения.

В начале октября 2009 г. в ХММ И. Е. Репина и Харьковский научно-методический центр охраны культурного наследия (ХНМЦОКН) поступила информация о местонахождении старинных предметов. С целью проверки поступивших сведений автором данной работы был осуществлен выезд на указанное место. Было выяснено, что на территории Чугуево-Бабчанского лесничества в кварталах 175/198, в 3,5 км на северо-восток от пгт Кочеток (в 2,5 км на восток от городища СМК Кочеток-II и в 1,5 км на запад от селища СМК Пятницкое), на склонах оврага Сороков, впадающего в пойму правого берега р. Большая Бабка (Илл. 1), находится неизвестный ранее памятник археологии – кремационный могильник СМК [1, с. 84–90, рис. 316–376]. Повторно территория памятника была осмотрена во время проведения разведок в 2011 г. [2, с. 47–52, рис. 60–66]. Информация о данном памятнике публикуется впервые¹.

Территория могильника в настоящее время полностью покрыта реликтовым лиственным лесом с густым подлеском, который в междуречье правых притоков р. Северского Донца – Тетлеги и Большой Бабки – докумен-

тально фиксируется по картографическим материалам и описаниям местности еще с XVIII в. и носил в старину пространное название Большой Черный Въезжий лес.

Площадь могильника установлена ориентировочно лишь по расположению ограбленных захоронений и тайников, а также подъемному материалу и составляет ≈ 8,7 га при общих размерах 460×190 м.

Зафиксированные комплексы располагались на северном склоне и мысу у западной оконечности оврага (Илл. 1; 2). Подъемный материал фиксировался на северном и южном склонах, на мысу, а также по тальвегу. Следует отметить, что, по нашим наблюдениям, лишь часть находок на поверхности относилась к категории выброшенных за ненадобностью грабителями в процессе, как нам представляется, отбора наиболее ценных. Частично находки оказались на поверхности в результате смыва почвы. Среди них были как предметы, типичные для захоронений – со следами пирогенного воздействия и ритуального обезвреживания (согнутые и разломленные металлические изделия), так и фрагменты лепных и гончарных сосудов, происходящие, скорее всего, с тризн. В пользу этого предположения говорят фрагменты одних и тех же сосудов с явными старыми разломами, расположенные локально и не имевшие признаков их недавнего перемещения.

Лепные сосуды (Илл. 9: 3, 6) в общих чертах имеют характеристики керамики пеньковской культуры. Они были представлены баночными формами с примесью крупного шамота с несколько отогнутым закругленным либо утонченным и слегка уплощенным по верху венчиком. Они имели неравномерный обжиг, коричневый цвет поверхности, на которой фиксировались многочисленные растрескивания.

Гончарные сосуды (Илл. 9: 1, 2, 4, 5, 7, 8) в основном были представлены столовой ке-

1) Прошу обратить внимание, что вышедшие в 2011 г. работы сотрудника ХММ И. Е. Репина А. В. Юрченко [3; 4] содержат публикацию части еще неопубликованных мною (как автором археологических исследований) материалов. Разрешения на такие публикации мною не давались. На данный момент копии этих работ размещены на сайте <http://repin.chuguev.net/> в разделе «Пуликации». Содержащиеся в них материалы, как мне хочется верить, были опубликованы по недоразумению молодого автора и незнанию им законов Украины, в частности ст. 17 «Об охране археологического наследия», а также части первой ст. 15 и ст. 28 «Об авторском праве и смежных правах». Надеюсь, что в дальнейшем автор будет более принципиален в соблюдении общепринятой научной этики.

рамой (кувшинами и кубышками) СМК и в очень незначительном количестве мелкими фрагментами кухонных горшков. Сосуды имели преимущественно светло-желтый или светло-коричневый окрас черепка, равномерный обжиг по всей толщине. Тесто было хорошо отмучено без видимых включений. Поверхность имела сплошное или зональное лощение в виде прямых вертикальных или горизонтальных линий. В ряде случаев оно сочеталось с резным линейным орнаментом. Один из найденных фрагментов кухонного горшка имел прочерченный линейный орнамент по плечу и отогнутый наружу тонкий венчик.

Вывявленные на территории могильника, помимо керамики, различные артефакты разнятся по своему функциональному назначению и их можно традиционно разделить на орудия труда, элементы вооружения, конского снаряжения, костюма и украшения.

Орудия труда представлены черешковыми ножами с упором для рукояти в количестве 18 шт. различной степени сохранности и различного размера (Илл. 6: 1–18). Преимущественно ножи имеют прямой обух и ближе всего в своей форме (не тождественна полностью ввиду отличия в строении, прежде всего, спуска – сужающейся к лезвию поверхности) к характеристикам современных «финок», клинков (голомень) которых приспособлен для реза и способен также осуществлять эффективные прокалывания острием. В поперечном сечении полотно лезвия представляет собой вытянутый треугольник, т.е. спуск начинается у самого обуха. Отдельные экземпляры имели несколько горбатый обух (Илл. 6: 9, 18).

Крестовины (гарды) ножей были выполнены из уплощенной полоски металла, согнутой посередине у начала обуха, а концы такой полоски сходились у начала лезвия. Черешковые части ножей имели в сечении прямоугольную или трапециевидную форму и сужались к концу, обратному острию клинка. Их концы были либо округленными, либо прямыми, либо подтреугольными. Такие перекрестия не могли эффективно защищать руку при боевом применении и предназначались, прежде всего, для декоративного оформления оконечности рукояти, являясь одновременно дополнительным для нее упором.

Среди обычных для всего ареала СМК ножей два имели просеченные заостренным инструментом нервюры (долы) с одной из сторон полотна лезвия, ближе к его обуху, которые увеличивали жесткость голомени (Илл. 6: 8, 13). Если ножи без дол широко распространены среди салтовских древностей, то ножи с нервюрой более редки и встречаются в Северскодонецком микрорегионе СМК преимущественно в захоронениях и поминальных комплексах могильников в Сухой Гомольше [5, с. 29–30, 40, 48, 59, рис. 30: 14; 40: 2–4; 41: 11–13; 48: 9; 69: 18–19; 19: 2; 72: 7–8; 73: 5–12], Новой Покровке и Червонной Горке [6, рис. 34: 8, 11, 12] – в пределах ареала лесостепных кремаций [7].

Преимущественно найденные ножи имели деформации – попытки их согнуть, но заданные характеристики упругости полотна позволяли осуществить это в незначительной степени. Лишь один из найденных ножей (Илл. 6: 17) был деформирован прикладыванием усилия (скорее всего, путем использования жесткого упора-клина или двугубчатого зажима кузнечного или слесарного инструмента) на отдельном промежутке полотна голомени, что позволило достичь большего желаемого эффекта. Причем по искривлению клинка между зигзагообразной деформацией и рукоятью становится очевидным, что рычаг прикладывания усилия (рука человека) находился на рукояти.

К элементам, имеющим непосредственное отношение к рассмотренным выше ножам, относятся обоймы ножен для двух ножей с петлей для крепления (Илл. 8: 12) и глухого конца деревянных ножен в виде овального стаканчика с плоским дном и сохранившимися миниатюрными гвоздиками для крепления в нижней и боковой частях (Илл. 8: 13).

Также к орудиям труда относится небольшой железный «ложкорез» (Илл. 6: 48) плохой сохранности, представляющий собой прямоугольный в поперечном сечении стержень, один конец которого образует загнутый под углом шип для крепления к деревянной рукояти. Второй конец имеет серповидно изогнутую листовидную рабочую часть с подтреугольным сечением.

Также были найдены деформированное черешковое шило (Илл. 6: 35) с прямоугольным поперечным сечением черешковой ча-

сти и округлым – рабочего конца и пружинные ножницы (Илл. 6: 44), состоящие из двух параллельных лезвий, соединенных расширяющимся пружинящим полукружьем.

Орудия, предназначенные для сбора зерновых, а также заготовки кормов, представлены серпами и косами. Серпы (Илл. 6: 41–43) относятся к типу столбиковых. Они имеют криволинейное лезвие, плавно переходящее в плоскую пятку, которая, в свою очередь, имеет на конце загиб в виде шипа, входившего в деревянную рукоять. Найденные серпы ритуально изогнуты и переломлены. На лезвии одного из серпов имеется хорошо сохранившаяся пилообразная насечка (Илл. 6: 41).

Косы представлены тремя экземплярами (Илл. 6: 38–40). Одна из них (Илл. 6: 38) фрагментирована – сохранилась лишь часть лезвия, изготовленного из железного листа, изогнутого вдвое, чем была задана необходимая жесткость. Также особенностью этого изделия является его предназначение для косьбы в «обратном» направлении, т.е., по всей видимости, для левши. Необходимость изготовления «необычной» косы вызвала, по всей видимости, применение нетрадиционного – кустарного – способа формирования лезвия путем элементарного изгиба полосы металла.

Вторая коса (Илл. 6: 39) представляет собой полотно лезвия, расширяющееся в средней части и имеющее четко выраженный выступающий край по обуху для придания жесткости всему полотну. Со стороны крепления изделие деформировано – согнуто «трубочкой».

Третья коса (Илл. 6: 40) представляет собой массивный кованый образец с широким долом на одной из сторон полотна. Окончание пятки имеет изогнутый шип для крепления деревянной рукояти. Данное изделие относится к типу кос-горбуш, характерных для салтовского населения бассейна Северского Донца [8, с. 30]. Коса была переломлена по середине рабочего полотна.

Среди прочего, имели место находки калачевидного кресала (Илл. 8: 15) и фрагмента, по-видимому, аналогичного по функции изделия с петелькой на конце для крепления жгута (Илл. 8: 14).

На территории могильника найдены остатки деформированных железных клепаных котлов и фрагментов надочажных цепей. Все котлы (Илл. 6: 25–34) были изго-

товлены из подпрямоугольных полос, соединенных между собой с помощью заклепок через пробитые сквозные отверстия. Преобладали ушки, приклепанные к верхней части котлов, изготовленные в виде раскованных широких пластин в месте крепления (Илл. 6: 25–27). Лишь в одном случае отмечено несколько иное строение дужки – расклепанные концы не отличались шириной поля и отстояли друг от друга (Илл. 6: 29). Более детально конструкцию таких котлов удалось проследить на примере наиболее сохранившегося из них (Илл. 6: 32). Ширина верхней полосы, проходящей по бортику, составляет 9,2–10,5 см, перекрывая проходящую ниже полосу на ширину ≈ 2 см. Толщина верхнего листа составляет 0,15–0,4 см, причем более утолщенным является бортик котла. Нижняя полоса уступает верхней в толщине и составляет 0,05–0,09 см (по низу данная полоса не сохранилась). Полосы являлись сплошными по всему периметру и соединялись на своих концах и между собой с помощью упомянутых выше заклепок. Последние в количестве 23 шт. находятся на расстоянии друг от друга, составляющем 4,0–4,5 см. Расстояние между приклепанными ушками равняется ≈ 55 см одного и ≈ 52 см другого полупериметров изделия. Расстояние между заклепками обоих ушек составляет 2,3 см. Ширина между внешними границами раскованных пластин – 4,0 см у одного и 4,15 см у другого. Соответствующая высота – 2,3 см. Диаметр непосредственно петелек составляет $\approx 2,5$ см. При известной длине окружности бортика ≈ 107 см, является возможным реконструировать диаметр котла, который составлял ≈ 35 см.

Деформированные ручки котлов (Илл. 6: 22–24) представлены полосами металла с расширением поперечного сечения в нижней части и крюками на концах.

Из элементов надочажных цепей найдены крюк (Илл. 6: 20), изготовленный из витых стержней с прикрепленной к ним полосой, а также кольцо (Илл. 6: 19), отличительной чертой которого является способ соединения наложенных друг на друга концов с помощью двух заклепок.

Предметы вооружения ближнего и дальнего боя представлены характерной для СМК слабо изогнутой саблей (Илл. 8: 3), ритуально скрученной втрое; наконечниками пик (Илл. 8: 1, 2) с узким длинным пером и

ромбическим поперечным сечением; топором (Илл. 8: 4) с высоким прямоугольным в сечении обушком и оттянутым в сторону рукояти лезвием, железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел (Илл. 8: 5–11).

Найдена металлическая оковка боковой стороны ножен сабли (Илл. 7: 8), согнутая под углом, с полукруглыми выступами и сквозным отверстием в торцевой части для крепления к основе. Портупейные П-образные скобы с внешним полукруглым выступом представлены двумя образцами (Илл. 7: 9, 10). Также имела место находка железного крюка с треугольной рамкой (Илл. 8: 31).

Защитное снаряжение представлено небольшими фрагментами кольчуг (Илл. 8: 16). Вызывает интерес находка фрагмента кольчуги с двумя изогнутыми в разомкнутую окружность уплощенными пружинящими пластинами, один конец которых загнут в противоположном направлении (Илл. 8: 26). Отдельные фрагменты кольчуги сплетены полосами. К концу одной из них прикреплено плоское колечко, к которому, в свою очередь, крепится крупное кольцо. Плетение кольчуги выполнено по простейшей схеме «4:1».

Конское снаряжение среди подъемного материала на Кочетокском могильнике представлено арковидными стремянами с прямоугольными прорезями для крепления путлища (Илл. 7: 1–5); удилами с гвоздевидными (Илл. 7: 6, 7) и S-видными псалиями; подпружными трапециевидными пряжками (Илл. 7: 11–20), бронзовой пряжкой-обоймой для ремней путлищ (Илл. 8: 30), а также металлической профилированной конструкцией, которая, возможно, является элементом седла (Илл. 6: 49).

Из предметов одежды и украшений на поверхности памятника были найдены литая бронзовая пуговица (Илл. 9: 24) и, возможно, выполнявшие в некоторых случаях роль пуговиц бронзовые бубенчики (Илл. 7: 23–27). Также имели место находки фибул с плавно изогнутой спинкой (Илл. 8: 22, 25) и фибул-«кресал» (Илл. 8: 20, 21, 23, 24). Среди последних следует выделить изделие с узором в виде локально расположенных параллельных насечек, стилизующих витую вокруг основания проволоку (Илл. 8: 20).

Редкой для салтовских памятников Подонья является железная застежка-сюльгама,

изготовленная из витой проволоки (Илл. 9: 11). К примеру, на Сухогомольшанском могильнике подобное изделие найдено лишь единожды – в погребении № 272 [5, с. 128, рис. 69: 33].

Среди прочего, имели место находки железных ременных овалнорамчатых пряжек (Илл. 7: 21, 22) и бронзовой поясной бляшки в виде бутона лотоса (Илл. 9: 23).

К украшениям относятся находки двух обожженных бусин из стеклянной пасты (Илл. 365, 4, 5), бронзовых браслета (Илл. 9: 22), перстней с гладкоповерхностными щитками (Илл. 9: 17–19) и щитками с креплением в них камней или стеклянных вставок (Илл. 9: 15, 16, 21). Заслуживают отдельного внимания железный перстень, на щитке которого размещено рельефное изображение птицы (орла?) (Илл. 9: 12), а также бронзовый перстень с прямолинейными просечками на щитке (Илл. 9: 20).

Помимо прочего, были найдены: железные накладки (Илл. 6: 50, 51), пинцеты (Илл. 8: 17–19), один из которых имеет декоративную отделку (Илл. 8: 19); косметическая лопатка (?) (Илл. 9: 25); пластины с заклепками (Илл. 6: 45, 46); уплощенные колечки (Илл. 6: 36, 37, 47); стержень с расклепанными концами (Илл. 9: 13), рамка с прикрепленной к ней пластиной (Илл. 9: 14), проволочный крючок (Илл. 8: 32) и фигурные петли (Илл. 8: 27–29).

Комплексы Кочетокского могильника

Также было обнаружено ряд недавно ограбленных кладоискателями древних комплексов (Илл. 1: 2). Три из них были брошены недограбленными ввиду, по-видимому, нашего появления². В самих ямах и в грунто-

2) Следует заметить, что поиск преступников, действия которых нарушают статью 37 Закона Украины «Об охране культурного наследия» и др., подпадающая под статью 298 Уголовного кодекса Украины, правоохранительные органы практически не провели, а материальная и историческая ценность зафиксированных на месте артефактов оказалась для них должным образом «не установленной» и поэтому могильник по настоящее время остается неохраняемым, подвергаясь дальнейшему интенсивному разграблению. Информация в местной прессе (на первой полосе газеты), которая имела целью обратить внимание на проблему, сыграла в итоге абсолютно противоположную роль, вызвав лишь дополнительный нездоровый ажиотаж среди местных любителей кладоискательства и

вых отвалах фиксировался многочисленный вещевой материал СМК. Ввиду сложившейся ситуации было принято решение собрать брошенные грабителями артефакты, а недограбленные комплексы в срочном порядке исследовать непосредственно во время экспертного выезда комиссии.

Яма № 1 (Илл. 2: 1) была выявлена на северном склоне оврага и представляла собой овальное углубление, имеющее сужение по направлению к плоскому дну, находившемуся от дневной поверхности на глубине -25/-35 см. Общие размеры ямы на уровне дневной поверхности составляли 85×75 см, по уровню дна – 60×55 см. Яма была впущена в предматерик и углублена в материк на 10–12 см. Грунтовое заполнение ямы состояло из смеси серой лесной почвы и материковой глины. В яме содержались *in situ* надочажная цепь (Илл. 2: 1; 3), ручка казана (Илл. 2: 1; 4: 1) и фрагменты деформированных стенок казана (Илл. 2: 1; 4: 2).

Железная цепь имела крюк, украшенный фигурой кованого стилизованного изображения рогатого быка, двузубую вилку, кольцо и крюк для подвешивания казана (Илл. 3). Звенья цепи двух видов, чередующихся по длине изделия – изготовленные из витого прута в виде четырех секций сцепления, к которым примыкали двухсекционные. Здесь же была найдена двузубая вилка для выемки мяса.

Ручка казана была изготовлена из железной полосы в виде дуги, оканчивающейся крюками зацепления. Изделие имело поперечный профиль, расширяющийся к низу, чем обеспечивалась жесткость изделия.

Фрагменты казана были представлены железными листами подпрямоугольной формы с пробитыми сквозными отверстиями для железных заклепок преимущественно прямоугольной формы в поперечном сечении.

Все вещи имели осуществленную в древности деформацию изначальной формы и следы пирогенного воздействия.

Каких-либо следов кремационного пепла либо обгорелых костей не фиксировалось. Исходя из характера грунтового заполнения

комплекса и выявленных в нем артефактов данная яма представляла собой, по всей видимости, тайник.

Яма № 2 (Илл. 2: 1) была обнаружена при расчистке ямы № 1 в непосредственной близости от нее – в 8 см от ее северо-восточного края. Она представляла собой небольшое углубление подквадратной в плане формы с несколько округленными сторонами и углами. Стенки имели сужение по направлению к плоскому дну, находившемуся на глубине -5 см. По зачистке у дневной поверхности ее размеры составляли 11×12 см. По дну – 7×8 см. Заполнение впущенной в предматерик ямы составляла смесь серой лесной почвы и древесного тлена. Никаких артефактов в заполнении выявлено не было. Очевидно, что выявленное углубление представляло собой основание столбовой ямы, которое частично, как и яма № 2, было уничтожено эрозийными почвенными процессами.

Яма № 3 (Илл. 2: 2) также была выявлена на северном склоне оврага – на расстоянии около 50 м западнее от описанных выше ям № 1 и № 2 – и представляла собой овальное углубление неправильной формы, имеющее сужение по направлению к плоскому дну, находившемуся от дневной поверхности на глубине -18 см. Общие размеры ямы на уровне дневной поверхности составляли 60×55 см, по уровню дна – 35×30 см. Яма была впущена в предматерик и углублена в материк на 6–8 см. Грунтовое заполнение ямы состояло из смеси серой лесной почвы и материковой глины. В яме содержались *in situ* сабля (Илл. 2: 2; 4: 2), два стремени (Илл. 2: 2; 4: 5, 6), звенья надочажной цепи, выполненные из витого прута (Илл. 2: 2; 4: 3), удила с гвоздевидными псалиями (Илл. 2: 2; 4: 8, 9), фрагмент фибулы в области витой пружины (Илл. 4: 11), топор (Илл. 4: 10), серп (Илл. 4: 7) и ременная пряжка (Илл. 4: 12). Все изделия были выполнены из железа и в подавляющем большинстве были подвергнуты деформации и пирогенному воздействию.

В заполнении ямы не были обнаружены пепел и фрагменты костей, поэтому данный комплекс, как и яма № 1, может быть отнесен, на наш взгляд, к разряду тайников.

Яма № 4 (Илл. 1: 2) была полностью уничтожена, а вероятно содержащиеся в ней артефакты изъяты грабителями. Размеры грабительского перекопа невелики – в ширину ≈ 50 см и в глубину до 20 см. Перекоп

собирателей металлолома, а должной реакции со стороны властей так и не последовало. На обращения автора к госорганам с просьбой выделения финансирования на проведение охранных раскопок, к сожалению, был получен отказ ввиду отсутствия средств.

находился практически полностью в материковом грунте.

Яма № 5 (Илл. 1: 2) также была полностью уничтожена грабителями, после чего присыпана грунтом из отвала. Ее размеры в пределах перекопа составляли $\approx 50 \times 45$ см при глубине до 30 см.

Яма № 6 (Илл. 1: 2) была раскопана грабителями. Размеры котлована свидетельствовали о том, что она была, по-видимому, обширнее выявленных ранее комплексов – границы грабительского перекопа составляли в плане размеры около 60×50 см при глубине около 60 см. В профиле яма имела расширение в нижней части. На данном участке смылов грунта не фиксировалось, а потому можно было судить о первоначальном углублении комплекса от древней дневной поверхности.

В отвале ямы № 6 и частично в заполнении были найдены многочисленные артефакты СМК: железные верхняя часть деформированного клепаного казана, изготовленного из прямоугольных листов металла с пробитыми сквозными отверстиями и заклепками (Илл. 5: 16), изогнутая пополам сабля с перекрестием (Илл. 5: 4), наконечник пики (Илл. 5: 3), топор (Илл. 5: 5), удила с гвоздевидными (Илл. 5: 7) и с S-видными (Илл. 5: 13) псалиями, стремя (Илл. 5: 10), фрагмент ножа (Илл. 5: 2), фрагмент пряжки, два наконечника стрел (Илл. 5: 8, 9), петля с заклепками для крепления колчана на перевязи (Илл. 5: 11), бронзовые браслет из витой проволоки (Илл. 5: 6) и обойма ремня (Илл. 5: 12), а также набор пережженных разновеликих бус из стеклянной пасты в количестве 35 шт. (Илл. 5: 15), обожженный кресальный камень из кремня (Илл. 5: 1), мелкие фрагменты человеческих костей черепа (?) и керамических сосудов с древними разломами (Илл. 5: 14).

В отвале и заполнении ямы фиксировался пепел. Также он содержался на части найденных в отвале и во вторичном заполнении ямы вещах, что позволяет отнести данный комплекс, в отличие от ям № 1 и № 2, к ряду могил – безурновой кремации.

Яма № 7 была полностью уничтожена грабителями и засыпана грунтом из отвала. Размеры грабительского котлована составляли около 50×50 см при глубине до 30 см.

Помимо древностей СМК на территории могильника фиксировались находки позднего средневековья и нового времени. В частности, были найдены железные удила и фрагмент подковы с гвоздями, что свидетельствует о хозяйственной деятельности на территории раннесредневекового памятника в указанные периоды. В целом раннесредневековый могильник имеет многочисленные аналогии с другими памятниками Подонцовья, в частности, с Сухогомольшанским могильником [5], и соответственно может быть предварительно датирован в рамках VIII–X веков.

Литература:

1. Свистун Г. Е. Отчет о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году // НА ИА НАН Украины. – б/н.
2. Свистун Г. Е. Отчет о проведении разведок в Волчанском, Балаклеевском и Чугуевском районах Харьковской области // НА ИА НАН Украины. – б/н.
3. Юрченко А. В. Прикраси та предмети одягу салтівської культури з колекції чугуївського Художньо-меморіального музею ім. І. Ю. Рєпіна / А. В. Юрченко // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали X Міжнародної студентської наукової археологічної конференції 15–17 квітня 2011 р. – Чернігів, 2011. – С. 32.
4. Юрченко А. В. Зброя ближнього бою салтівської культури в колекції Чугуївського художньо-меморіального музею ім. І. Ю. Рєпіна / А. В. Юрченко // Археологія: спадок віків. Матеріали Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих вчених (7–8 квітня 2011 р.). – Біла Церква, 2011.
5. Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // ХА. – Т. 5. – К. – Харьков, 2006. – 306 с.
6. Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами ґрунтових могильників). – Дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 1999. – 217 с. – Рукопись / Архив Харьковского исторического музея).
7. Лаптев А. Топография и география распространения салтовских кремационных могильников лесостепного Подонцовья / Алексей Лаптев // Археологія: спадок віків: Матеріали Міжнародної наук. конф. студентів, аспірантів та молодих вчених (7–8 квітня 2011 р.). – Біла Церква, 2011. – С. 149–153.
8. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Харьков: Вища школа, 1985. – 147 с.

О ТЕРМИНЕ «САКАЛИБА» В ВОСТОЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Ключевые слова: сакалиба, восточные источники, язычники.

В хазарской историографии неопределенным остается вопрос о термине *сакалиба*, который часто упоминается восточными авторами. В его этнической составляющей мало кто сомневается. Большинство ученых склоняется к мнению, что под этим термином нужно понимать славян. Первым перевел слово *сакалиба* в значении «славянин» русский ориенталист А. Я. Гаркави, который полагал, что в Поволжье проживало многочисленное славянское население [1, с. 4, 105]. Считали *сакалиба* славянами и наши известные востоковеды В. Ф. Минорский, В. В. Бартольд, А. П. Новосельцев [2, с. 146–148; 3, 158, 427–432; 4, 870–872; 5, 277]. Одна из наиболее значительных работ последнего десятилетия, доказывающая славянство загадочных *сакалиба*, – книга Д. Е. Мишина «Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье» [6]. Автор точно замечает, что арабское *сакалиба* – заимствование от греческого *σκαλάβος (sclaboi)*, которое он тут же, ссылаясь на «первых исследователей» термина, трактует как «славянин». Д. Е. Мишин считает, что в исламской литературе термин *сакалиба*, «за исключением некоторых ошибок, означает «славяне». *Сакалиба* же, жившие в исламском мире, – это славянские переселенцы. Почему арабы и рабов (евнухов в том числе) тоже зовут *сакалиба*, автор объясняет тем, что первоначально под этим термином понимали рабов из славян, а со временем он распространился и на других невольников [6, с. 308–309].

Такая трактовка термина *сакалиба* получила наиболее широкое распространение в отечественной и зарубежной историографии.

Однако существуют и иные прочтения слова *сакалиба*. Рижский востоковед Ф. Вестберг сотню лет назад высказал мнение, что

термин *сакалиба* применялся арабами не для обозначения славян, а для «румянолицых, голубоглазых, русоволосых народов вообще...» [6, с. 308–309]. Известный башкирский ученый Ахмет-Заки Валиди Тоган, первым прочитавший и издавший в 1936 году «Мешхедскую рукопись» Ибн Фадлана, также писал о голубоглазых и светловолосых *сакалиба*. Под ними он понимал «неславянских немцев», финно-угорские народы и «светлокожих тюрок» [7, с. 22]. В другой работе Ахмет-Заки Валиди сообщает, что «вначале булгары, буртасы и другие народы на Средней Волге назывались *сакалиба*, а позже этот термин применялся больше к германским и финским народам, и в особенности к германцам и балтийским народам» [2, с. 148]. За булгар и буртасов ученого объявили пантюркистом [5, с. 277]. Хотя мыслил А.-З. Валиди, в общем-то, вполне логично, но в СССР и России его труды никогда не издавались.

В 1939 году «Мешхедскую рукопись» перевел на русский язык и издал А. П. Ковалевский. Он также обратил внимание на «универсальное» применение слова *сакалиба* восточными авторами, но, в отличие от А.-З. Валиди, выражался более осторожно: «Термин «сакалиба» и по своему происхождению, и по обычному употреблению в арабском языке означает славян. Но так как авторы не очень хорошо разбирались в этнических признаках, а тем более в языках северных народов, то этим термином сплошь и рядом обозначали всевозможные северные народы: и настоящих славян, и финнов, и булгар. Таким образом, в каждом отдельном случае приходится решать вопрос о том, какое содержание вкладывал в это слово данный автор» [8, с. 159].

Известный советский археолог М. И. Артамонов, описывая захват арабами 20 тысяч семей *сакалиба*, писал, со ссылкой на мнение А.-З. Валиди: «Этих пленных арабские писатели называют *сакалибами*, тем же име-

нем они обозначают и реку, на которой находится их страна. Так как *сакалибами* арабы обычно именовали славян, то плененных Мерваном считают славянами.... Однако, *сакалибами* арабы называли не только славян, и поэтому нет оснований сомневаться в известиях, согласно которым пленники Мервана были буртасы» [9, с. 220]. Его ученик Л. Н. Гумилев считал что под *сакалибами* восточные авторы, в частности, ал-Куфи, понимали «всех неверных Восточной Европы» и «вряд ли надо видеть в этом термине этноним» [10, с.90]. Украинский исследователь А. А. Тортика не так давно высказал мнение, что захваченные Мерваном *сакалиба* – это адыгские племена касогов [11, с. 283–288].

Термин *сакалиба* берет начало от греческого *σκλάβος*. Слово *σκλάβος* – *склавы* некоторые исследователи склонны считать сокращением от *склавины*: этот термин встречается у ранних византийских авторов Иордана и Прокопия Кессарийского [12, с. 8]. Большинство историков-славистов полагают, что *склавин* – производное от слова «славянин». Аргументируется это в основном тем, что *склавины* византийцы часто называли действительно известные славянские народы. Кроме этого, существует гипотеза, что из-за неудобства произношения греки в слово «славяне» вставили букву «К» и, таким образом, появилось несколько искаженное название славян – *склавины* [13, с. 47–48]. У более поздних авторов Агафия и Малалы исследователи отмечают другую форму этого слова – *склавы* – результат того, что «из первоначального слова была вычтена та часть, которую греческое языковое сознание осмыслило, как суффикс, по аналогии с «бактрами», получившимися из «бактрианов» [12, с. 8]. В то же время американский историк Ф. Курта высказал мысль, что «имя «склавины» было чисто византийским конструктором, призванным осмыслить сложную этническую конфигурацию по ту сторону лимеса» [12, с. 7]. Также существует мнение, что «первоначальное обозначение «склавины» не имело значения этнической и языковой принадлежности и охватывало группу племен (готы, геты, гунны, авары, скифы)» [14, с. 73]. Хорватский историк И. Мужич полагает, что «под «Склавиниями», которые упоминаются в источниках, подразумевались определен-

ные объединения, которые формировались переселенцами из земель, расположенных к северу от Дуная. Население «Склавиний», будь то переселенцы или смешавшиеся с ними автохтоны, могло быть языческим и/или арианским. При этом и те, и другие могли рассматриваться как *склавины*. Проживавшие в таких «Склавиниях» люди могли рассматриваться и как предмет работорговли. Поэтому не исключена возможность, что их жители могли первоначально называться *склавами* и по этой причине (от лат. *sclavus* «раб»)» [15, с. 74]. Из византийского языка слово *σκλάβος* – *склавы* перешло в латинский средневековый язык в форме *sclavus* в значении «раб». В «Этимологическом словаре немецкого языка» говорится, что оно является омонимом от греческого глагола *σकुλεύω*, означающего «добывать военные трофеи» [16, с. 654]. То есть, в среднегреческом языке, слово *склавины/склавы* не может интерпретироваться однозначно: оно имело более широкое применение, чем название славянского населения. Одним из основных значений этого слова было «раб».

Между тем, еще в Древней Греции со словом «раб» (*дул, ойкет, андропед* и т.д.) было не все так просто. С развитием рабства (большая часть рабов поступала из окружающих ее отсталых племен) начинают сближаться термины «раб» и «варвар». Если у Гомера «варвары» – это люди говорящие на чужом, непонятном языке [17, с. 9], то у Аристотеля термины «раб» и «варвар» становятся почти синонимами. Аристотель писал о варварах: «У них бывает только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные» [18, с. 377]. В связи с этим презрительное отношение к рабам, которое сложилось в греческом обществе, стало переноситься и на варваров. В разделе «Политики», посвященном науке о приобретении рабов, Аристотель пишет: «Военное искусство может рассматриваться как естественное средство приобретения собственности, ведь и охотничий промысел составляет одну из частей военного искусства. Охотиться же следует как на диких животных, так и на людей, которые от природы предназначены к подчинению, но не желают подчиняться. Такого рода война по природе

своей справедлива» [18, с. 389]. Люди, предназначенные к подчинению, это, конечно, варвары. Платон уделял большое внимание проблеме разделения труда, рассматривая его как естественное явление. В его концепции обосновывалось прирожденное неравенство людей. Деление на свободных и рабов он толковал как нормальное состояние, данное самой природой. Рабы рассматривались в качестве основной производительной силы, а их эксплуатация – как средство обогащения рабовладельцев. Свободными гражданами могли быть только греки. В рабов превращались варвары, иностранцы [17, с. 9–11]. Еврипид считал, что варварам недоступно понимание того, что такое справедливость: «Умом слабее эллинов они» [19, с. 47]. Он использует слово «варварский» в смысле «невежественный», «скотский» [20, с. 42–63]. Постепенно слово «раб» стало успешно заменять слово «варвар», и – наоборот.

Похоже, что византийское слово *σκλάβος* – *склавы* также несло в себе обе эти смысловые нагрузки. В этих же значениях – «раб» и «варвар» – *σκλάβος* в форме *сакалиба* позимствовали у греков и арабы.

Для глубоко религиозных арабов «варварство» определялось, главным образом, вероисповеданием. Мусульмане считают, что для возвращения к истинной вере Аллах отправлял к разным народам своих посланников – Авраама, Моисея, Иисуса и Мухаммеда. Поэтому христиане и иудеи считались *ахл ал-китаб* – «людьми писания», и к ним арабы изначально относились неплохо. Магомед сформулировал права зимми (иноверцев) в своем государстве: «Кто навредит зимми, тот навредит мне, а навредивший мне вредит Аллаху. Кто нарушает договор, ущемляет права, возлагает на других больше, чем они могут выполнить, или берет у других что-либо без их согласия, для тех я буду врагом в Судный День». Во времена халифа Умара мусульмане стали отбирать земли у евреев и строить там мечети. Узнав об этом, Умар приказал мечети разрушить, а земли вернуть законным владельцам. Но совсем иное отношение было к язычникам. Сам Мухаммед активно выступал против суеверий, критиковал язычество. Вот язычники как раз и были для мусульманской традиции истинными варварами.

Хазары, соседствовавшие по Каспийскому морю и плотно торговавшие с мусуль-

манами, активно воспринимали ислам. Источники сообщают о множестве мусульман в Хазарском каганате, десятках мечетей, мусульманских школ, мусульманских судей и даже личной гвардии царя, состоящей из мусульманских воинов [20, с. 464–469]. Ал-Масуди считал, что «большую часть населения в царстве хазар составляют мусульмане» [21, с. 45]. Возможно, что и легендарная веротерпимость в Хазарии связана с поучениями Магомеда о зимми. В то же время, за спиной у хазар лежало огромное пространство, заселенное племенами безбожников, которое арабы и называли «страной *сакалиба*».

Как уже было отмечено выше, горячие споры о *сакалибах* ведутся вокруг рассказа Ибн Фадлана о его путешествии в Волжскую Булгарию. Ибн Фадлан прибыл к булгарам с религиозной миссией. По просьбе болгарского правителя Алмуша и заданию халифа Муктадира, он должен был наставить «на путь истинный» – на дорогу ислама – целый народ. Алмуш же рассчитывал, что принятие мусульманской религии поможет ему и его народу освободиться от хазарской зависимости. Он полагал, что для этого халиф построит своим новым единоверцам крепость и окажет политическое давление на хазарское правительство. Ибн Фадлан рьяно взялся за дело. В своем отчете он упорно именовал болгар словом *сакалиба* (в 14 местах встречается этот термин), а их царя называл *сахиб-ас-сакалиба*, то есть язычниками и «царем язычников». Этим самым он хотел подчеркнуть чрезвычайную важность и значительность проделанной им работы по искоренению язычества. А слово «булгар» используется Ибн Фадланом лишь пару раз – для названия города в выражении «царь Булгара» [8, с. 159].

Одним из главных товаров на рынках Запада и Востока оставались рабы. С христианизацией большей части Западной и Центральной Европы, церковь запретила продажу христиан. У мусульман также не принято было продавать в рабство своих единоверцев (Д. Е. Мишин в своей монографии отмечает только отдельные случаи добровольного рабства мусульман). Об этом писал и ал-Истахри: «Всё, что попадает к нам из рабов Хазар, принадлежит к язычникам, разрешающим продажу своих детей и порабощение друг друга, а находящееся

среди них иудеи и христиане, подобно мусульманам, не допускают по своим религиозным воззрениям рабства друг друга» [22, с. 51]. Но между христианским западным миром и исламским Востоком лежали территории, заселенные племенами язычников. Вот они-то и стали главным объектом охоты работорговцев всех мастей. «А страна *сакалиба* длинная, обширная... Часть их страны по длине берут в плен хорасанцы и смежные [народы], а северную часть полонят андулусийцы, со стороны Галисии, [страны] франков и Ломбардии», – сообщает Ибн Хаукаль [23, с. 90].

Чуть ли не монополистами в работорговле на этих территориях были русы. Они курсировали на своих кораблях по рекам, вдоль которых проживали язычники-*сакалиба*, нападали и пленили окрестные племена и поставляли «живой товар» на европейские и восточные рынки. Так, Ибн Русте сообщает: «Они [русы] нападают на *сакалиба*, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают» [23, с. 48].

Камнем преткновения в хазарской историографии стала проблема идентификации и этимологии реки *Нахр-ас-сакалиба*, упоминаемой в восточных источниках в связи с походом арабского полководца Мервана. Большинство ученых согласилось, что это название переводится как «река славян». Но тут же возникли споры об ее локализации, потому что от Дербенда до известных славянских земель была «дистанция огромного размера». На этой почве возникла масса самых различных предположений. Одни исследователи считали, что под *Нахр-ас-сакалиба* подразумевается Волга [24, с. 16–18; 6, с. 42–43], другие – Дон [4, с. 870–871; 2, с. 147; 5, с. 276–278], третьи полагают, что это «собирательный образ восточноевропейских рек, соединявших земли восточных славян и Каспий» [23, с. 29].

Однако *Нахр-ас-сакалиба*, скорее всего, получила у арабов такое название оттого, что на берегах этой реки проживали компактные группы языческого населения. По ал-Балазури, эти *сакалиба* проживали «в стране хазар» [23, с. 37], а по ал-Куфи – за Хазарией. Еще не дойдя до *Нахр-ас-сакалиба*, Мерван захватил в плен 20 тысяч семей *сакалиба*, а с ее берегов увел в Дербенд «40 или более тысяч пленных безбожников» [23, с. 41].

Русы тоже были язычниками. Ибн Хордадбех даже называл их одним из разрядов *сакалиба* [25, с. 365]. В восточных источниках при описании язычников в Хазарии, *сакалиба* и русы часто упоминаются вместе. Так, ал-Масуди пишет: «Что касается язычников в [хазарском] государстве, то среди разрядов их находятся *сакалиба* [славяне] и русы, которые живут на одной стороне этого города (Атил)» [2, с. 193]. Для *сакалиба* и русов в Атиле были свои языческие судьи [22, с. 46]. Русы и *сакалиба* «служат в войске царя или его рабами» [22, с. 46]. Однако все источники, кроме Ибн Хордадбега, разделяли одинаково «безбожных» *сакалиба* и русов. По-видимому, на это были веские причины. Во-первых, термин *сакалиба* в другом своем значении – «раб» – мало подходил для воинственных и свободолюбивых русов-викингов. Их трудно было поработить. Русы не то, что при жизни, но даже и на том свете боялись попасть в рабство: к этому могла привести, согласно их верованиям, гибель от руки врага. В безвыходном положении они кончали жизнь самоубийством¹. Русы сами были работорговцами и охотниками на *сакалиба*. А во-вторых, у русов уже было свое «фирменное» имя, заимствованное арабами у тех же греков.

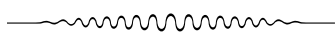
Таким образом, термин *сакалиба* в восточных письменных источниках использовался в двух основных значениях:

1. «раб», «евнух», а также «потенциальный раб» – объект для охоты работорговцев;
2. «язычник», «безбожник».

В последнем случае масштабы применения арабами слова *сакалиба* становятся беспредельными: оно могло использоваться в отношении тюркского и угро-финского населения Поволжья, жителей Кавказа, многочисленных обитателей славянских территорий, которых еще не захлестнули бурные волны монотеистических религий.

1) Византийский историк Лев Диакон писал, что русы «вплоть до нынешних времен никогда не сдают врагам даже побежденные, – когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими» (см.: [26, с. 86])

Литература

1. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / А. Я. Гаркави – СПб: тип. Сытина, 1870.
 2. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента / В. Ф. Минорский – М: Изд-во «Восточная литература», 1963.
 3. Hudud al-Alam/The Regions of the world. A Persian Geography 372 A. H - 982 A. D./Tr. and expl. by V. Minorsky. – London, 1937.
 4. Бартольд В. В. Славяне / В. В. Бартольд // Соч., Т. II, Ч. 1. – М: Изд-во «Восточная литература», 1963.
 5. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. / А. П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение, – М.: Наука, 1965. – 476 с.
 6. Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье / Д. Е. Мишин – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2002. – 368 с.
 7. Togan A. Z. Die Schwerter der Germanen / A. Z. Togan – ZDMG, 1936.
 8. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921/922 гг. / А. П. Ковалевский – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – 347 с.
 9. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
 10. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев – М.: Мысль, 1989. – 764 с.
 11. Тортика А. А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.) / А. А. Тортика – Харьков: ХГАК, 2006. – 554 с.
 12. Иванов С. А. «В тени юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы древнеславянской идентичности / С. А. Иванов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. №2(4). – СПб: Изд. СПбГУ, 2008.
 13. Голубцов И. А. О термине “склавины” / И. А. Голубцов // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. – М., Изд. вост. Лит, 1963.
 14. Даидовић-Живановић С. Mementa archaeologica et eruditiva. Академија нова. Центар за Истраживање и Производњу Идеја. Пешич и синови / С. Даидовић-Живановић – Београд, 1999.
 15. Мужич И. Sklavi(ni) — Skaenoi и формирование хорватского народа на Балканах / И. Мужич // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – №2(4). – СПб: СПбГУ, 2008.
 16. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge – Berlin–New York, 1999.
 17. Каллистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифман И. Ш., Шишова И. А. Рабство на периферии античного мира / Д. П. Каллистов, А. А. Нейхардт, И. Ш. Шифман, И. А. Шишова – Л.: Наука, 1968. – 172 с.
 18. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 644 с.
 19. Лурье С. Я. Геродот / С. Я. Лурье – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 236 с.
 20. Крюков М. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. – Вып. 6. – М.: Наука, 1976.
 21. Усманов Э. М. К вопросу происхождения термина «ал-арсийя» / Э. М. Усманов // Актуальные проблемы изучения, возрождения и развития традиционной культуры тюркоязычных, восточнославянских и финно-угорских народов. Материалы Всероссийской (с международным участием) заочной научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Сулейманова А. М. 5 июня 2009 г. – Уфа: Вагант, 2011.
 22. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане / Н. А. Караулов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 29. – Тифлис, 1901.
 23. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – Т. 1. – М., 2009. – 252 с.
 24. Кляшторный С. Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье / С. Г. Кляшторный // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Т. I. – М.: Институт востоковедения, 1964.
 25. Новосельцев А. П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе / А. П. Новосельцев // Древнейшие государства Восточной Европы. – М.: Наука, 1998.
 26. Лев Диакон. История. – М.: Наука, 1988. – 104 с.
-

ВЕРХНЕ-ОЛЬШАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОТЧЁТА О РАСКОПКАХ В 1991 ГОДУ

Ключевые слова: салтово-маяцкая археологическая культура, Хазарский каганат, Верхне-Ольшанское городище, VIII–X вв., белокаменные крепости.

Городище расположено на территории села Верхний Ольшан Острогожского р-на Воронежской области, на левом берегу р. Тихая Сосна при впадении в неё небольшого притока речки Ольшанка (Илл. 1).

Первые и единственные до наших дней раскопки городища провёл почти сто лет назад тогда ещё начинающий воронежский археолог С. Н. Замятнин [1] с целью выяснить его историко-культурную принадлежность и характер укреплений на нём. Он заложил четыре небольших, попарно соединённых раскопа (Илл. 2). В итоге им было установлено наличие на городище остатков крепостных стен, сложенных из блоков белого известняка. Большую ценность ныне представляет и выполненный Замятниным план городища, поскольку позднее оно было в значительной мере повреждено.

Городище лежит на краю плато высокого коренного правого берега Тихой Сосны, сложенного из массива белых известняков. Высота плато над уровнем реки около 50 м. С него открывается панорама на пойму Тихой Сосны и долину Ольшанки.

Внешне городище в своём нынешнем состоянии очень неприметно. Целесообразно поэтому указать маршрут его поиска. Его лучше вести от моста через Тихую Сосну, через который проходит асфальтированная дорога от железнодорожной станции через с. Нижний Ольшан в с. Верхний Ольшан (Илл. 1, 3). За мостом дорога поворачивает к северу (направо) и преодолевает трёхсотметровый подъём. В конце подъёма, где дорога поворачивает на северо-запад, слева от неё и находится площадка городища. Справа от дороги первые дома с. Верхний Ольшан. Вторым ориентиром для городища является сто-

ящая против его северного угла кирпичная церковь Троицы Живоначальной постройки 1769 г.¹ Эта церковь, как и ещё одна, изображены на панораме городища в указанной публикации С. Н. Замятнина.

Территория городища во время нашего пребывания в 1991 г. была свободна от каких-либо построек и покрыта разнотравьем. Но на ней и рядом были следы застройки, дореволюционной и советского времени.

План городища – неправильный прямоугольник с разновеликими стенами, но близкий к квадрату, примерно 100×100 м. Его восточный угол и юго-восточная сторона (где находился один из раскопов С. Н. Замятнина) примерно в 60–80-х гг. XX в. срезаны бульдозером при расширении и асфальтировании упомянутой выше дороги, проходящей через с. Верхний Ольшан. По рассказу очевидца, бульдозер выворачивал и скатывал на полотно строящейся дороги целые блоки из кладки крепостной стены. Весьма вероятно, что в ходе тех же дорожных работ значительно повреждена и сопредельная северо-восточная стена городища. Во всяком случае, при составлении публикуемого плана мы не увидели с северо-восточной и юго-восточной сторон городища ни рва, ни сколь либо возвышающихся над площадкой городища руин крепостных стен.

На городище вдоль его юго-западной стены, по информации старожилов, в 30-е гг. 20 в. и позднее находились колхозные постройки. Сразу за юго-западной стеною, в рельефе она была уже едва заметна, тянулись бугры – следы старых строений. У западного угла под небольшой круглой насыпью сохранялся погреб с купольным сводом, сложенный из белых известняковых блоков (на момент раскопок погреб был цел; этот прекрасный объект для музеефикации постепенно разрушается). Рядом заплывшие

1) Эта церковь находится в руинированном состоянии.

руины «дома дьякона», южнее следы других строений. Большие перекопы на южном углу городища. Это наиболее повреждённый участок его площадки.

В 1990 г. всего в 50-ти метрах западнее городища началось возведение большого крытого тока (тогда колхоза «Россия»). На строительной площадке было выкопано несколько десятков ям под опорные столбы. Осмотр этих «шурфов» показал наличие здесь отдельных линз синхронного городищу культурного слоя с керамикой салтово-маяцких типов. Надо полагать, сегодня зерновой комплекс принадлежит частному сектору, что представляет для городища ещё большую угрозу².

Таким образом, с трёх сторон городище и подходы к нему в разной степени повреждены. Хорошо сохранялась только северо-западная сторона городища, обозначенная оплывшим рвом, северный конец которого обрывается перед асфальтированной дорогой.

С северо-запада к городищу примыкал небольшой пустырь, а за ним группа домов с. Верхний Ольшан.

Непосредственно на территории городища глубокие разрушения не просматривались, но всё оно покрыто колеями современных тяжелых машин, протянувшимися параллельно грунтовой дороге, пересекающей городище с юго-запада на северо-восток, от зернового комплекса к асфальтированной дороге. Просёлочная дорога через городище существовала ещё до раскопок С. Н. Замятина, обозначена на его плане, но тогда проходила в несколько ином направлении.

Юго-западный ров засыпан уже после посещения памятника С. Н. Замятиным, на его плане он обозначен четко, как и перемычка через него, по которой проходил просёлок. Установить, была ли перемычка древним въездом в крепость, можно только раскопками, но весьма вероятно, что она вела к воротам крепости.

2) Нынешняя ситуация на городище мне неизвестна. Никакой информации не удалось получить в недалеко расположенном музее-заповеднике «Дивногорье» (Маяцкий археологический комплекс). Наиболее целесообразно было бы включить Верхне-Ольшанское городище в состав этого заповедника в качестве отдельной территории. Сомнительно, что к этому предложению кто-либо прислушается.

Все повреждения, нанесённые Верхне-Ольшанскому городищу за истекающее столетие, становятся особенно очевидными при сравнении планов С. Н. Замятина и нашего.

Задачей раскопок 1991 года стало, прежде всего, определение сохранности стен этого известного памятника археологии. Место для раскопа было выбрано с внутренней стороны единственного сохранившегося северо-западного рва на расстоянии около 30 м от западного угла городища.

Ров. Его ширина около 9 м., глубина по отношению к площадке городища около 2-х метров, а по отношению к прилегающей территории всего 1 м (Илл. 4, 5). Несомненно, ров заплыл, а в древности он был значительно глубже, минимум в два раза. Проходил ли он в древности по всему периметру крепости и мог ли заполняться водою? На плане С. Н. Замятина обозначено, что ров на южном углу открыт в сторону берегового обрыва Тихой Сосны. Менее ясно он прочерчен у северного угла в направлении к Ольшанке, но судя по линии внешнего контура рва, он и здесь был открыт во времена Замятина. Так ли было в древности? Дело в том, что городище лежало не у кромки обрыва! Именно поэтому ров мог опоясывать крепость со всех сторон. На то, что ров мог проходить и вдоль северо-восточной и юго-восточной стен, указывает протянувшийся вдоль них вал. Откуда мог быть взят для него грунт, если не из проходившего вдоль него рва? Мы более чем уверены в существовании, по крайней мере, северо-восточного рва, поскольку в этом направлении до берегового склона р. Ольшанка не менее 150 м. Сегодня на этом пространстве находится один из кварталов села Верхний Ольшан (Илл. 1). Существование широкого пространства между городищем и береговыми склонами к Тихой Сосне и особенно Ольшанке не учтено в одной из публикаций Г. Е. Афанасьева, откуда и происходило его мнение только о двух напольных рвах, северо-западном и юго-западном, но при полном окружении городища валом [2, с. 121].

Крепостная стена. Раскоп размером 2×3 м³ был заложен перед северо-западным рвом с

3) В нашем распоряжении был только 1 рабочий, выделенный из состава экспедиции Воронежского музея, продолжавшей в это время раскопки на Верхне-Ольшанском поселении под руководством мадам Е. Якименко. Она в наших раскопках участия не принимала.

таким расчетом, чтобы обнаружить только внешний панцирь стены и открыть некоторую площадь между ним и рвом. В случае ошибки раскоп предполагалось удлинить в том или ином направлении, но этого не потребовалось. Необходимо отметить, что на дневной поверхности крепостная стена практически не прослеживалась, и линию внешнего фаса удалось определить в основном благодаря опыту работы на других памятниках. Длинной осью раскоп ориентирован не по сторонам света, а, как предполагалось, поперек направления стены. Ошибка составила около 18°. Он внутреннего края рва раскоп находился примерно в двух метрах. Уже после обнаружения лицевого фаса выяснилось, что ширина бермы не превышала 3,5–4,0 м.

Основным объектом раскопок стал внешний панцирь крепостной стены. Он него по высоте сохранилось всего два слоя кладки белых известняковых блоков (выглядят как пыльный мел, но значительно более плотные).

Основание панциря залегало на глубине около 1 м от современной поверхности. Блоки нижнего слоя кладки уложены «тычком» на узкой грани перпендикулярно направлению стены. Всего раскопом охвачены восемь блоков (Илл. 6), пронумерованных на чертеже (Илл. 7; номера блоков в кружочках). Блоки укладывались непосредственно на выровненную древнюю дневную поверхность без фундамента и даже заметного заглубления, без какой-либо подложки. Примечательный факт, характеризующий несовершенную технологию строительства: основание стены следовало за уклоном рельефа полосы, предназначенной под будущую стену. На вскрытом участке уклон оказался очень значительным – 6 см на метр по направлению к северному углу крепости. Это означало, что основание стены следовало за микрорельефом, то приподнимаясь, то опускаясь, а в целом следуя общему наклону площадки городища. Конкретно же обнаруженные восемь блоков «стремились сползти» по диагонали в направлении из стены вперёд и вправо. Наклон блоков можно заметить и на фотографии (Илл. 6).

Не исключено, что из-за указанного диагонального наклона в блоках возникло напряжение на разрыв, в результате чего они буквально разорваны на куски. Внешние грани выкрошились.

Высоту блоков нижнего слоя удалось замерить достаточно точно, а замеры длины и ширины были дополнительно уточнены по отпечаткам на грунте (табл.). Надо иметь в виду, что понятия «ширина» и «высота» в таблице условны и соответствуют реальному положению восьми нижних блоков.

Таблица.
Размеры блоков Верхне-Ольшанского городища

№№ блоков	Длина (см)	Ширина (см)	Высота (см)
<i>Блоки нижнего слоя панциря</i>			
1	86	24	32
2	86	21	38
3	86	24	38
4	100	25	36
5	96	29	40
6	?	34	36
7	114	22	36
8	103	?	36
<i>Блоки второго слоя панциря</i>			
9	60	22	36
10	60	20	24

На плане раскопа нетрудно заметить, что группы из более коротких трёх и двух блоков (№ 1, 2, 3 и № 5, 6) чередуются с более длинными (№ 4 и № 7, 8). Если чередование коротких и длинных блоков преднамеренное, то это могло быть сделано для большего сцепления лицевого панциря стены с забутовкой (проверить это предположение возможно только дальнейшими раскопками стены).

Вертикальные швы, если блоки не стояли вплотную, заполнялись известняковой крошкой. Она же, но уже преднамеренно для выравнивания кладки, использовалась в горизонтальном шве между нижним и вторым рядом, представленным всего двумя блоками (№№ 9, 10). В связи с тем, что высота блоков не была постоянной (от 32 до 40 см), более высокие несколько заглублялись в грунт. Отпечатки блоков хорошо прослеживались после их удаления.

После расчистки произведена разборка панциря с целью выяснения всех особенностей кладки, наличия или отсутствия под стенами деревянных конструкций и выяснения техники тёски блоков. Разборка дала важные результаты. Во-первых, установлено, что под панцирем нет деревянных лаг. Во-вторых, на боковой грани блока № 7 выявлены линии

и граффити, нанесённые каменотёсами или строителями (Илл. 8: 1). Вдоль бокового и верхнего рёбер прочерчены «под линейку» прямые линии, ещё одна пересекает блок вертикально с отчерком внизу. Вверху линия пересекает граффити из двух коротких линий с отчерками.

От второго, вышележащего слоя панциря сохранились на вскрытом участке лишь два блока (№№ 9, 10) лежащие, в отличие от нижних, плашмя, «ложком» к фасу. По размерам они меньше (см. табл.). Судя по их местоположению в панцире, перед ними должен был проходить ещё один внешний ряд, лицевой. Но был ли и третий, внутренний, ряд, судить не представляется возможным. Без особой уверенности к нему мог относиться сдвинувшийся внутрь забутовки распавшийся блок № 11. На чертеже фаса стены хорошо видно, что верхние лежащие «ложком» блоки № 9 и 10 перекрывают по три стоящих на узких гранях, «тычком», нижних блока. Такая перевязка весьма надёжна, учитывая к тому же и большие размеры блоков, особенно длину нижних. Нам уже приходилось писать, что такая же система кладки применена в Правобережной Цимлянской крепости на Нижнем Дону, но в отличие от Верхне-Ольшанской, там нижний слой кладки был сплошным на всю ширину крепостной стены (3, с. 495, рис. 4; 4). На одном из стратиграфических разрезов С. Н. Замятина изображен иной вариант того же типа кладки, при котором нижний слой блоков уложен «ложком», а второй, вышележащий, «тычком». Существо технологии кладки от этого не меняется. Любопытная деталь: между блоками № 9 и 10 сделана вставка из двух миниатюрных «блоков» (Илл. 7: *фас*), что свидетельствует о внимании строителей к технологии строительства.

Найденные блоки обработаны с различной степенью тщательности. Некоторые поверхности гладкие, другие неровные. Заметны следы мотыжек с шириной лезвия от 4 до 5 см.

Особое внимание обращаем на обломки фигурных блоков, залежавшие в развале перед стеною и в забутовке. Наиболее полно сохранились два: один с вырезом на торце, второй с треугольным сечением (Илл. 8: 3, 4). Блоки с вырезом зафиксированы на соседнем Маяцком городище, где отнесены к деталям парапета, который реконструируется

в двух вариантах [5, С. 223; 232, рис. 6]. Блоки с вырезами на торце разного профиля представлены и в Правобережной Цимлянской крепости, причём залежали они *in situ* и, на что обращаем внимание, в пристройке к крепостной стене, а не среди развалов блоков [3, 1994. с. 496, 497, рис. 5 и 6]. Это первый случай в хазарской археологии, когда фигурные блоки сохранились на первоначальном месте.

Для забутовки стены использована смесь из кусков известняка, известняковой щебёнки и крошки, а также из обломков блоков, повреждённых в ходе строительства. Забутовка на вскрытом участке произведена насухо и залегала на одном уровне с блоками панциря. Отмечу, что С. Н. Замятин упоминал «цемент». Что подразумевалось под «цементом» сказать трудно. Деревянные конструкции не прослеживались, что не означает, что они вообще не применялись при возведении стены крепости. В целом же наши наблюдения подтвердили описания С. Н. Замятина, касающиеся устройства стен Верхне-Ольшанской крепости: двухпанцирные с забутовкой из аморфной известняковой массы.

Стратиграфия. Раскоп доведён по всей его небольшой площади до основания стены. Для полной уверенности в отсутствии под ней более ранних напластований, вдоль северо-восточной стенки раскопа прорезана траншея шириною и глубиною до полуметра. В ней, в северном углу раскопа, дополнительно прокопан до уровня материка (суглинка) «колодец» глубиною до 1 м. В итоге установлено, что никаких следов предшествующего времени под крепостною стеною нет. Более важно другое – под стеною не оказалось никаких артефактов самой салтово-маяцкой культуры. Это означает, что непосредственно на данном месте не было предшествовавшего ей поселения.

Для стратиграфии особенно показательны длинные стенки раскопа, юго-западная и северо-восточная, перпендикулярные к крепостной стене. Обе в зеркальном отражении дали одинаковую, лишь в мелких деталях различающуюся картину (целесообразно сравнить попарно чертежи и фотографии на Илл. 9, 11 и на Илл. 10, 12).

Выразительна юго-западная стратиграфическая стенка раскопа (Илл. 9, 11). Перед крепостной стеною, в данном случае перед блоком № 8, на древнем горизонте лежат облом-

ки блоков, крошева и щебня из заполнения. Непосредственно у стены толща этой массы 50–60 см, в направлении рва она постепенно уменьшается до 20–25 см. За пределами раскопа она должна была сползать в ров (не этим ли объясняется небольшая глубина рва?). Всё это перекрыто слоём в 10 см. чёрной золы. Пласт золы хорошо виден и в остальных трёх стенках раскопа, будучи в свою очередь перекрыт мелкими обломками блоков – щебнем, происходящим, вероятно, из заполнения стены. Казалось бы, мы имеем следы большого пожара во время разрушения крепости. Но впечатления от непосредственных наблюдений в ходе раскопок приводят к иному заключению: зола появилась значительно позднее существования крепости. Она отделяет развал стены от позднейших перекопов, которые и привели к формированию выше лежащего пласта смеси супеси со щебёнкой, над которым уже тонкий современный слой (т.н. почва). В целом же ситуация со стратиграфией юго-западной стенки гораздо лучше отражена на фотографии (Илл. 11), чем на условном чертеже (Илл. 9). На фото 11 виден светлый клин развала стены, над которым лежит несравнимо более тёмный поздний пласт.

Особенно выразительно деление напластований в раскопе на собственно раннесредневековый, салтово-маяцкий, и более поздний отражено в *северо-западной короткой стенке раскопа*, проходящей параллельно рву (Илл. 9). Следует обратить внимание на залегающие в верхнем пласте (серый по цвету) на одном уровне фрагменты дерева хорошей сохранности и обрывок черной резины. Обе находки лежат *над* прослойкой золы.

Ту же стратиграфическую ситуацию отражает и длинная *северо-восточная стенка раскопа*, вдоль которой и прокопаны упоминавшиеся контрольные траншеи и «колодец» (Илл. 10, 12). Траншея показала стерильность подстилающего городища массива (обозначен косой сеткой). Непосредственно на нём построена крепостная стена, представленная на чертеже обломком блока № 1, лежат забутовка и пласты разрушения, перекрытые всё той же золой над линзой тёмно-серого грунта позднего происхождения.

Несколько иную ситуацию дал разрез по линии *юго-восточной короткой стенки раскопа* (Илл. 10). Он рассёк забутовку внутри

стены, вдоль неё. Хорошо видно, что забутовка лежит на одном уровне с блоками (на чертеже видна часть блока № 8). Структура забутовки проста: большие куски известняка неравномерно распределяются в массиве известнякового щебня и мелкого крошева и серой супеси. Над остатками забутовки вновь остатки дерева коричневого цвета и хорошей сохранности. Необходимо специально акцентировать внимание на следующем. Это не те остатки средневековой древесины, которые подвергаются естественному процессу обугливания и которые иногда ошибочно принимают за свидетельство пожара. Такие обуглившиеся конструкции представлены внутри стен Маяцкой крепости [5, с. 219; 227–333, рис. 1–7]. В то же время, надо иметь в виду, что наши раскопки из-за малой площади, не могут служить для окончательного вывода о конструкции верхне-ольшанских крепостных стен, и в частности, о применении в них и под ними деревянных конструкций.

Все четыре разреза, как и сам невыразительный рельеф над линией крепостной стены показали отсутствие на городище тех мощных развалов панцирей и бута, которые представлены на Маяцком городище и образуют впечатляющие «валы». Приходится делать вывод, что вся масса блоков из стен Верхне-Ольшанского городища, как и куски известняка из забутовки были растащены и переиспользованы позднее. Разрушение остатков крепости хазарского времени началось ещё в период заселения Белгородской оборонительной линии в середине XVII в., когда на её месте строится деревянная Ольшанская крепость, а позднее продолжалось жителями с. Верхние Ольшаны. В связи с этим отметим, что местное население вплоть до недавнего времени практиковало изготовление известняковых блоков. Большое количество таких блоков было зафиксировано нами на месте строящегося зернового комплекса. Из них же сложен упоминавшийся купольный погреб. От блоков стен крепости их отличают только значительно меньшие размеры и отсутствие характерных следов мотыжек. Не исключено, что изготовление блоков местным населением возникло на основе опыта использования блоков древнего городища. К Ольшанской крепости наверняка относятся и упоминавшиеся фрагменты деревянных конструкций, как и весь поздний слой городища.

На раскопе, на глубине не глубже сорока сантиметров, т.е. явно в переотложенном состоянии, найдено всего шесть очень невыразительных фрагментов керамики, которые только в целом могут быть определены как салтово-маяцкие, но не дают возможности говорить о форме сосудов. Кроме того, на том же уровне собрано около двух десятков фрагментов сосудов XIX–XX вв., а возможно и более ранних. Они в какой-то мере и подтверждают определение верхнего слоя раскопа как позднего. Иных находок раскоп не дал.

По завершении работ все извлеченные обломки блоков из панциря стены и забутовки были сброшены в раскоп, после чего он полностью засыпан.

Итоги раскопок 1991 г. на Верхне-Ольшанском сводятся к следующему.

1. Установлено, городище, несмотря на значительные повреждения, пригодно для дальнейших исследований.

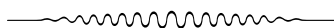
2. Подтверждены основные сведения о нём С. Н. Замятнина, в том числе о конструкции стена. В то же время получена новая информация о технологии кладки блоков.

3. Наш опыт заставляет вновь поднять вопрос о методике дальнейших раскопок стен Верхне-Ольшанской крепости. Её блоки сохранились в плохом состоянии. Все они в той или иной степени растрескались ещё до раскопок и начинают интенсивно разрушаться после вскрытия. На это обратил внимание и С. Н. Замятнин. Предложения по методике раскопок стен Верхне-Ольшанского городища изложены в одной из ранних публикаций, касавшейся и вопросов происхождения

белокаменного строительства в Хазарском каганате [6]. Раздел о Верхне-Ольшанском городище содержится в: [7, с. 58–62].

Литература

1. Замятнин С. Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (извлечение из дневников) / С. Н. Замятнин // Воронежский историко-археологический вестник. – Вып. 2. – Воронеж, 1921. – С. 35–39.
2. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. / Г. Е. Афанасьев – Серия «Археологические открытия на новостройках» – Вып. 2. – М., 1987. – 199 с.
3. Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. / В. С. Флёров // МАИЭТ. IV. – Симферополь (Крым), 1994. – С. 441–516.
4. Флёров В. С. Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение технологий / В. С. Флёров, В. Е. Флёрова // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья. – Материалы научн. конф. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 59–61.
5. Василева Д. Конструкция и техника стройки Маяцкого городища / Д. Василева // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: Институт археологии, 1990. – С. 218–233.
6. Флёров В. С. Верхне-Ольшанское городище и проблема методики раскопок белокаменных крепостей салтово-маяцкой культуры / В. С. Флёров // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. – Рязань, 1994. – С. 116–118.
7. Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. / В. С. Флёров – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011.

ОПЫТ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОЛИНЕ р. ТИХАЯ СОСНА (БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Ключевые слова: Почвы, палеогеографическая реконструкция, лесостепь, степь, салтово-маяцкая культура

Памятники археологии представляют собой «уникальный калейдоскоп», состоящий из фрагментов былых биосфер (с остатками пород, почв, растительности), материальных культур древних обществ и их сочетаний в виде следов древнего природопользования. Эта особенность определяет важность междисциплинарного изучения данных объектов усилиями археологов и специалистов естественно-научного профиля. Только в этом случае может быть собрана максимально полная информация о материальных культурах прошлого, их природном окружении, эволюции природной среды и разнообразных исторических аспектах взаимодействия общества и природы.

В июле 2007 года на территории Алексеевского района Белгородской области проводилось изучение древних и современных почв, приуроченных к городищу салтово-маяцкой культуры «Колтуновка», расположенному на поверхности первой надпойменной террасы р. Тихая Сосна. Раскопки памятника производились средневековой археологической экспедицией Белгородского государственного университета под руководством В. А. Саратулкина.

Исследуемая территория находится на южных отрогах Среднерусской возвышенности, на границе лесостепной и степной природных зон. Климат умеренно континентальный. Среднегодовое количество осадков составляет 500–550 мм, среднегодовая температура воздуха – плюс 7 °С, июля – плюс 20 °С, января – минус 8 °С. Полоса перехода между лесостепью и степью в докультурный период (в конце XVI века) в почвенно-растительном плане представляла собой разнотравно-

ковыльные степи на черноземах выщелоченных, типичных и обыкновенных, которые сочетались с редкими дубравами байрачного типа на деградированных черноземах [1, с. 18–19].

В голоцене (последние 10300 лет естественной истории формирования ландшафтов) происходили неоднократные изменения климата, выражавшиеся в смещениях границ природных зон [2, с. 198; 3, с. 7–31, 161–164], которые могли влиять на этно- и социокультурные процессы. В частности, для территории лесостепного и степного центра Восточно-Европейской равнины выявляются связи наступления эпизодов аридного климата со сменами археологических периодов и (или) культурно-исторических общностей. Так, аридизация климата 7200–7000 л.н. [2, с. 200] совпадала с финалом мезолита и началом неолита. Резкая аридизация и похолодание климата 4300–4000 л.н. [2, с. 203; 3, с. 19] хронологически совпадают со средним бронзовым веком, когда рассматриваемая территория заселялась племенами катакомбной культурно-исторической общности. В интервале времени 3000–2800 л.н. был очередной эпизод аридного климата [4, с. 187], во время которого, после перерыва в заселении южной лесостепи, появляются представители бондарихинской и киммерийской культур [5 с. 47–49]. После сравнительно влажных климатических условий, установившихся в середине I тысячелетия до н.э., 2300–2200 л.н. наступает новая волна аридизации климата [6, с. 99–100; 7, с. 121–123]; в это время на смену оседлому населению лесостепной культуры скифского времени приходят кочевые сарматы [8, с. 8], а поймы рек Центрального Черноземья начинают заселяться племенами зарубинецкой культуры [9, с. 41].

В свете вышесказанного большой интерес представляет изучение климатических осо-

бенностей периода возникновения в бассейне Среднего Дона поселений и укрепленных городищ салтово-маяцкой культуры, что, помимо политических мотивов [10, с. 4–6 и др.], могло быть также вызвано изменением природных условий, а именно – новой волной аридизации климата, позволившей народам, проживавшим на юге Восточной Европы, осваивать ландшафты более северных территорий.

Сравнительный анализ древних и современных черноземов, изученных на городище «Колтуновка», дает представление о палеоклиматических условиях, существовавших на границе Центральной лесостепи и степи в конце I тысячелетия н.э.

На голоценовые изменения климата заметно реагировали такие признаки черноземов, как мощность их гумусовых горизонтов и глубина залегания карбонатов. При возрастании степени континентальности климата (усилении его аридности) мощность гумусовых горизонтов и глубина залегания карбонатов уменьшались, а при снижении степени континентальности климата (при его увлажнении) происходили противоположные процессы – мощность гумусовых горизонтов и глубина залегания карбонатов возрастали.

Поверхность первой надпойменной террасы р. Тихая Сосна, где существовало исследуемое городище, имеет слабый (не более 2–3 °) наклон к северу. Терраса приподнята над поймой реки на высоту 7–8 метров. Древнеаллювиальные слоистые пески перекрыты достаточно мощным чехлом карбонатных лессовидных суглинков, на которых формируются черноземы.

Внутренняя часть городища представляет собой пахотное поле; в период проведения раскопок на нем выращивалась кукуруза.

На поверхности городища, в его восточной части, было обнаружено обширное (диаметром 50–60 метров) холмообразное повышение высотой 0,5–0,8 метра, которое маркировалось по белесоватому цвету почвы, и наличию обломков мела разного размера – от дресвы до глыб (Илл. 1). В ходе раскопок удалось установить, что повышение возникло в результате обрушения каменной кладки высокого строения, напоминающего башню, которое являлось частью архитектурного ансамбля изученного городища.

В стенках археологического раскопа под обломками мелового камня местами хорошо сохранилась погребенная почва. Перекрывающие ее глыбы мела, размер которых достигает 15×30×30 см, сыграли роль экрана, защищавшего древнюю почву от диагенетических изменений (разрушения исходного профиля процессами, происходившими после ее погребения). О хорошей сохранности древней почвы свидетельствует насыщенный серый цвет гумусового горизонта палеопочвы – гораздо более темный под развалами мелового камня (Илл. 2), чем в местах, где погребенную почву перекрывают смешанные с почвенным мелкоземом рассеянные обломки камней (Илл. 1).

Ниже приводится описание профиля палеопочвы, изученной в разрезе 1 (отсчет глубины ведется с древней поверхности).

[A1] 0–42 см. Серый, близкий к темно-серому, книзу темнеет, свежий, комковато-зернистый, среднесуглинистый, сильно уплотненный, пористый, содержит экскременты червей (копролиты), переход постепенный, граница слабоволнистая.

[A1B_{Ca}] 42–51 см. Буровато-серый, местами с палевым оттенком, свежий, ореховато-комковатый с зернистостью, среднесуглинистый, уплотненный, поверхность агрегатов покрыта тонким налетом карбонатной плесени, копрогенный, встречаются буровато-палевые палеослепышины, переход постепенный, граница волнистая.

[B_{Ca}] 51–62 см. Неоднородный, от серовато-бурого до буровато-серого, местами с палевым оттенком (в целом темнее вышележащего горизонта), свежий, ореховато-комковатый, среднесуглинистый, близкий к тяжелосуглинистому, уплотненный, содержит очаговые скопления карбонатной плесени, перерыв палеослепышинами, местами копрогенный, переход заметный, граница волнистая.

[BC_{Ca}] 62–73(81) см. Неоднородный, серовато-палевый с буроватостью, местами палево-серый, свежий, глыбисто-ореховатый с комковатостью, тяжелосуглинистый, сильно уплотненный, тонкопористый, местами содержит очаговые скопления тонких белесых прожилок карбонатов (карбонатного мицелия), встречаются древние ходы червей, заполненные буровато-серыми копролитами, содержит единичные палеослепышины, переход постепенный, граница волнистая.

[C_{ca}] 73(81)–147 см. Буровато-палевый, свежий, глыбисто-призмовидный, тяжело-суглинистый, плотный, пористый, в слое 83–110 см равномерно рассеян редкий мицелий карбонатов, который глубже встречается единично, с глубины 80 см и ниже (до глубины экскавации) распространены желтовато-белесые пятна белоглазки диаметром от 2 до 4 см и обилием 1 шт. на 1 дм².

Вскипание при взаимодействии с 10-% раствором HCl (индикатор наличия карбонатов) происходит с поверхности изученной почвы, при этом интенсивность вскипания слабая. Самая верхняя часть почвенного профиля загрязнена карбонатами, переместившимися из перекрывающего палеопочву развала меловых камней. Заметное усиление вскипания фиксировалось с глубины 28 см. Эта глубина была принята нами за исходный верхний уровень залегания почвенных карбонатов. Книзу вскипание усиливалось и становилось бурным глубже 88 см.

Изученная палеопочва идентифицирована как чернозем обыкновенный карбонатный мало-мощный, среднесуглинистый на карбонатном лессовидном суглинке.

Заложенный на удалении 7 метров от первого, второй разрез палеопочвы вскрыл профиль палеочернозема, который по морфогенетическим и морфометрическим свойствам очень близко соответствовал приведенному выше почвенному профилю.

Фоновые почвы без признаков нарушения поверхности древними антропогенными воздействиями и без наличия артефактов были изучены в двух разрезах, удаленных от мест исследования погребенных почв на расстояние 40 и 100 метров. Они характеризуются близким набором признаков. В качестве примера, приведем описание почвы, изученной в разрезе 3, на удалении 40 метров от разреза 1 (в котором был исследован палеочернозем).

Апах_{ca} 0–28 см. Серый, близкий к темно-серому, свежий, комковато-глыбистый, среднесуглинистый, слабо уплотненный, местами копрогенный, переход заметный, граница ровная.

A1_{ca} 28–42 см. Буровато-серый, свежий, зернисто-комковатый, среднесуглинистый, уплотненный, местами копрогенный, перерывт слепами, переход постепенный, граница слабоволнистая.

A1B_{ca} 42–50(58) см. Неоднородный, буровато-серый, местами с палевым оттенком, свежий, зернисто-комковатый с ореховатостью, среднесуглинистый, близкий к тяжело-суглинистому, уплотненный, местами выражен очаговый налет карбонатной плесени, сильно перерывт слепами, переход постепенный, граница волнистая.

B_{ca} 50(58)–70(87) см. Неоднородный, палево-серый с буроватостью, свежий, комковато-ореховатый с глыбистостью, среднесуглинистый, близкий к тяжело-суглинистому, уплотненный, местами заметны очаговые скопления нитевидных мицелиарных карбонатов, а также фрагментарный налет карбонатной плесени, сильно перерывт слепами, переход постепенный, граница волнистая.

BC_{ca} 70(87)–101 (105) см. Неоднородный, серовато-палевый, местами палево-серый, свежий, ореховато-глыбистый, тяжело-суглинистый, уплотненный, формы и распространение карбонатов аналогичны вышележащему горизонту, перерывт слепами, переход постепенный, граница волнистая.

C_{ca} 101(105)–140 см. Палевый, местами буровато-палевый, свежий, призмовидно-глыбистый, тяжело-суглинистый, пористый, сильно уплотненный, повсеместно представлены равномерно рассеянные редкие мицелиарные карбонаты, а также желтовато-белые пятна белоглазки диаметром 1,5–2,5 см, имеющие обилие от 1 до 3 шт. на 3 дм².

Изученная почва вскипает с поверхности; в слое 0–87 см вскипание средней интенсивности с тенденцией усиления книзу; глубже 87 см вскипание становится интенсивным (но не бурным).

Фоновая почва идентифицирована как чернозем обыкновенный карбонатный мало-мощный, близкий к среднемощному, среднесуглинистый на карбонатном лессовидном суглинке.

Средние морфометрические показатели профилей погребенных и фоновых почв представлены в табл. 1.

Анализ данных табл. 1 дает основание считать, что за время, прошедшее после момента погребения изученной почвы (VIII–IX вв. н.э.), почвообразовательный процесс, формирующий современный почвенный покров, был направлен на наращивание мощности почвенных профилей (с тенденцией

Таблица 1.

Морфометрические признаки древних и современных черноземов,
изученных на городище «Колтуновка» (средние показатели парных профилей)

Показатель	Мощность или глубина залегания, см		
	погребенная почва	фоновая почва	разность между фоновой и погребенной почвами
A1	39	42	+ 3
A1B _{Ca}	12	15	+3
A1+A1B _{Ca}	51	57	+ 6
B _{Ca}	13	26	+ 13
BC _{Ca}	17	25	+ 8
почвенный профиль	81	108	+ 27
верхняя граница белоглазки	80	102	+ 22

относительно более интенсивного наращивания мощности иллювиально-карбонатных горизонтов (B_{Ca}) и на понижение глубины залегания белоглазки. Весь комплекс морфогенетических и морфометрических признаков изученных почв (включая анализ степени перерытости профилей землероями) позволяет считать, что климатические условия, соответствовавшие периоду заселения исследуемого региона представителями салтовомаяцкой культуры, были более засушливыми по сравнению с современными. На аридизацию климата в данный период (начало малого климатического оптимума голоцена) на территории восточноевропейских степей указывали ранее И. В. Иванов и В. А. Демкин [11], а также Л. С. Песочина и др. [12, с. 689–690].

Степная растительность, существовавшая на исследуемой территории в течение всего голоцена, меняла свой облик в ответ на флуктуации климата различной периодичности. В конце первого тысячелетия н.э., в обстановке нарастания аридизации климата, в составе растительности могло происходить увеличение доли злаков (в частности, типчака) и полыней при снижении доли более мезофитного лугового и лугово-степного разнотравья. Логично предполагать, что в это время происходило снижение дебита воды в источниках и понижение глубины залегания подземных вод. Неслучайно, в соседней с Белгородской, Курской области, пойма реки Тускарь в IX–XI вв. оказалась сильно заселен-

ной племенами славян (роменская культура) [13, с. 108], что говорит о длительном (многие десятилетия) периоде низкого стояния воды в реке при отсутствии высоких паводков.

Таким образом, на основании проведенного исследования в очередной раз подтверждается вывод о том, что этно- и социокультурные процессы во многом определялись естественными изменениями климата. В эпизоды аридизаций климата ареалы степных ландшафтов на территории Восточной Европы продвигались к северу, и народы, хозяйственная деятельность которых была адаптирована к данному типу ландшафтов, начинали мигрировать, заселяя новые земли.

Литература

1. Чендев Ю. Г. Природные комплексы докультурного периода (XVI век) / Ю. Г. Чендев // Атлас «Природные ресурсы и экологическое состояние Белгородской области». – Белгород, 2005. – С. 18–19.
2. Спиридонова Е. А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене / Е. А. Спиридонова. – М.: Наука, 1991. – 221 с.
3. Чендев Ю. Г. Естественная эволюция почв Центральной лесостепи в голоцене / Ю. Г. Чендев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 199 с.
4. Александровский А. Л. Эволюция почв и географическая среда / А. Л. Александровский, Е. А. Александровская. – М.: Наука, 2005. – 223 с.
5. Медведев А. П. О направлениях миграций древнего населения в Подонье в раннем железном веке (в

связи с изменением природно-климатических условий) / А. П. Медведев // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке: Тез. науч. конф. – Тула, 1993. – С. 47–49.

6. Серебрянная Т. А. Последний лесной этап в развитии растительности Среднерусской возвышенности / Т. А. Серебрянная, Э. О. Ильвейс // Изв. АН СССР. Серия географическая. – 1973. – № 2. – С. 95–102.

7. Чендев Ю. Г. Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене / Ю. Г. Чендев. – М.: ГЕОС, 2008. – 212 с.

8. Медведев А. П. Верхнее Подонье в 1-ой половине I тыс. н. э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) / А. П. Медведев // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. – Воронеж, 1998. – С. 4–18.

9. Обломский А. М. Позднезарубинецкие памят-

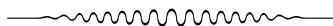
ники / А. М. Обломский // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. – М.: Наука, 1992. – С. 40–52.

10. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (по материалам Дмитриевского археологического комплекса) / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 287 с.

11. Иванов И. В. Почвоведение и археология / И. В. Иванов, В. А. Демкин // Почвоведение. – 1999. – № 1. – С. 106–113.

12. Песочина Л. С. Закономерности изменчивости почв и природных условий северо-восточного Приазовья в среднесарматское время / Л. С. Песочина, А. А. Гольева, С. В. Зайцев // Почвоведение. – 2000. – № 6. – С. 683–691.

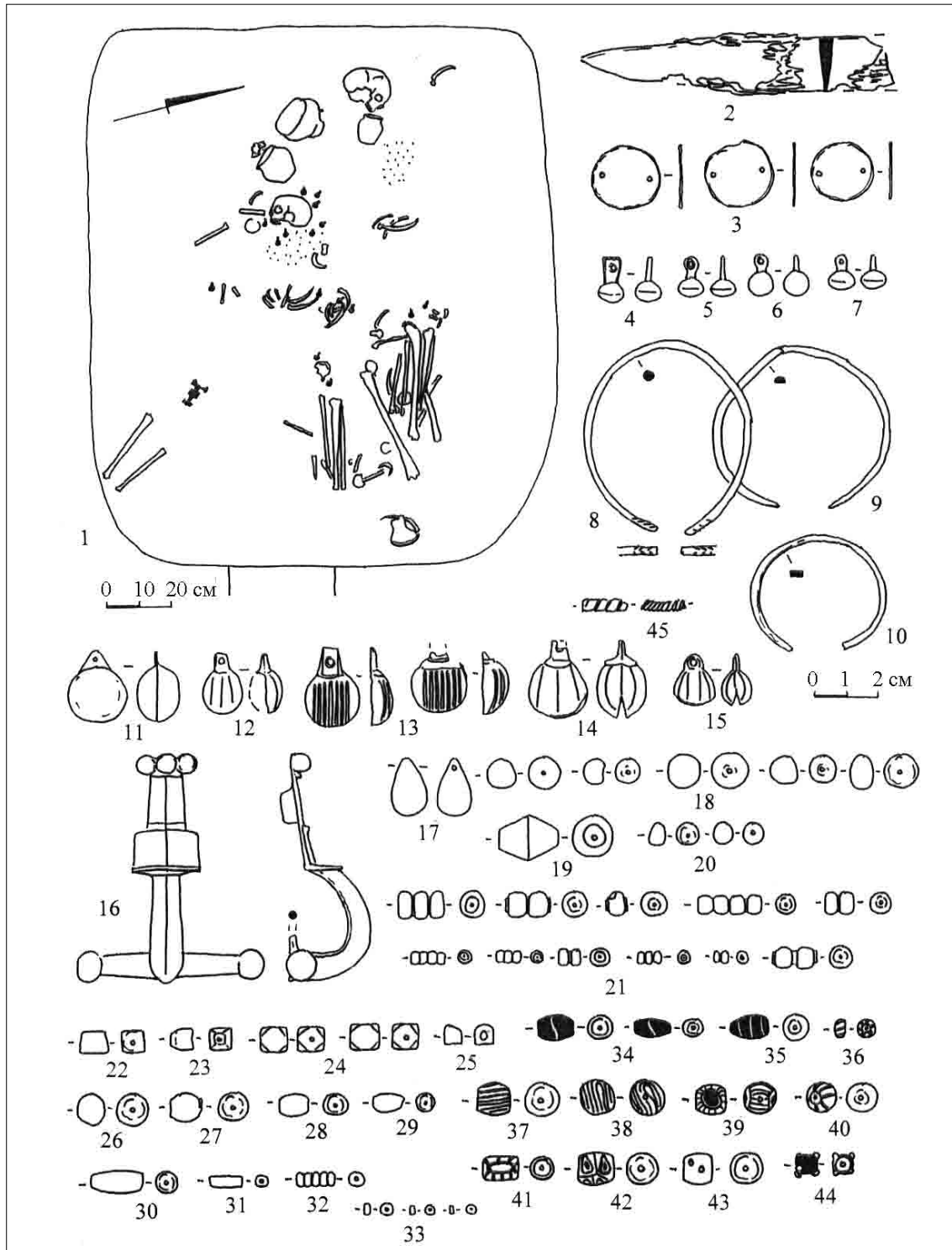
13. Сычева С. А. История антропогенного влияния на природу Курского Посеймья / С. А. Сычева, А. А. Уязнов // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. – М., 1987. – С. 105–120.

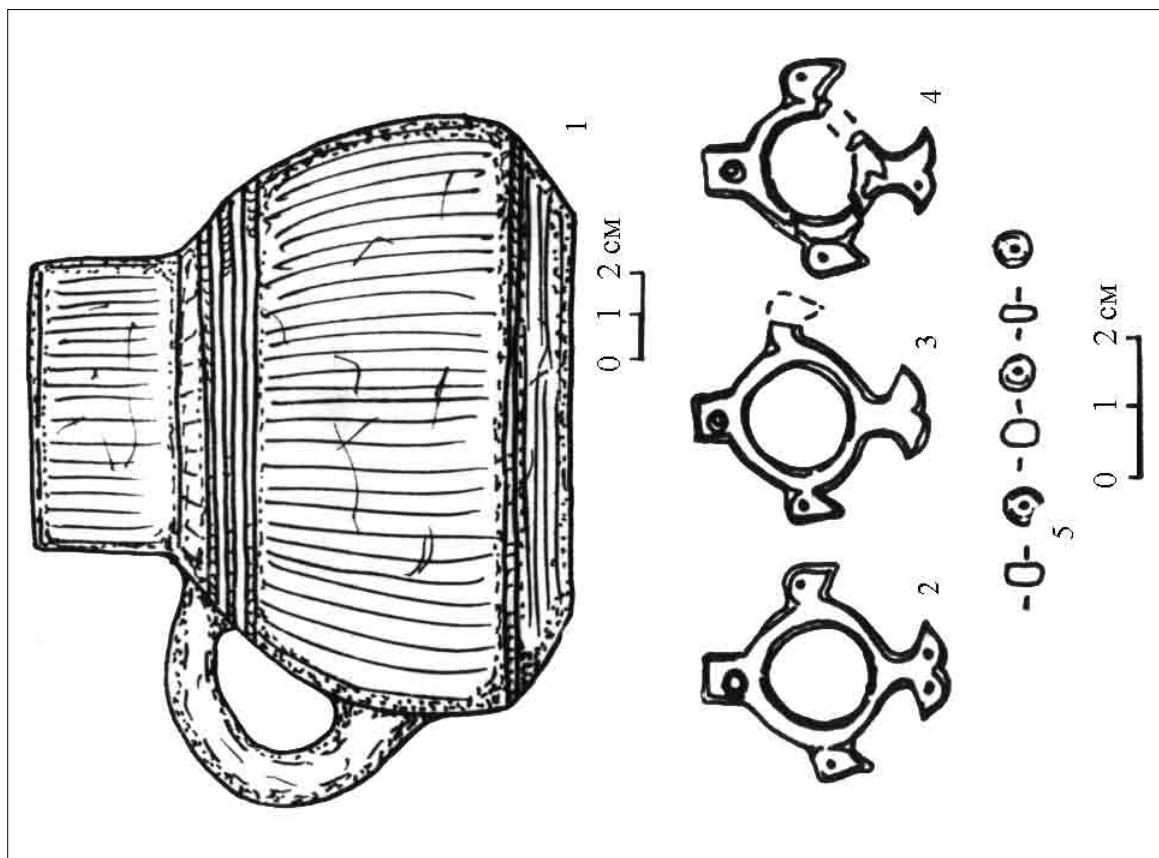
ІЛЮСТРАЦІЇ

К статтю В. С. Аксёнова

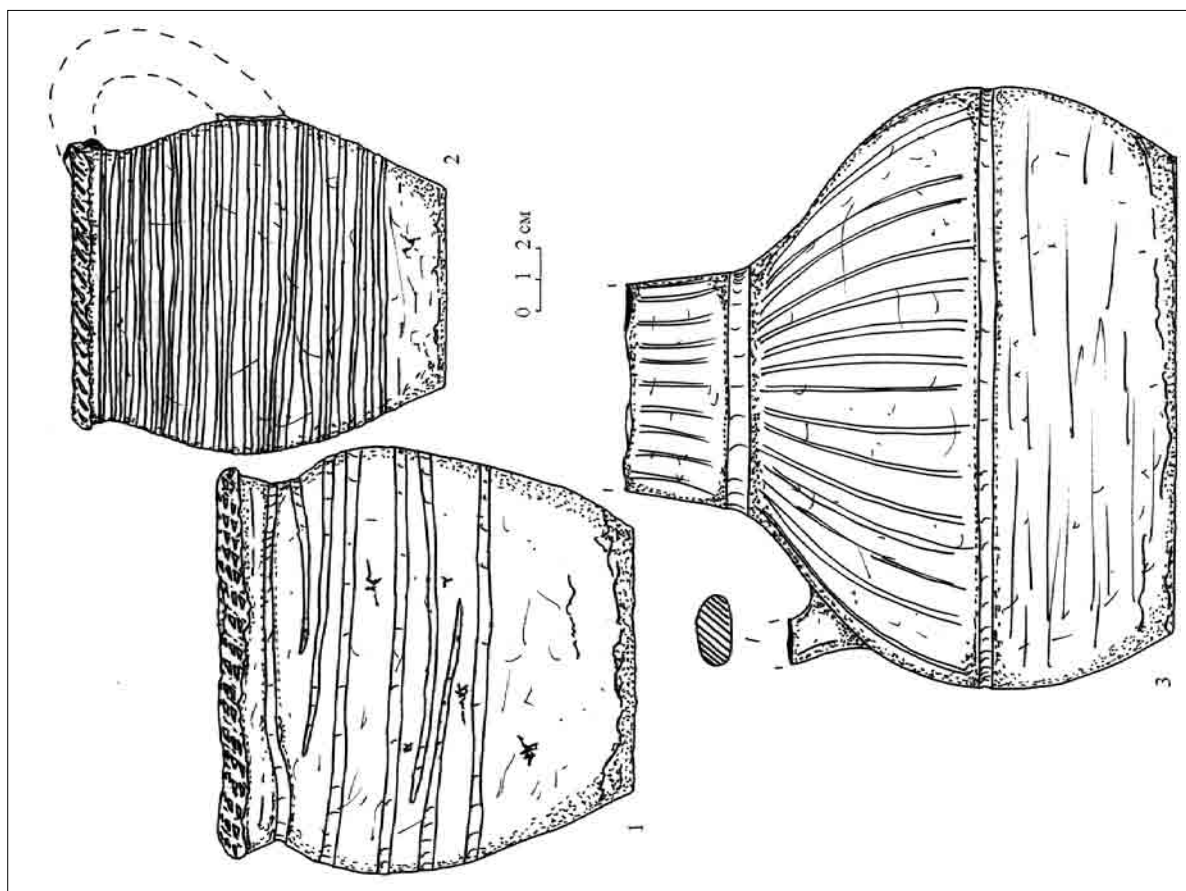
«Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса с Т-образными фибулами»

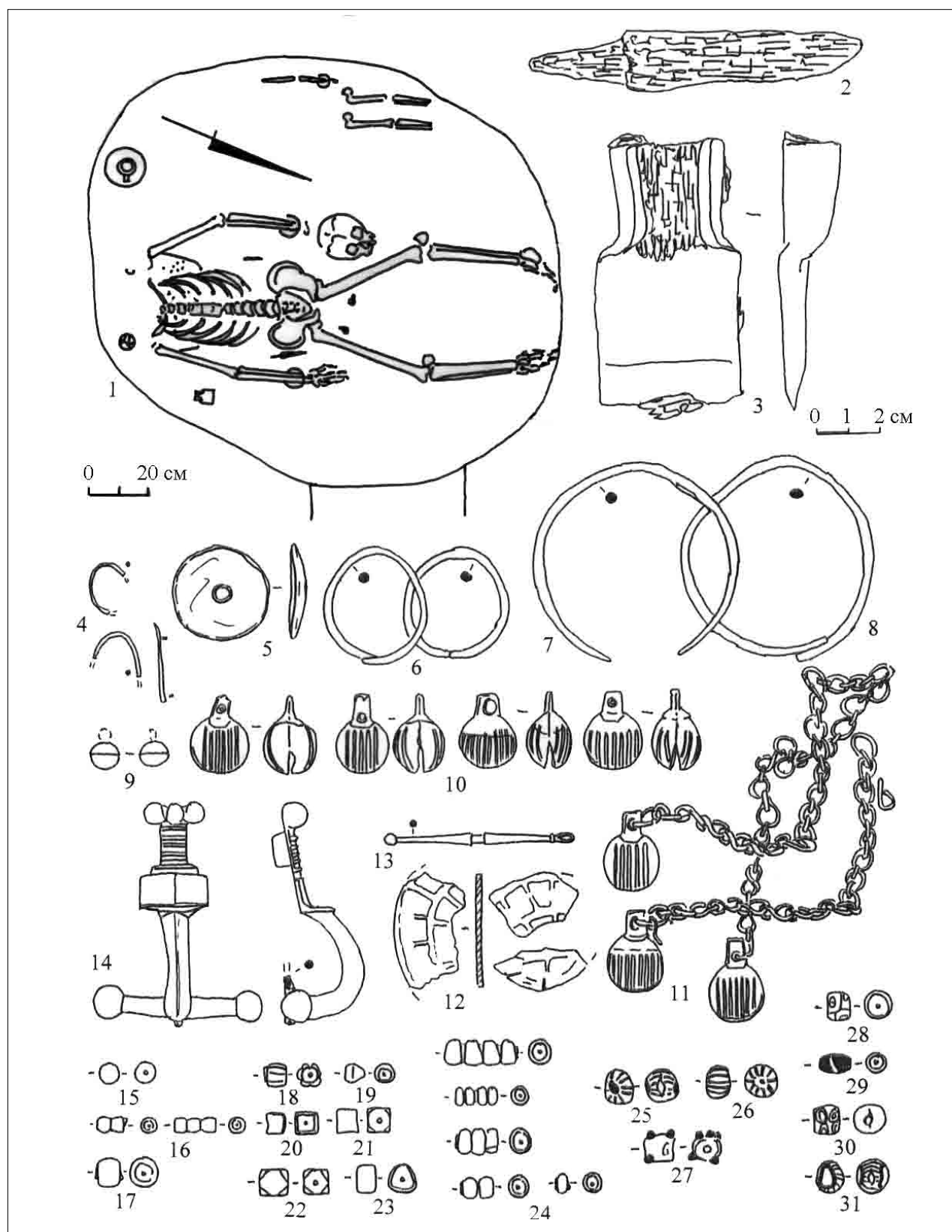
Илл. 1. Катакомба № 54 Верхне-Салтовского I могильника: 1 – план погребальной камеры; 2 – нож; 3 – бляшки-нашивки; 4 – 7 – пуговицы; 8–10 – браслеты; 11 – пуговица штампованная; 12–15 – бубенчики; 16 – фибула; 17–44 – бусы; 45 – пронизки. 2 – железо; 3–16, 45 – бронза; 17–20 – сердолик; 21–44 – стекло

Илл. 3. Погребальный инвентарь катакомбы № 19 Верхне-Салтовского III могильника: 1 – кружка; 2-4 – амулеты; 5 – бисер.
1 – глина; 2-4 – бронза; 5 – стекло

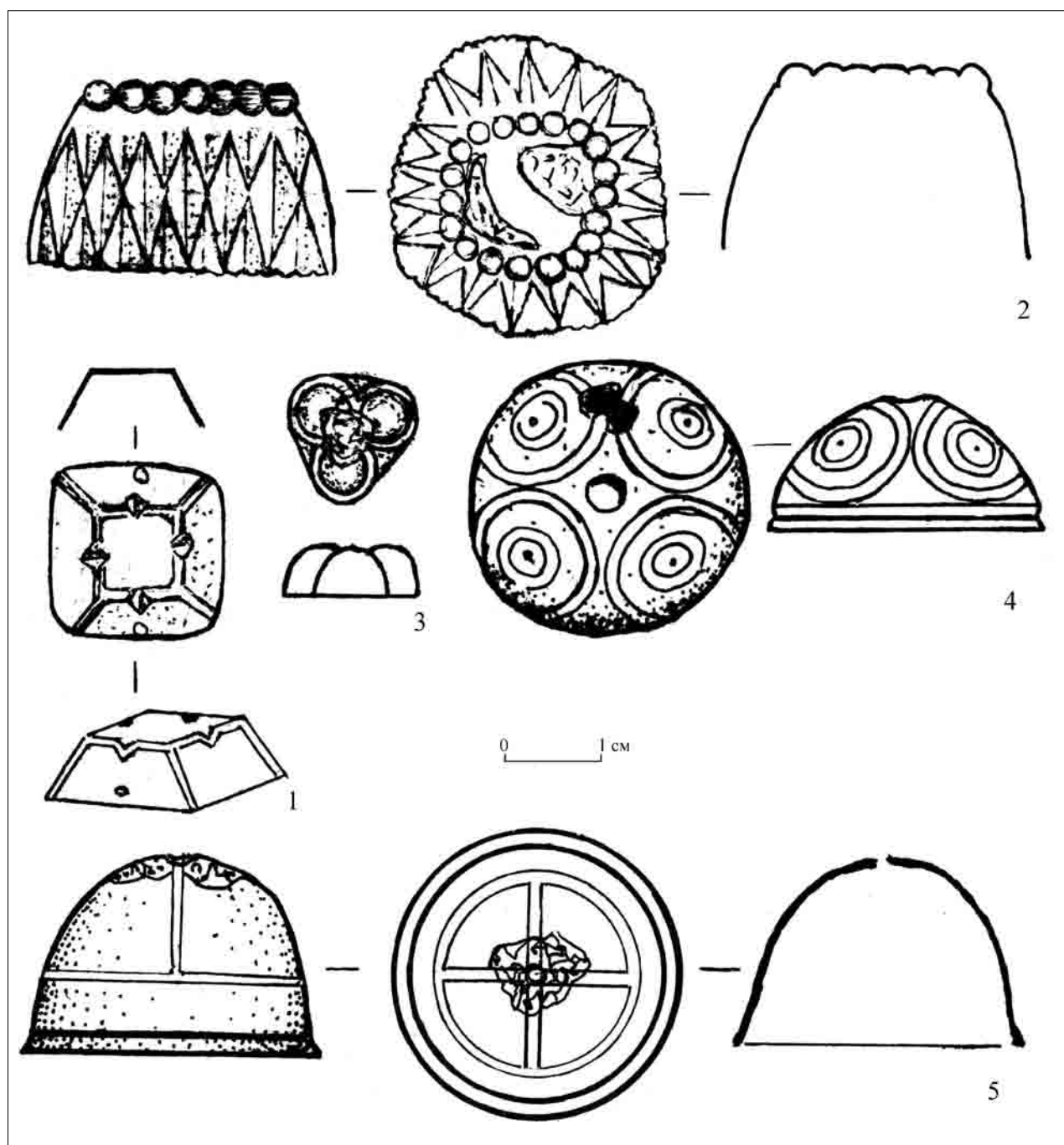

Илл. 2. Сосуды из погребальной камеры катакомбы № 54
Верхне-Салтовского I могильника

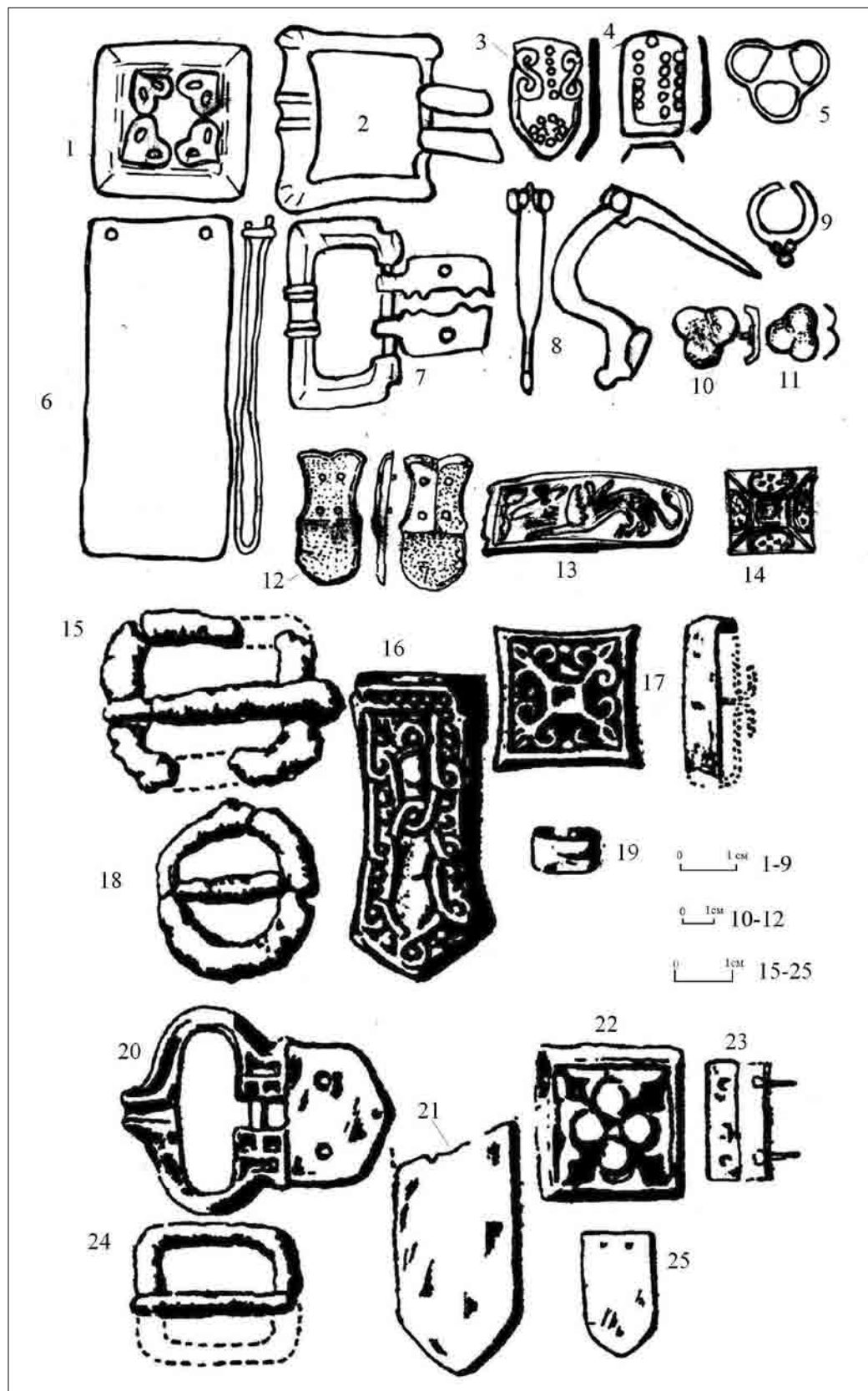

Илл. 4. Катакомба № 19 Верхне-Салтовского III могильника: 1 – план погребальной камеры; 2 – нож; 3 – тесло-мотыжка; 4 – фрагменты сережек; 5 – пряжка-пуговица; 6–8 браслеты; 9 – пуговица; 10 – бубенчики; 11 – бубенчики на цепочке; 12 – фрагменты зеркала; 13 – копоушка; 14 – фибула; 15–31 – бусы. 2, 3 – железо; 4, 6–14 – бронза; 5 – раковина; 15 – сердолик; 16–22, 24–31 – стекло; 23 – роговик

До статті В. В. Дідика
«Вироби степового зразку із ранньосередньовічного Коропівського скарбу»

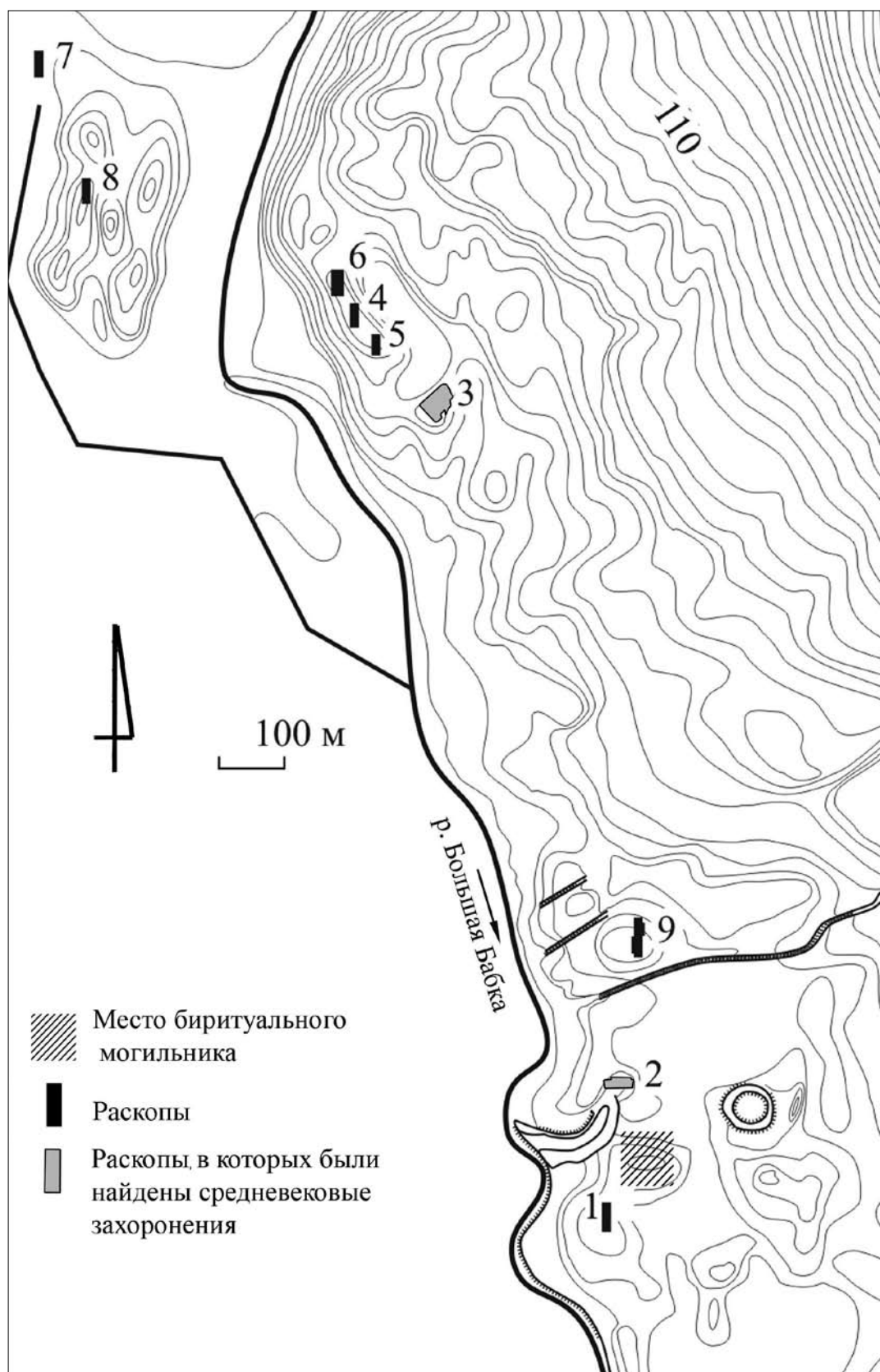

Іл. 1. Вироби степового походження зі складу Коропівського скарбу та їх аналогії:
1–3, 5 – Коропове; 4 – Колькед-Фекетекапу

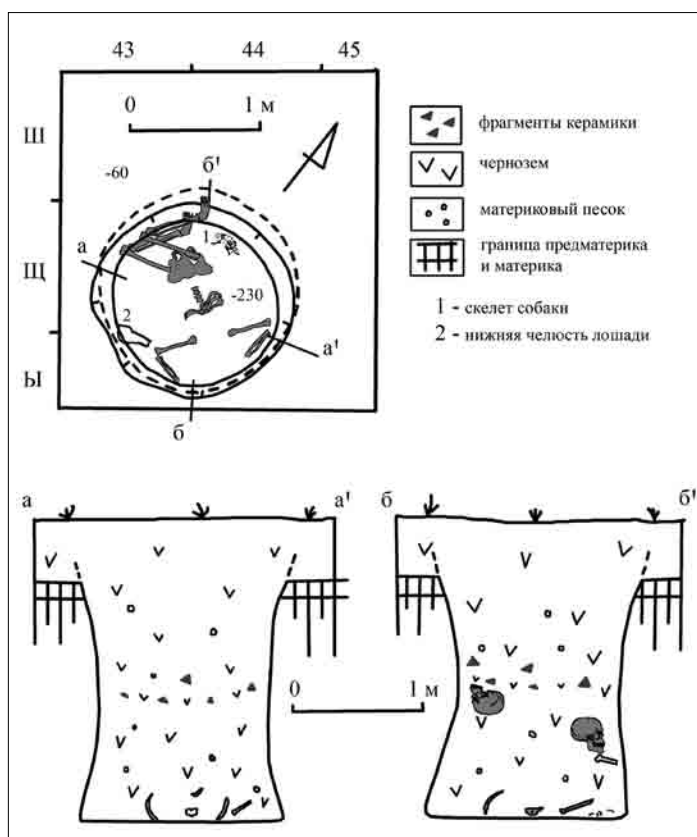

Іл. 2. Хронологічні діагности з ранньосередньовічних комплексів: 1–6 – речі з ґрунтового поховання № 93 Верхнього Чир-Юрта; 7–9 – речі з поховання № 669/48 Самтавро; 10–12 – речі з Алтинасара; 13–14 – речі з Галіата; 15–19 – речі з поховання № 144 Тисафюред; 20–25 – речі з поховання № 169 Тисафюрета

К статье В. И. Квитковского
«Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I»

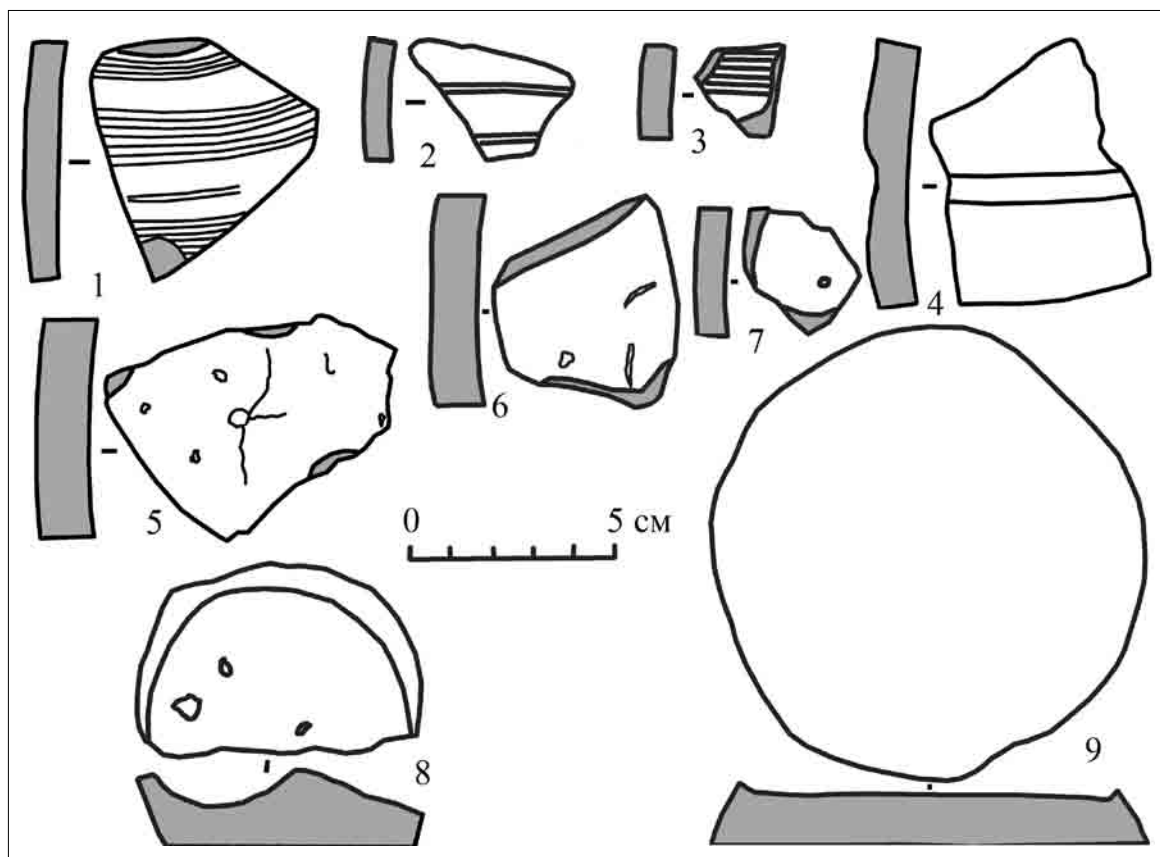
Илл. 1. Топографический план селища Пятницкое-I с местами раскопов

Илл. 2. План и разрез комплекса № 38

Илл. 3. Фото черепов «in situ» из засыпки комплекса № 38

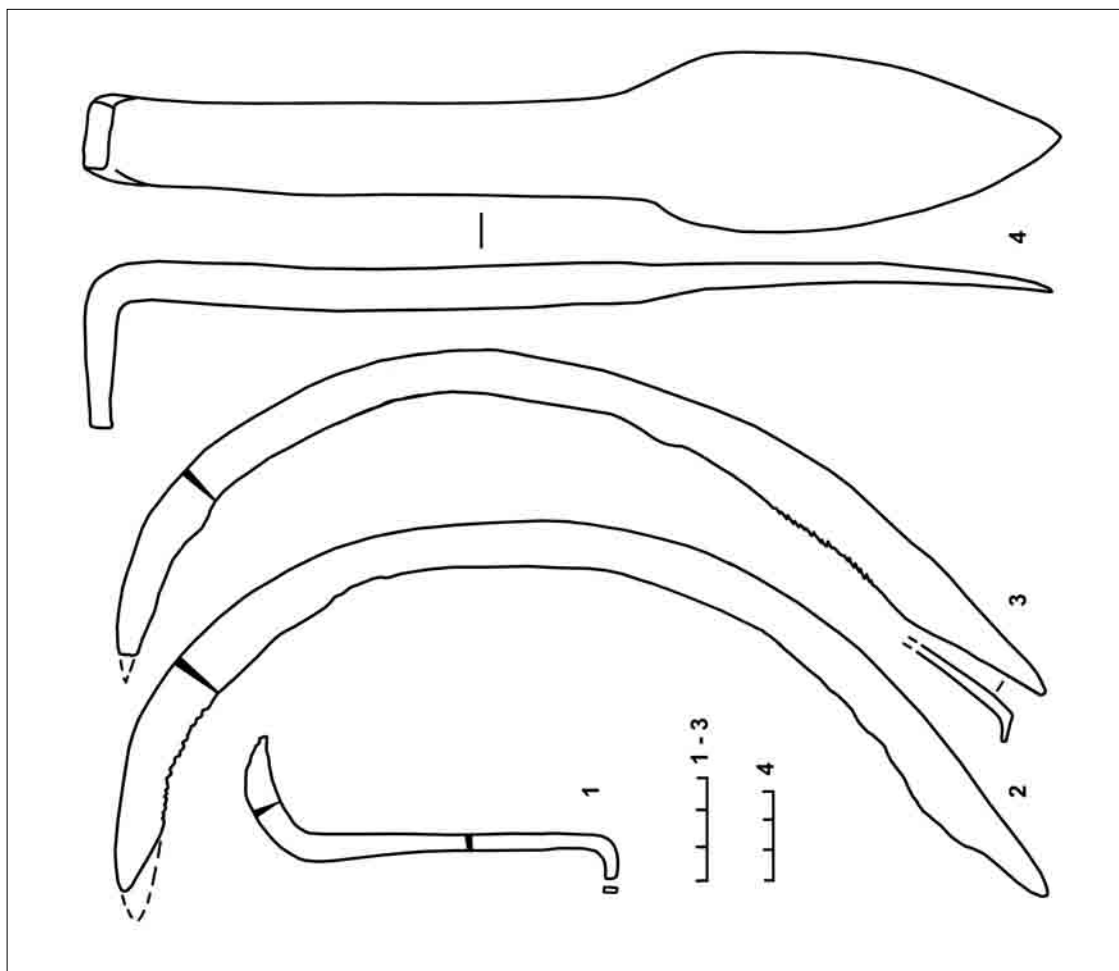

Илл. 4. Керамика из заполнения комплекса № 38

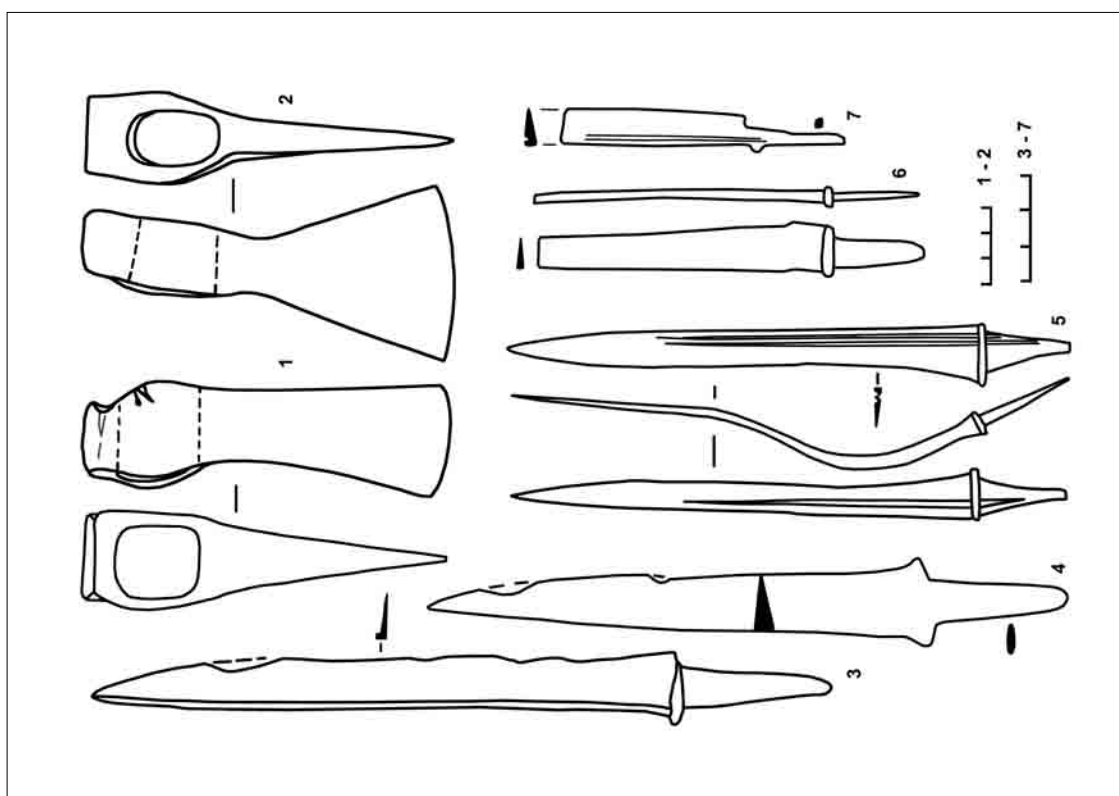
К статье В. В. Колоды
«Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши»

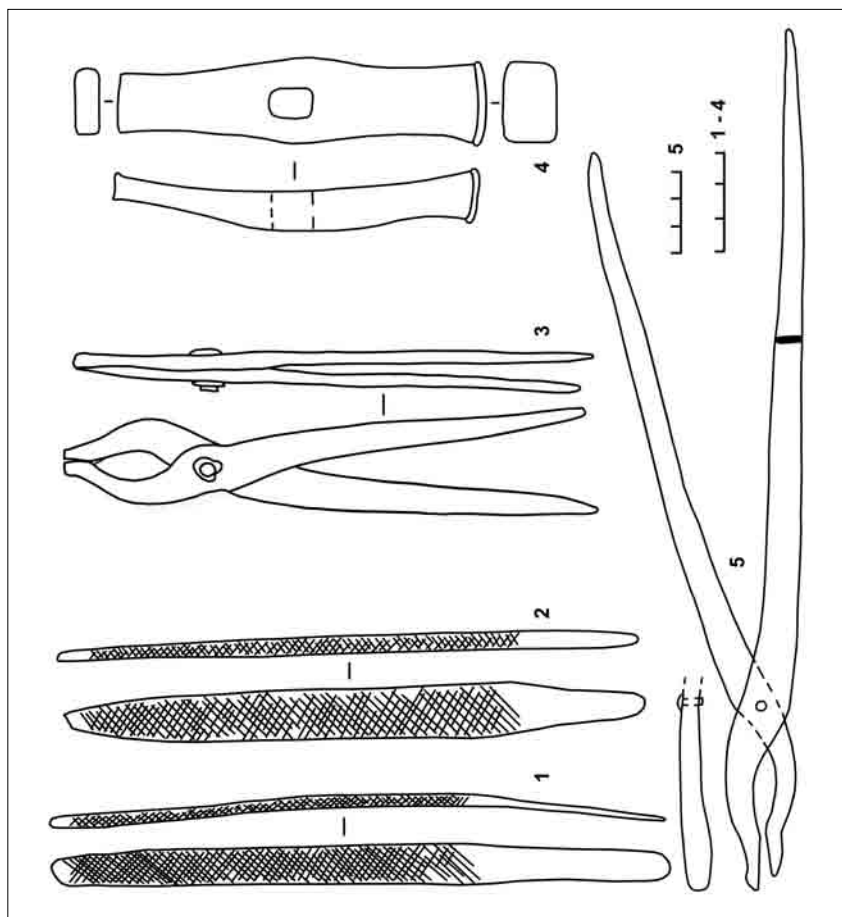
Илл. 1. Сухогомольшанский комплекс (фото)

Илл. 3. Орудия земледельца

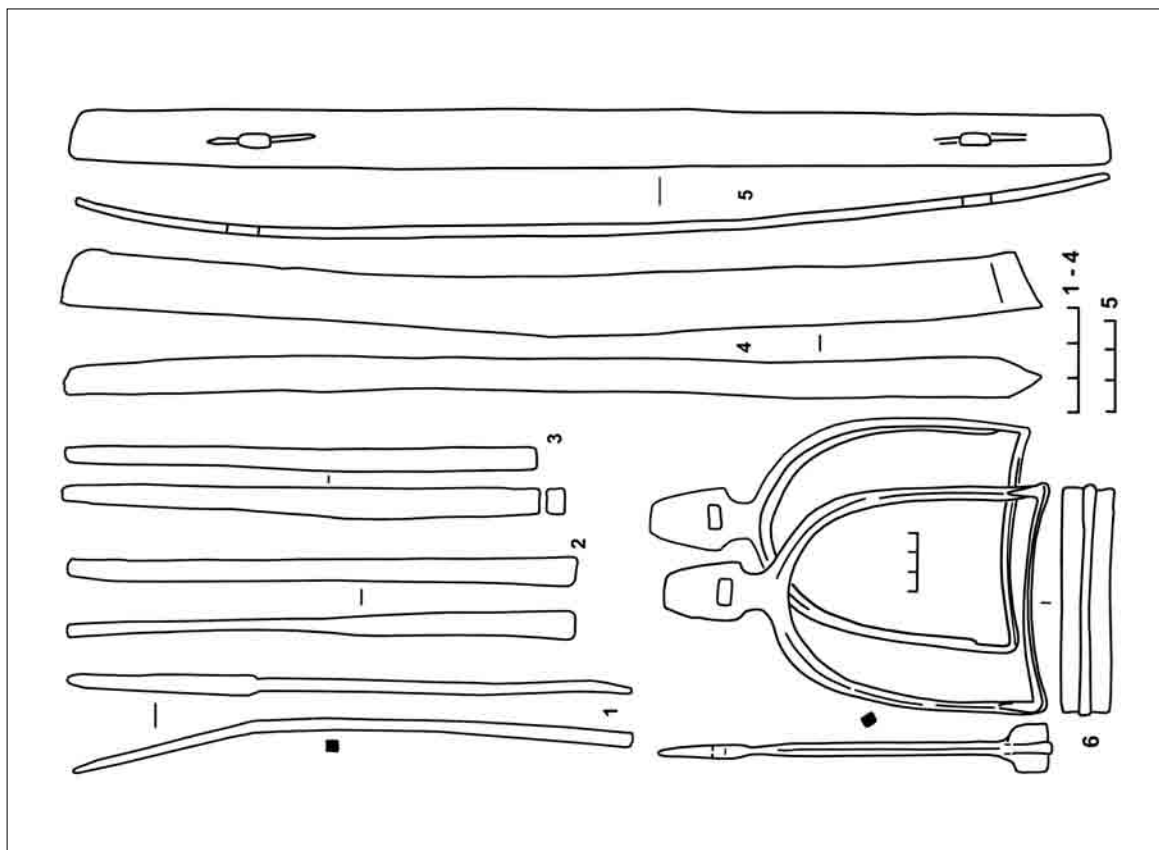
Илл. 2. Универсальные орудия труда

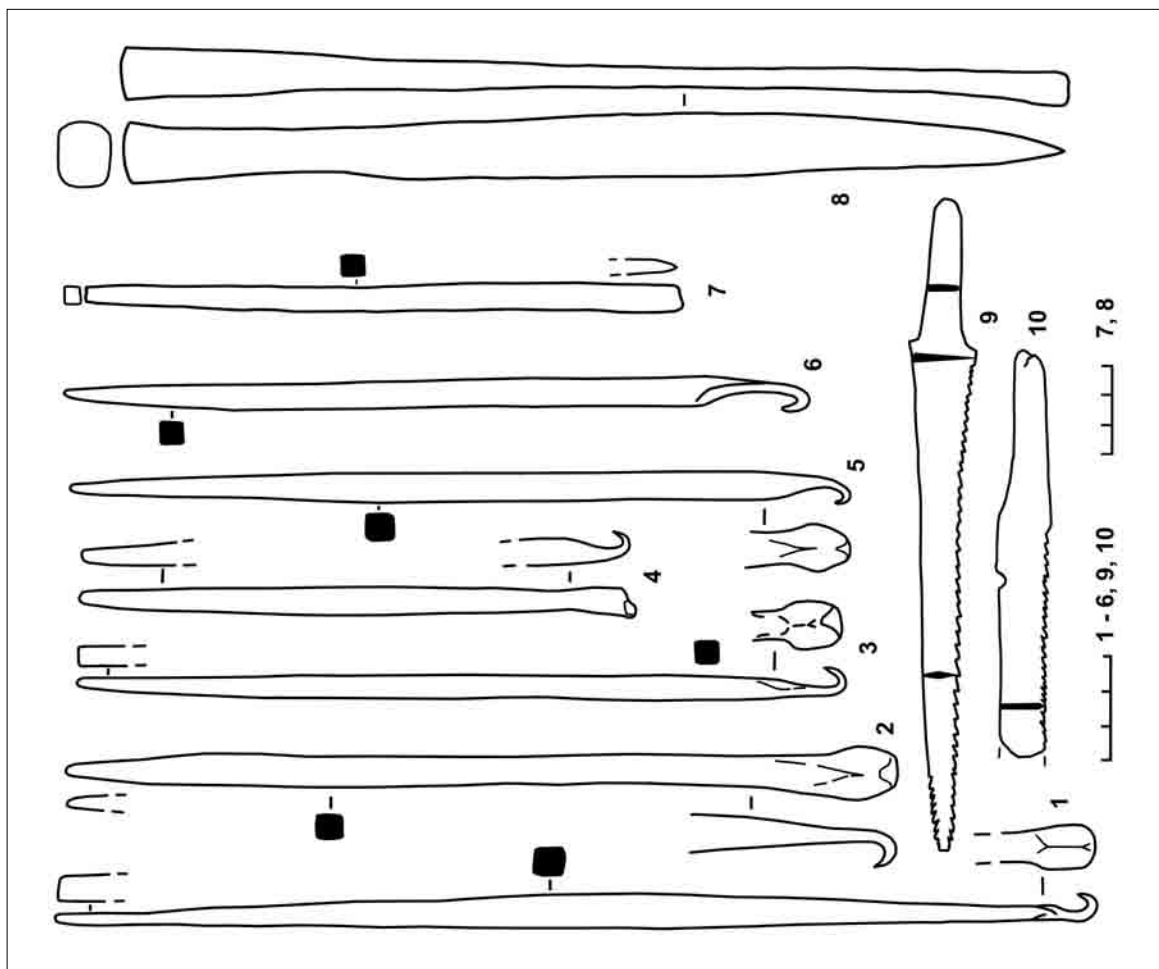
Илл. 4. Орудия металлообработки

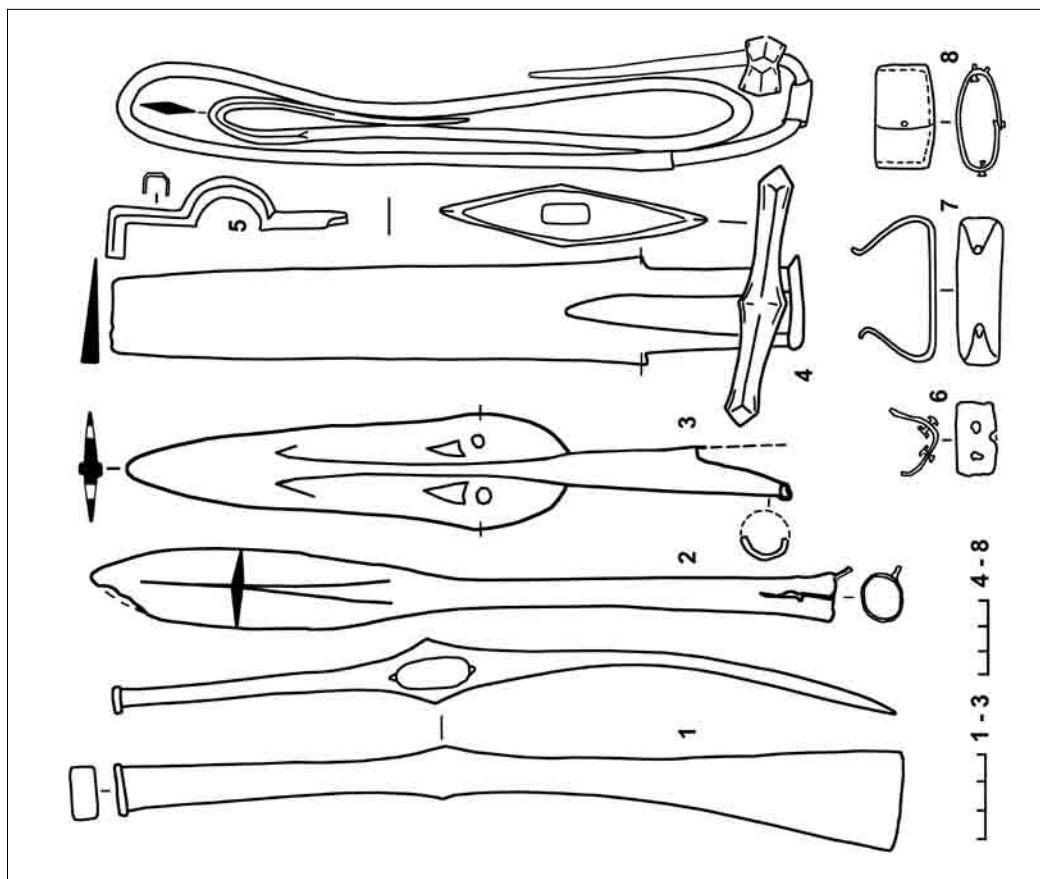
Илл. 5. Деталировка отдельных находок из комплекса

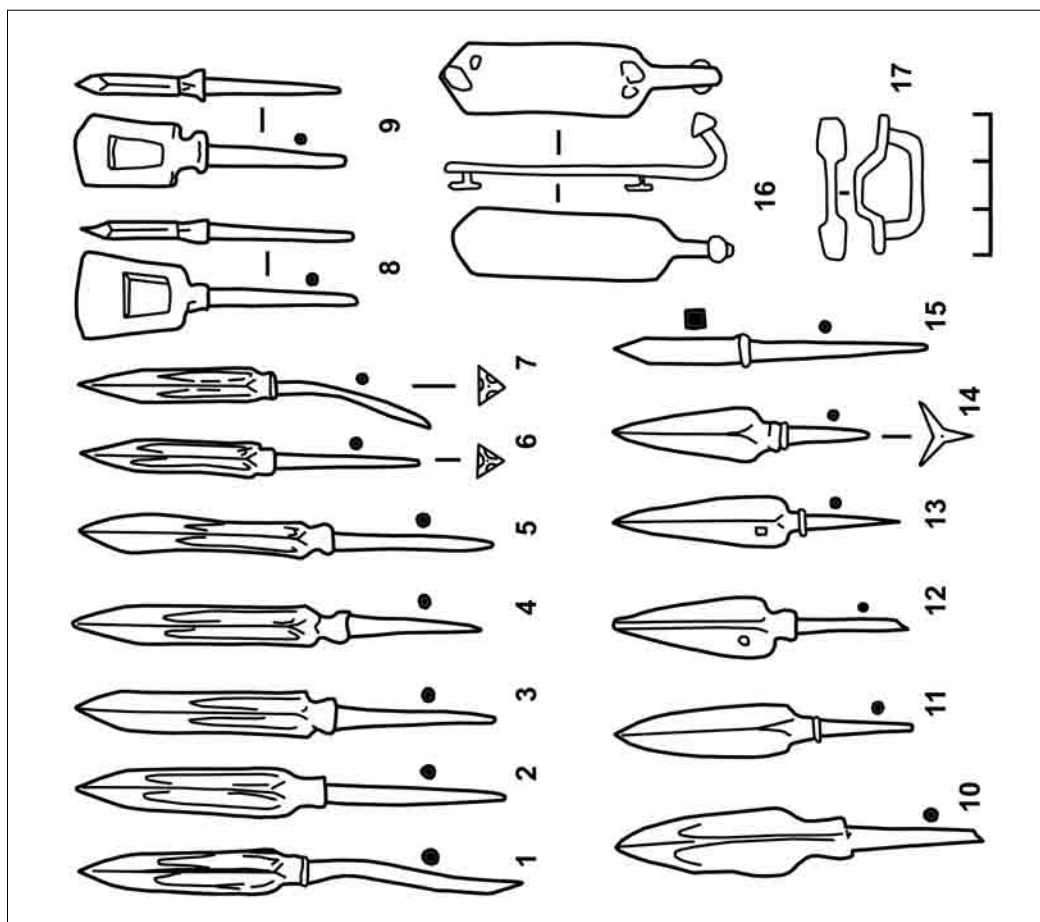
Илл. 6. Кузнечные заготовки и изделия

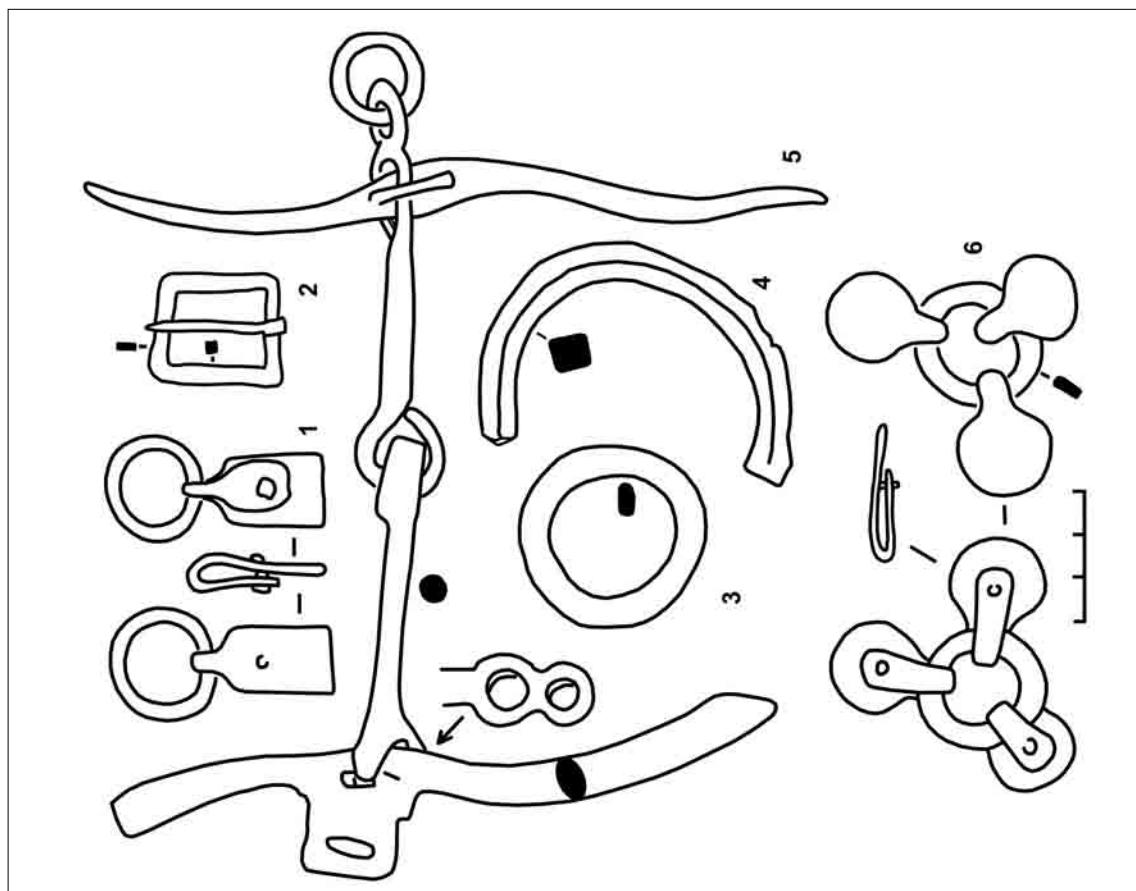
Илл. 7. Орудия обработки дерева

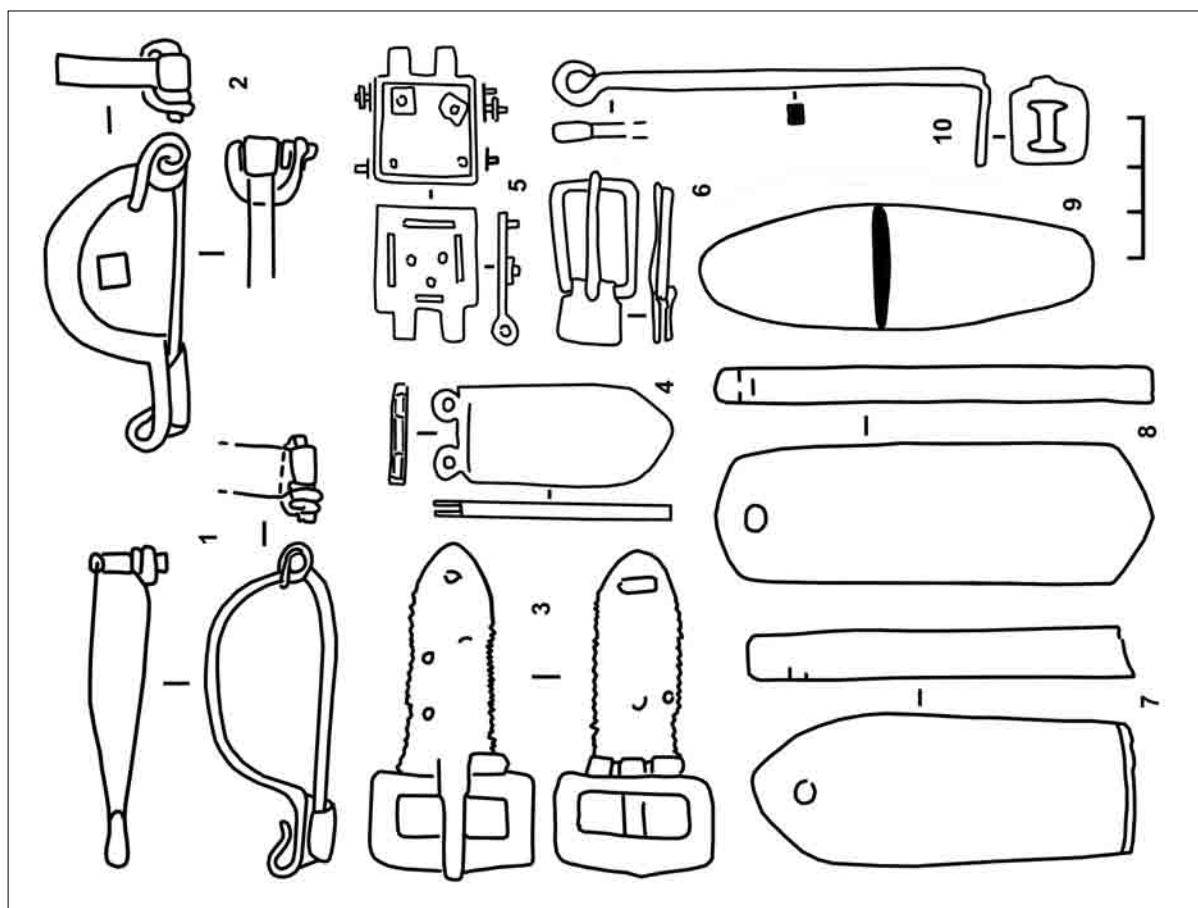
Илл. 9. Предметы вооружения

Илл. 8. Колчаный набор

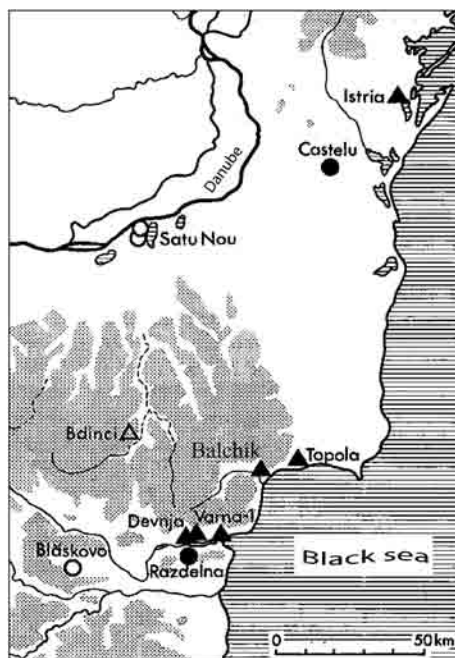
Илл. 11. Лошадиная упряжь

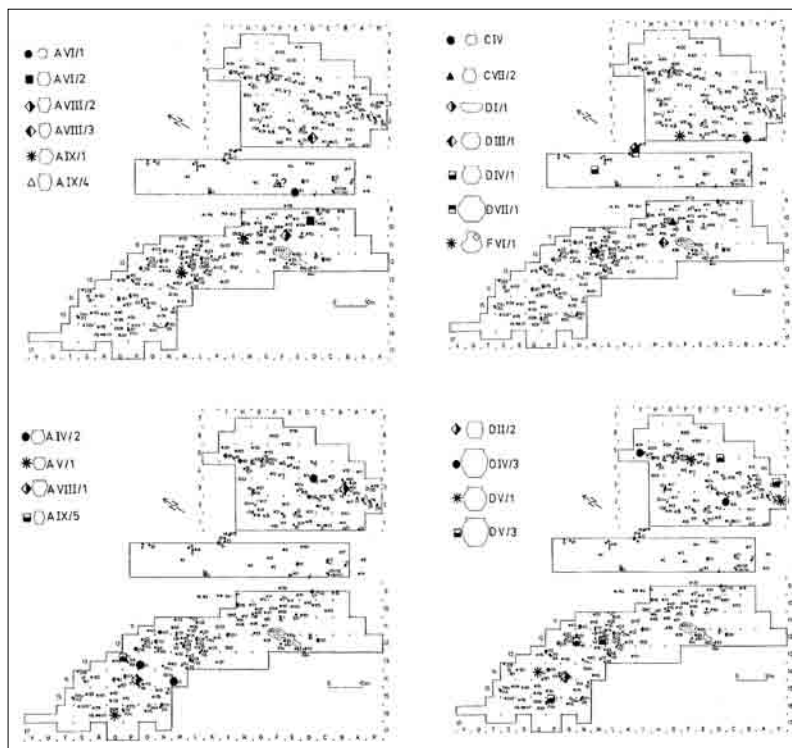
Илл. 10. Украшения и предметы индивидуального пользования

К статъе Е. Коматаровой-Балиновой, К. Клисуранова

«Към разбирането на биритуализма и обряда на кремацията по примерите на некрополите Разделна, Девня 3 (България) и Сухая Гомолша, Красная Горка (Украина)»

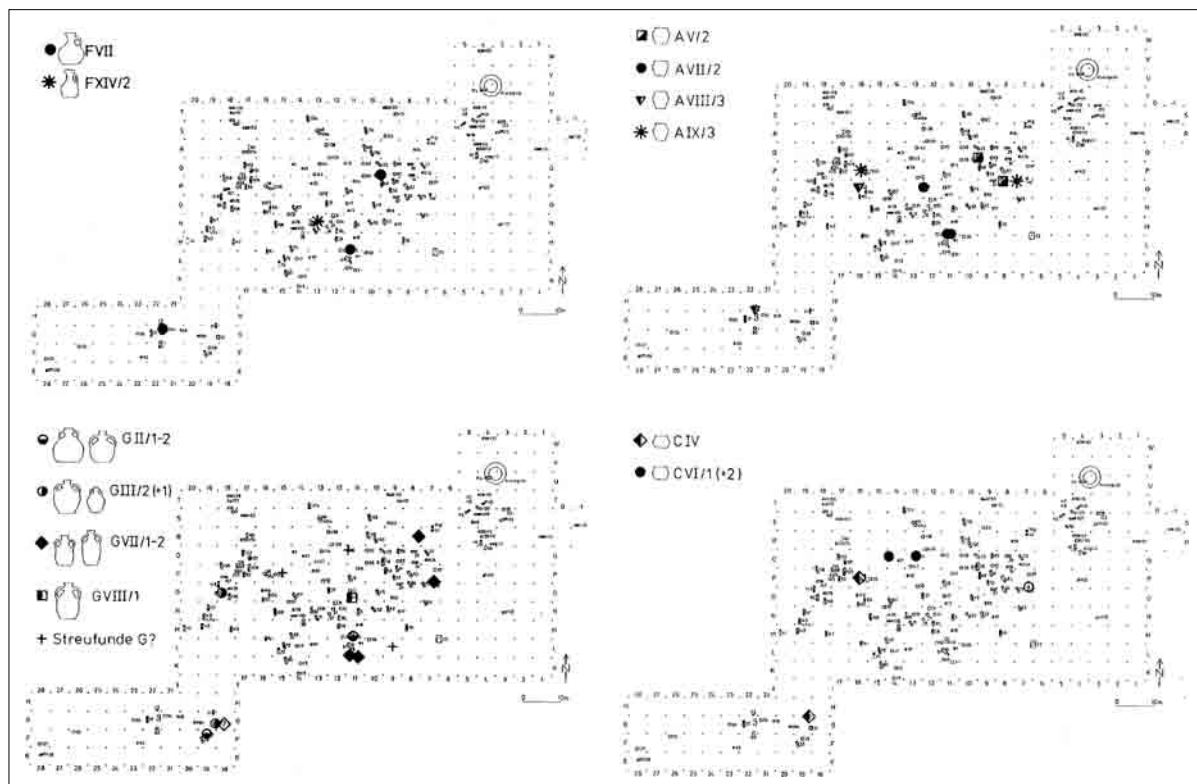

- 1
- ● Еднообредни некрополи с урнови гробове
 - △ ▲ Биритуални некрополи

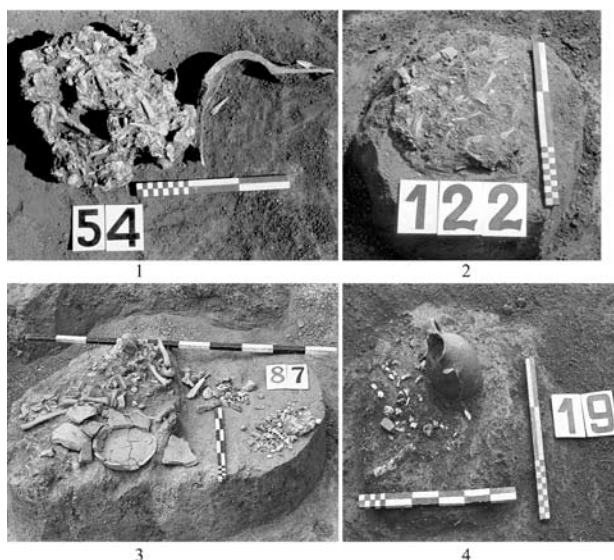

Обр. 1. Разположение на некрополите при Разделна и Девня (по Fiedler, 1992, Fig. 208 a)

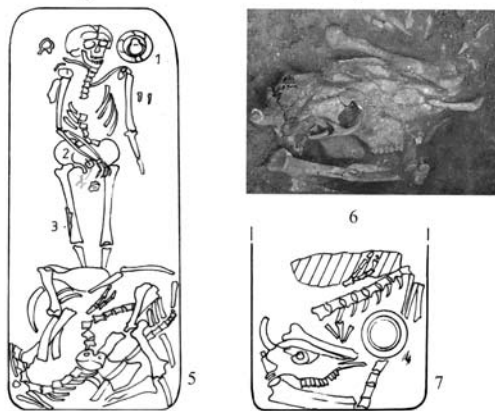
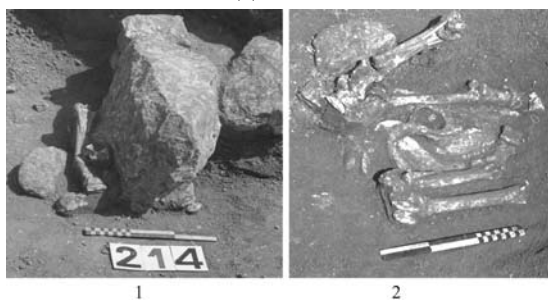
Обр. 2. Планиграфия на некропола при Разделна с типовете керамични форми, обособени от У. Фидлер (по Fiedler, 1992, Abb. 57, 58, 59, 60)

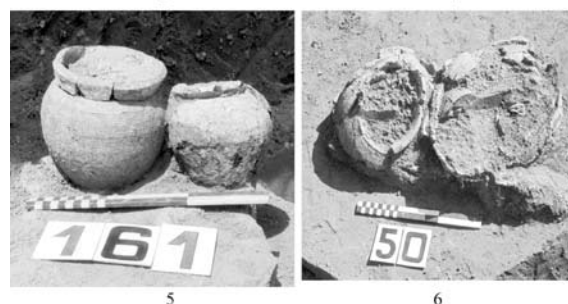
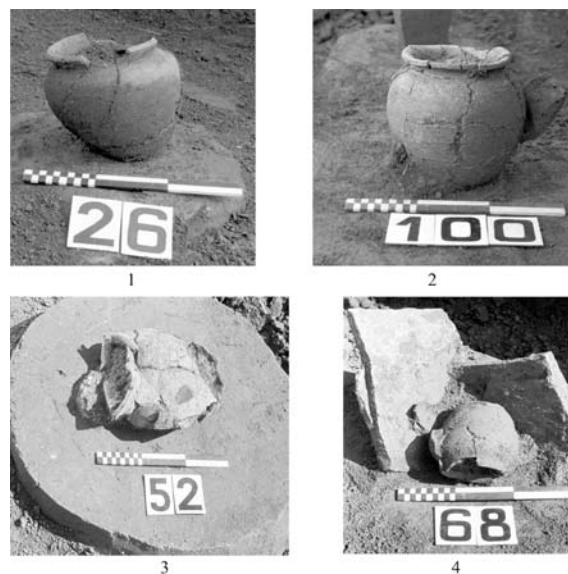
Обр. 3. Планиграфия на некропола при Девня 3 с типовете керамични форми, обособени от У. Фидлер (по Fiedler 1992, Abb. 100, 101, 102, 103)

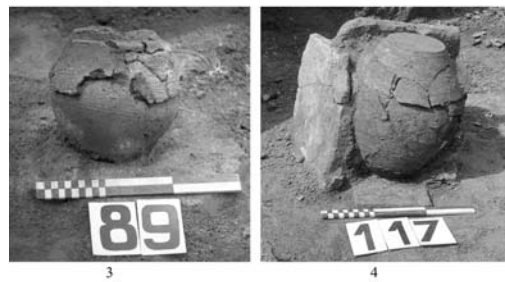
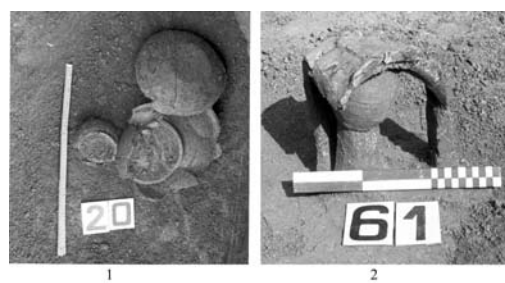
Обр. 4. 1-2 – гробове с кремація в овални ями от Разделна; 3-4 – гробове с кремація в овални ями от Девня 3

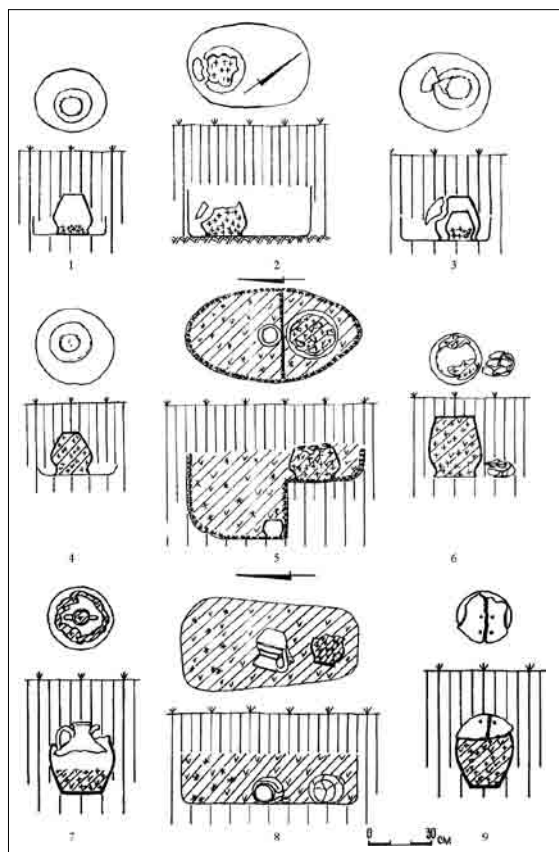
Обр. 6. 1-4 – единичен урнов гроб № 214 от Разделна с кременно покритие и наличие на животински кости; 5-7 – графична и фото-документация на гроб № 258 от биритуалния некропол при Балчик, рисунки, фотография: Е. Коматарова-Балинова, ръководител на проучването Л. Дончева-Петкова

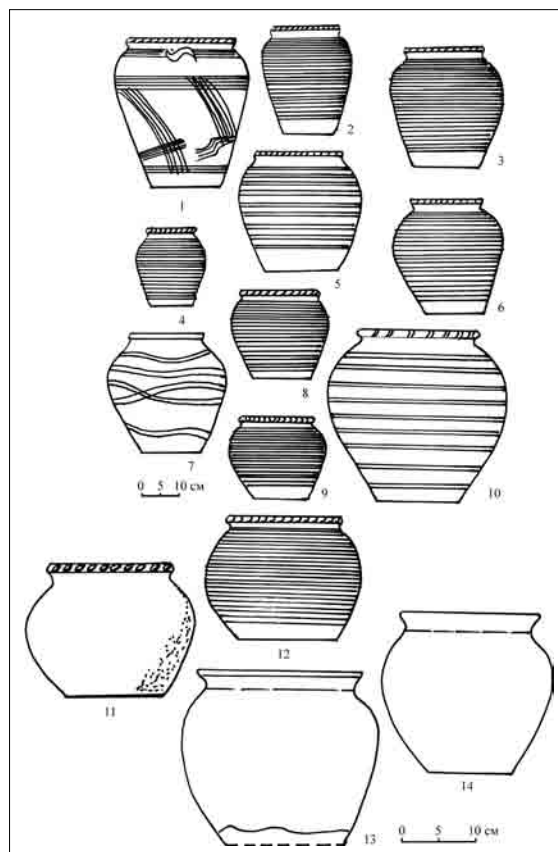
Обр. 5. Единични и двойни урнови гробове от Разделна

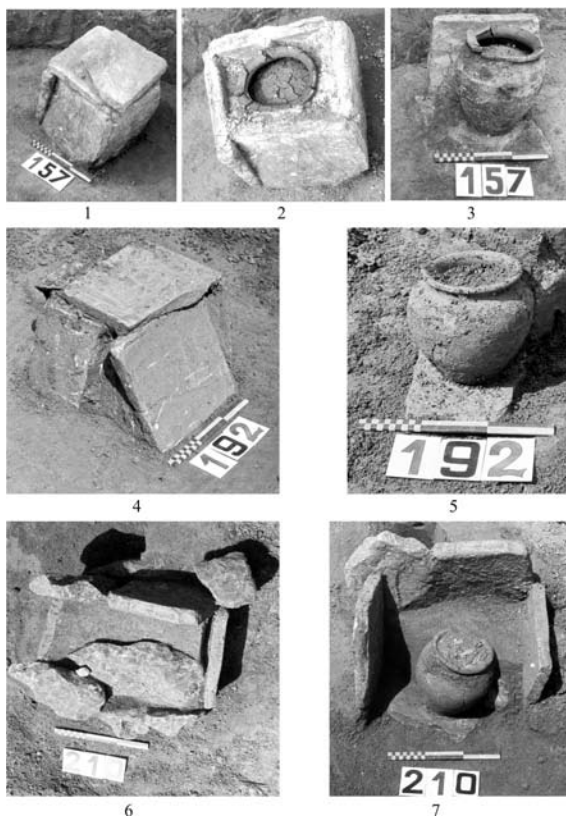
Обр. 7. Глинени и каменни покрития на урнови гробове от Разделна

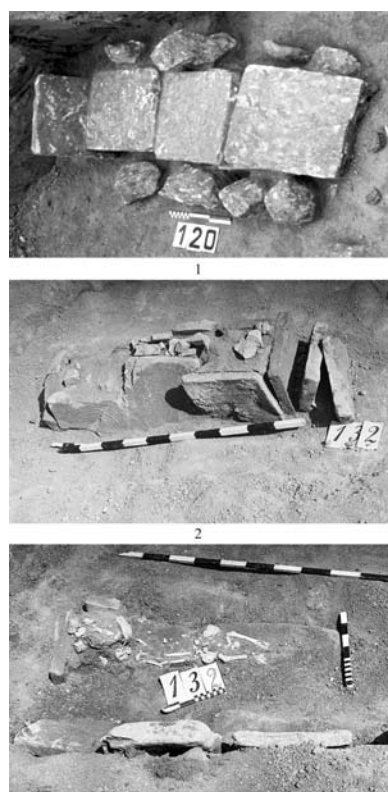
Обр. 8. Урнови гробове от некропола при Сухая Гомолша (по Аксёнов, Михеев 2006)

Обр. 9. Глинени съдове-урни от некропола при Сухая Гомолша (по Аксёнов, Михеев 2006)

Обр. 10. Каменни касети с наличие на урни от Разделна. Етапи на разчищането

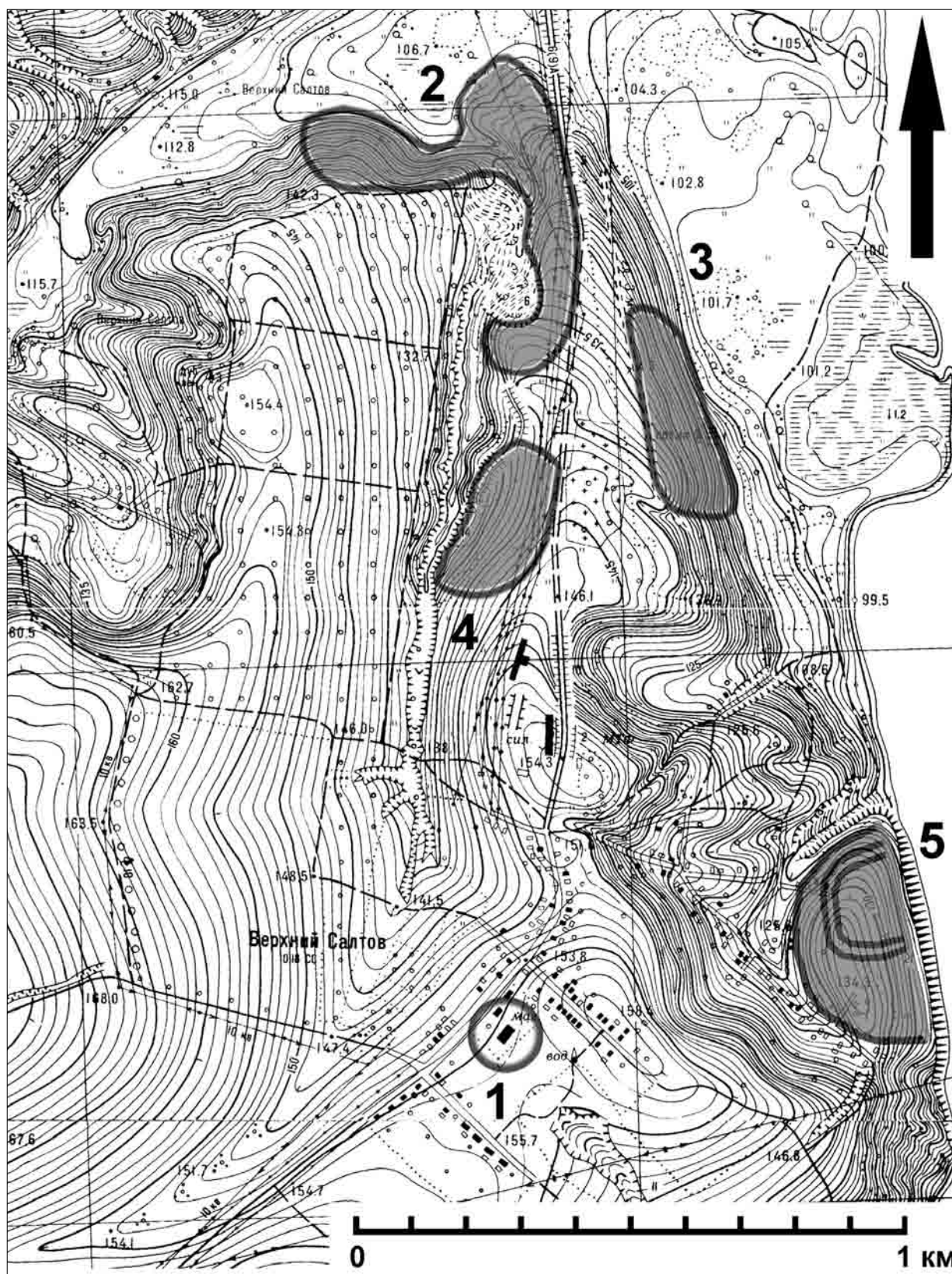
Обр. 11.
1 – “каменен саркофаг” (определение на Д. Ил. Димитров) с кремация от некропола при Разделна; 2-3 – “тухлен саркофаг” (определение на Д. Ил. Димитров) с инхумация от некропола при Девня 3

К статье Е. В. Круглова, М. Н. Луночкина
 «Находки раннесредневековых монет
 в Чернышковском районе Волгоградской области»

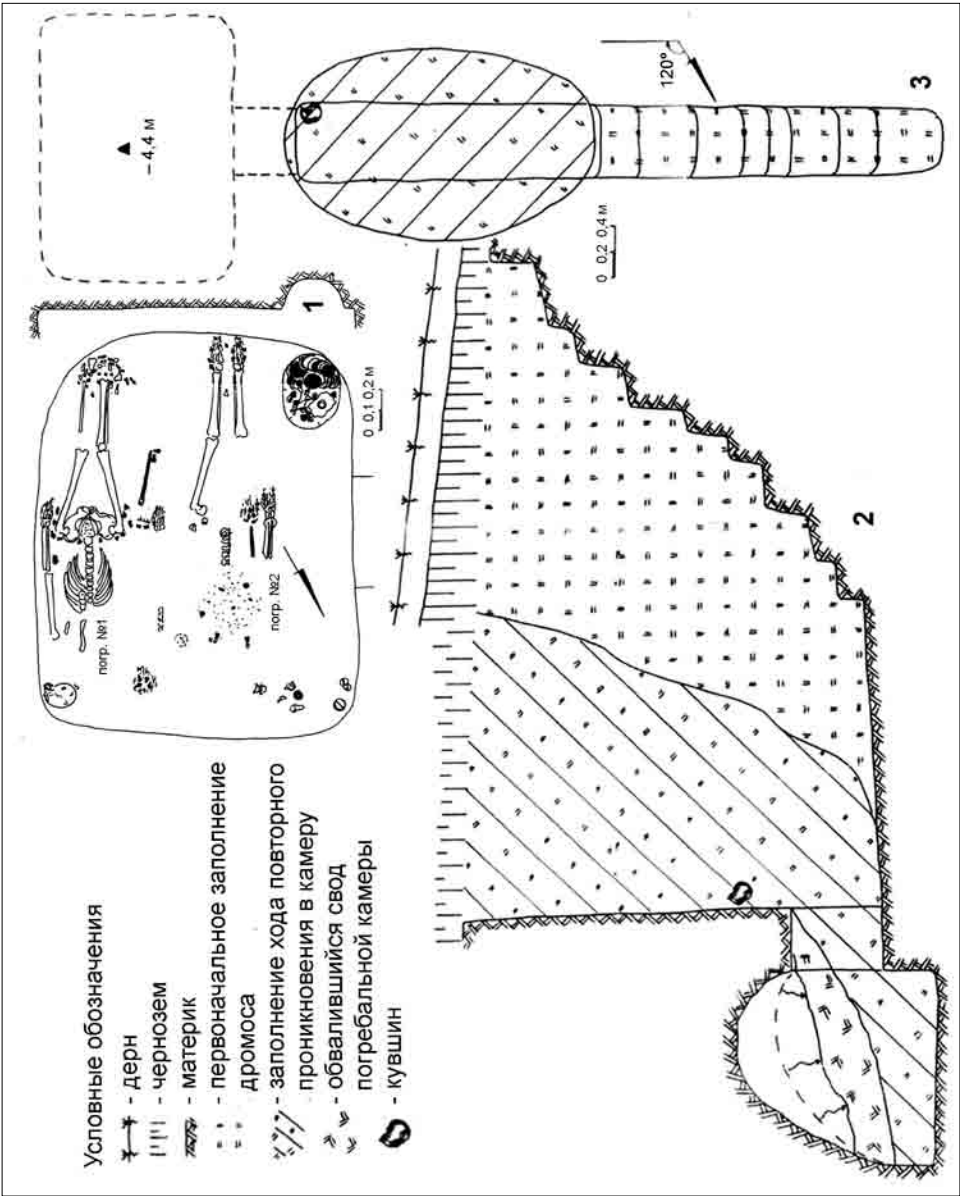

Илл. 1. 1. Гексаграммы Иракия II и Иракия-Константина (Византия, 613–626 гг.), avers, revers. 2. Полудрахма Умара (Табаристан, 771–780 гг.), avers, revers. 3. Прочерченные знаки на revers полудрахмы

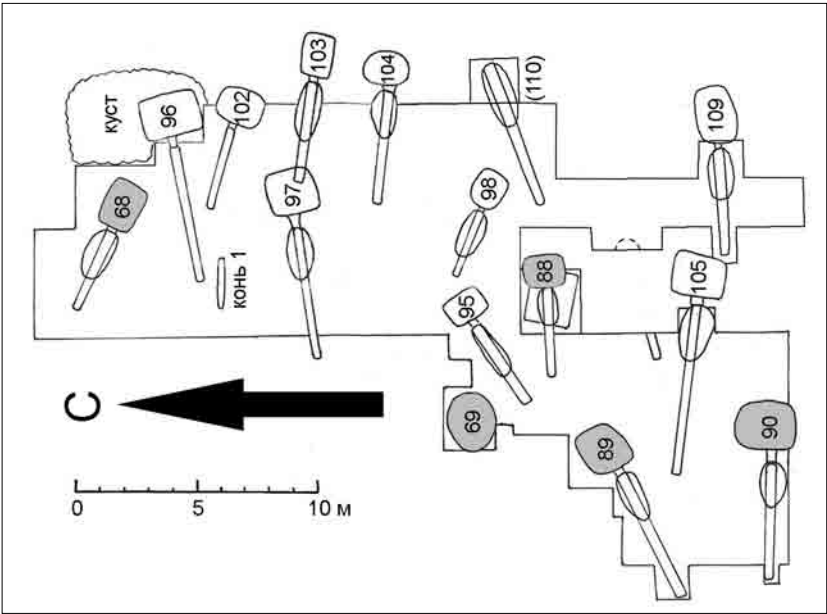
К статье А. А. Лаптева
«Попытки ограбления IV-го Верхне-Салтовского катакомбного могильника»

Илл. 1. Расположение элементов Верхне-Салтовского комплекса: 1 – здание музея-заповедника; 2, 3, 4 – II-й, III-й, IV-й катакомбные могильники, 5 – городище

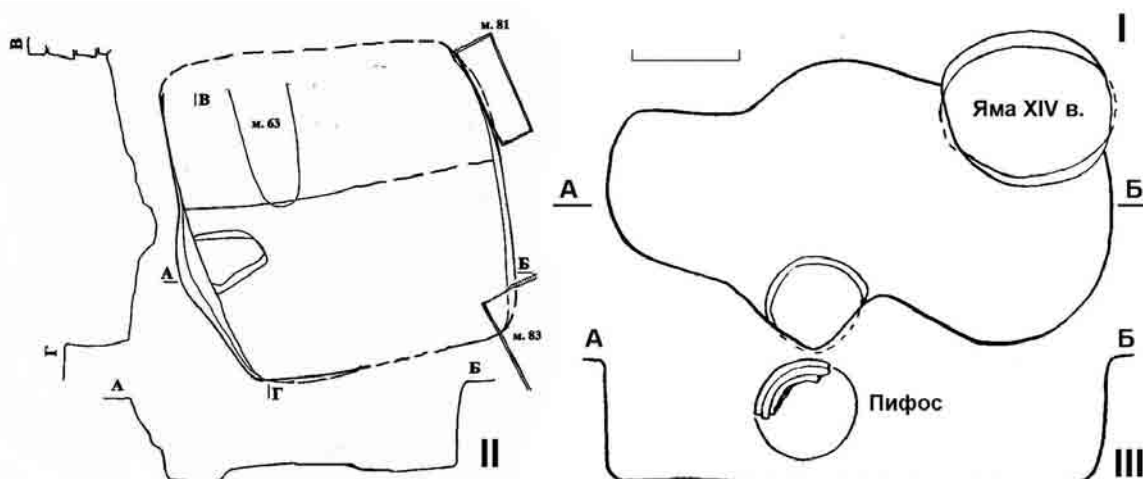
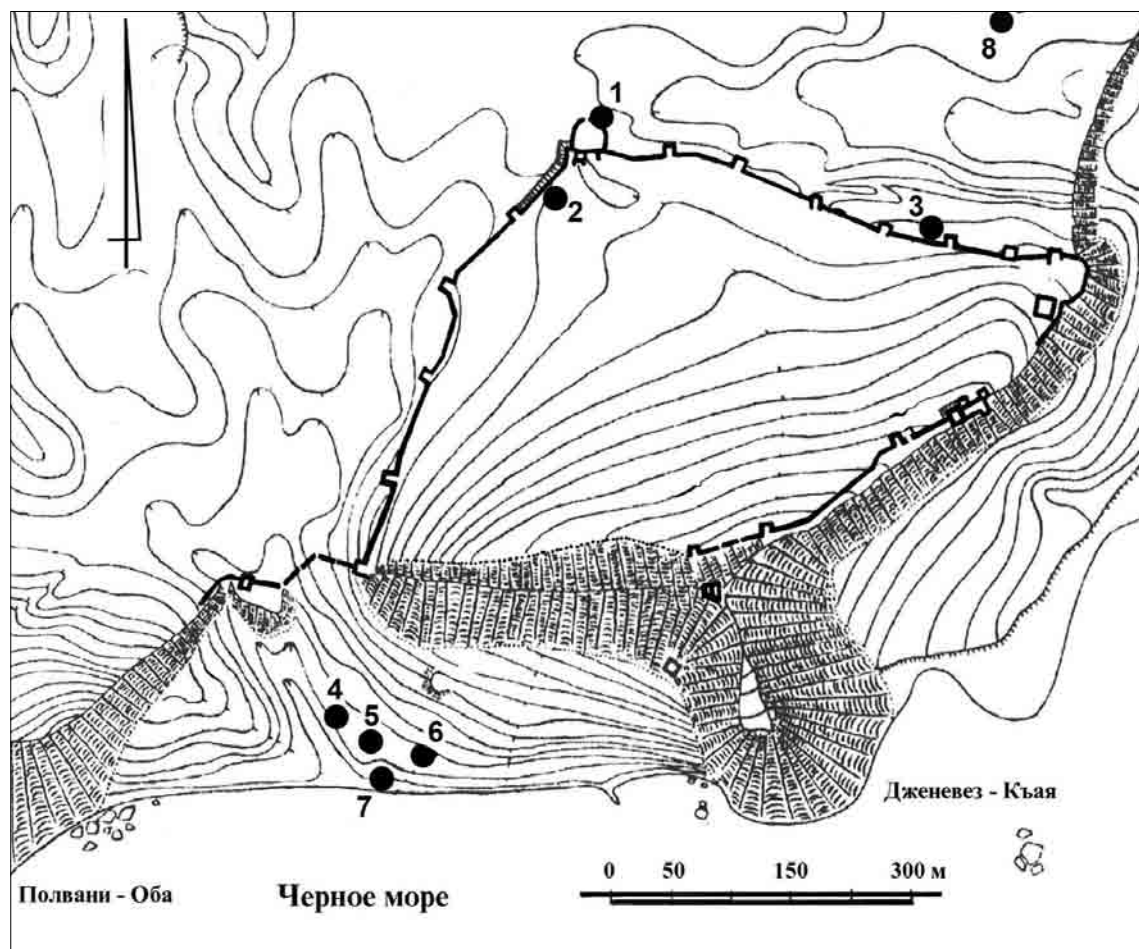

Илл. 3. План и разрезы катакомбы № 93

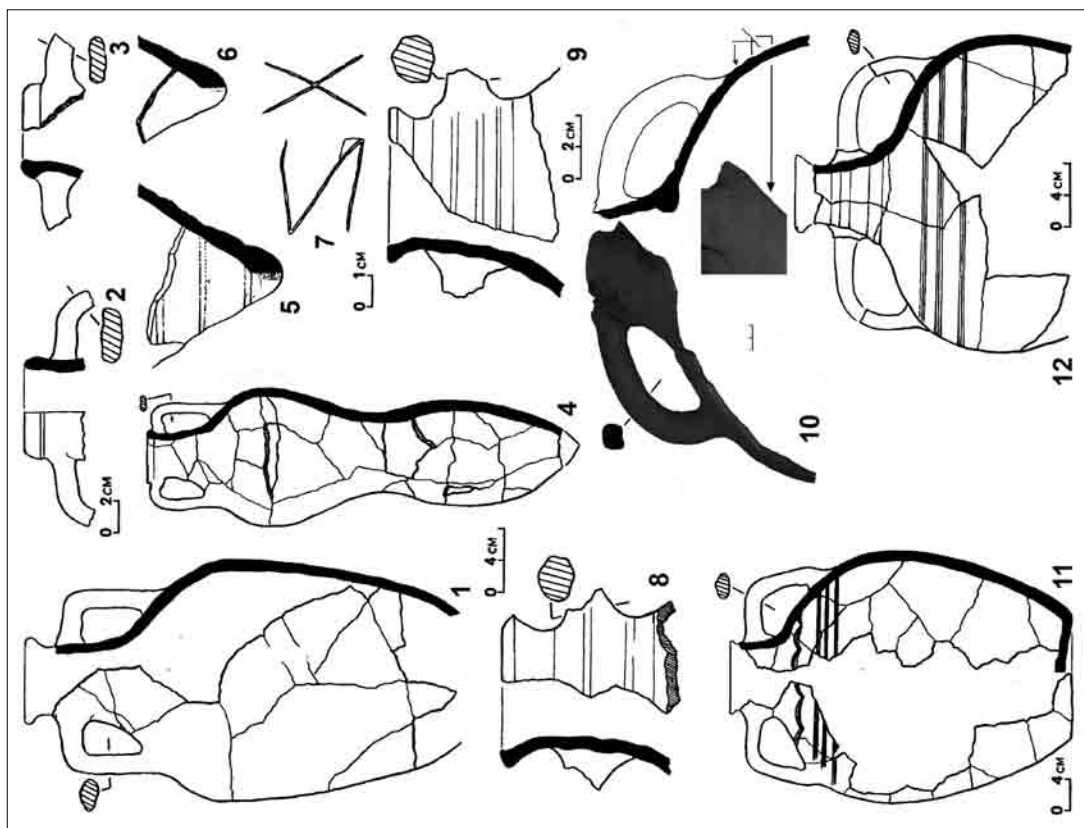

Илл. 2. План «северного участка» IV-го ВСМ
Примечание: серым цветом обозначены катакомбы, подвергшиеся попыткам ограбления

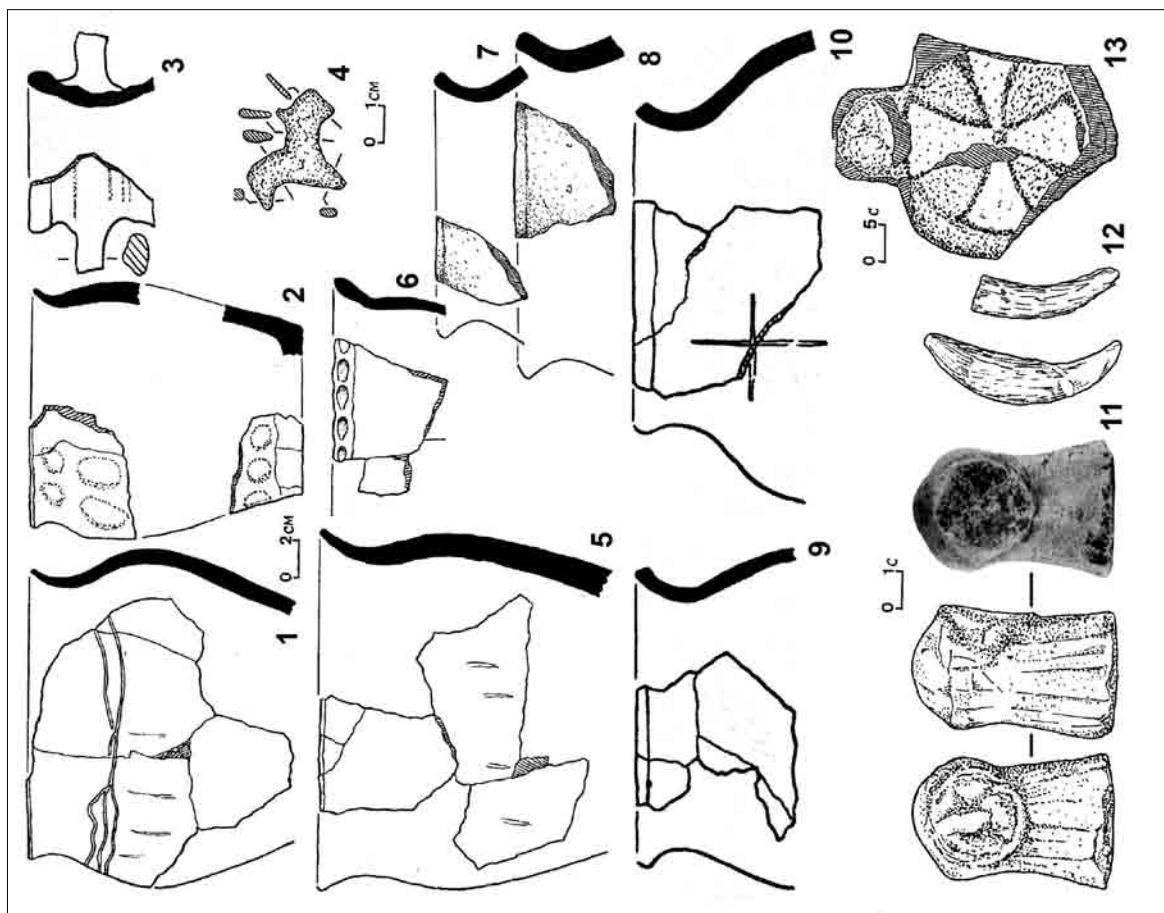
К статье В. В. Майко
«Сутдея во второй половине VII – первой половине VIII вв.
Обзор археологической ситуации»

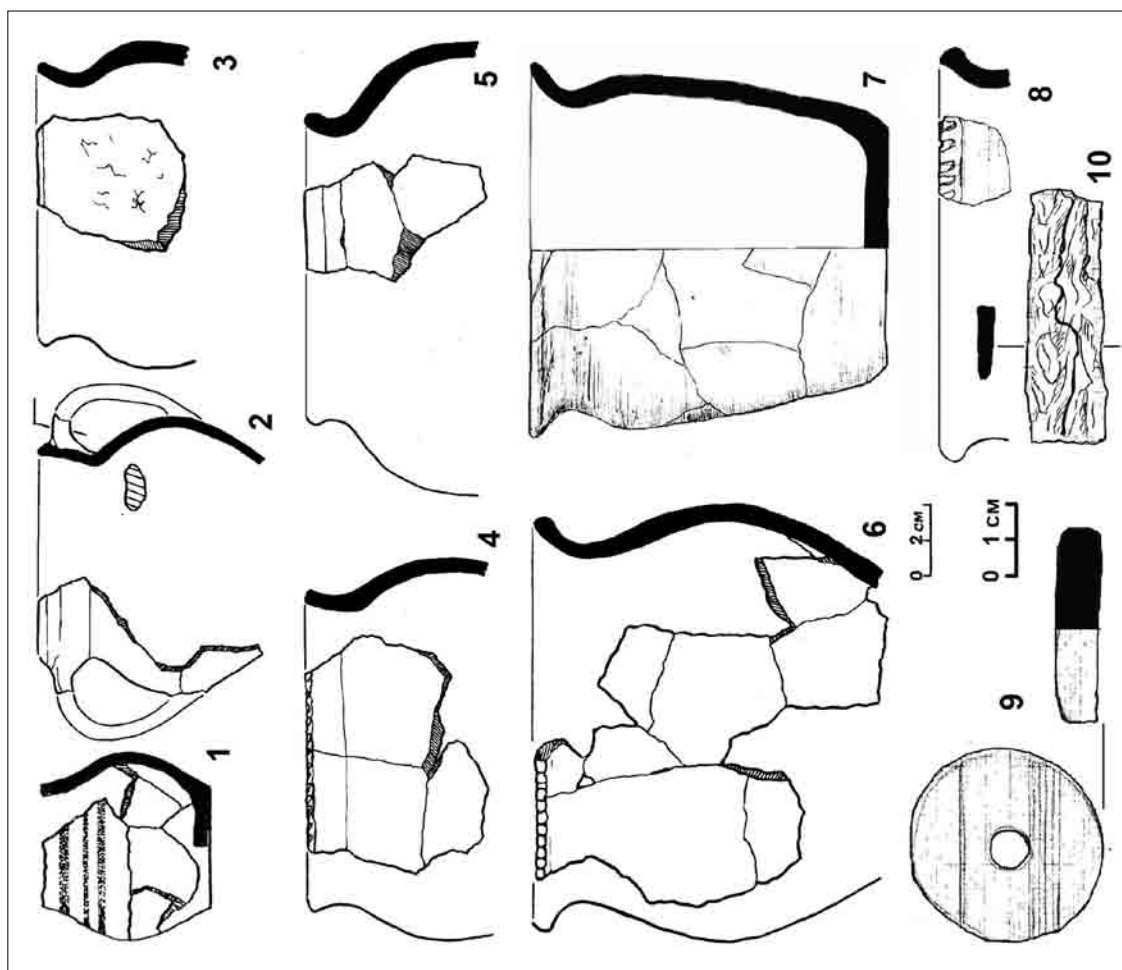
Илл. 1. Местонахождение объектов и культурного слоя средневековой Сутдеи VII – первой половины VIII вв. Планы и разрезы полуземлянок I – местоположение объектов и культурного слоя; 1 – барбакан; 2 – квартал I; 3 – куртина XV; 4 – раскоп V; 5 – раскоп II; 6 – раскоп III; 7 – раскоп I; 8 – посад; II – полуземлянка на посаде Сутдеи; III – полуземлянка в портовой части Сутдеи на раскопе V

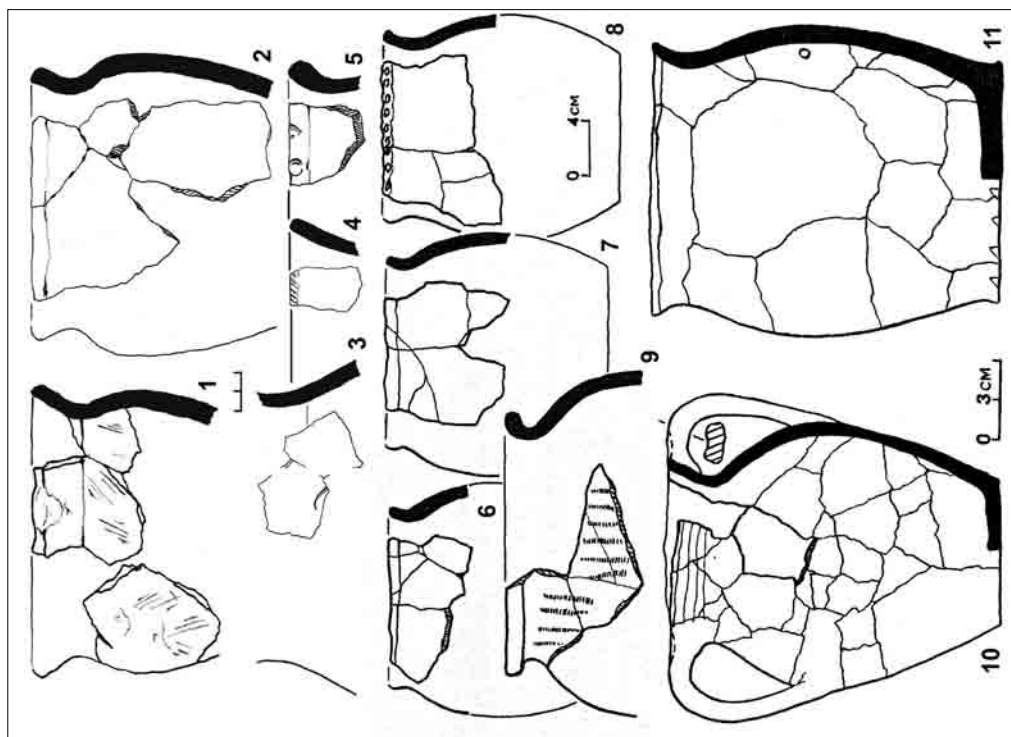
Илл. 2. Основные типы амфор из объектов и культурного слоя в портовой части Сугдее конца VII – первой половины VIII вв. 1 – раскоп III; 2, 3, 5-9, 12 – раскоп V, каменный дом; 4 – шурф 1993 г.; 10 – раскоп VI; 11 – раскоп V, полуземлянка

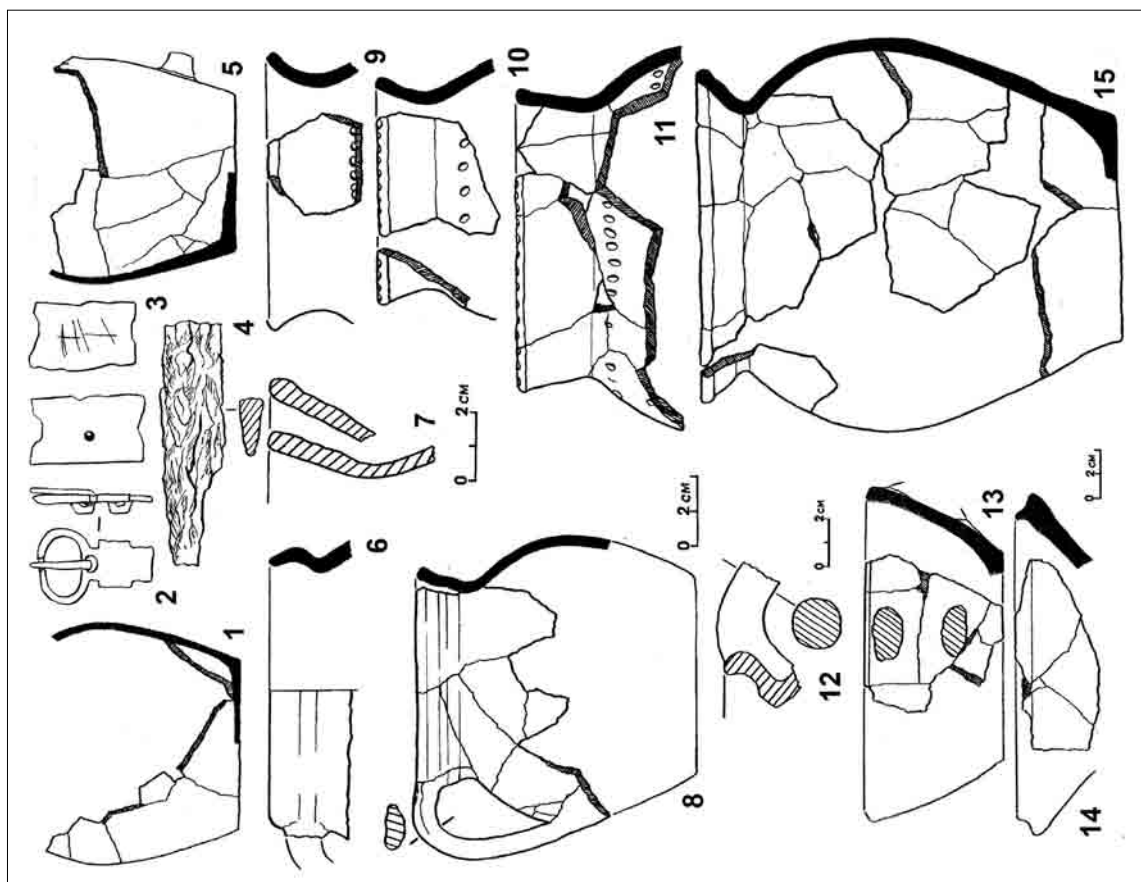
Илл. 3. Археологический комплекс из культурного слоя на участке куртины XV Судакской крепости

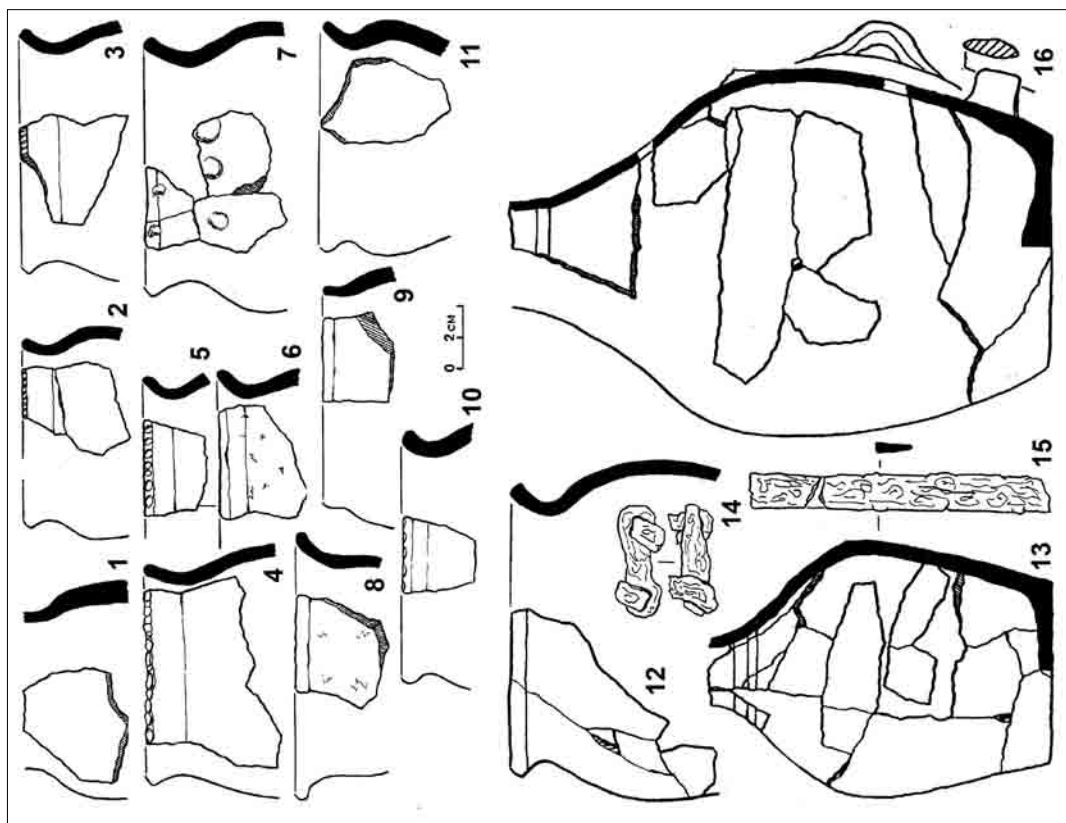
Илл. 4. Археологический комплекс из переотложенного культурного слоя на участке квартала I

Илл. 5. Лепная керамика из археологических комплексов и культурного слоя Сутдеи конца VIII – первой половины VIII вв. 1–5 – заполнение полуземлянки на посаде; 6–9 – заполнение хозяйственной ямы на участке раскопа I в портовой части; 10 – из культурного слоя шурфа 1993 г. в портовой части; 11 – поселение у с. Морское

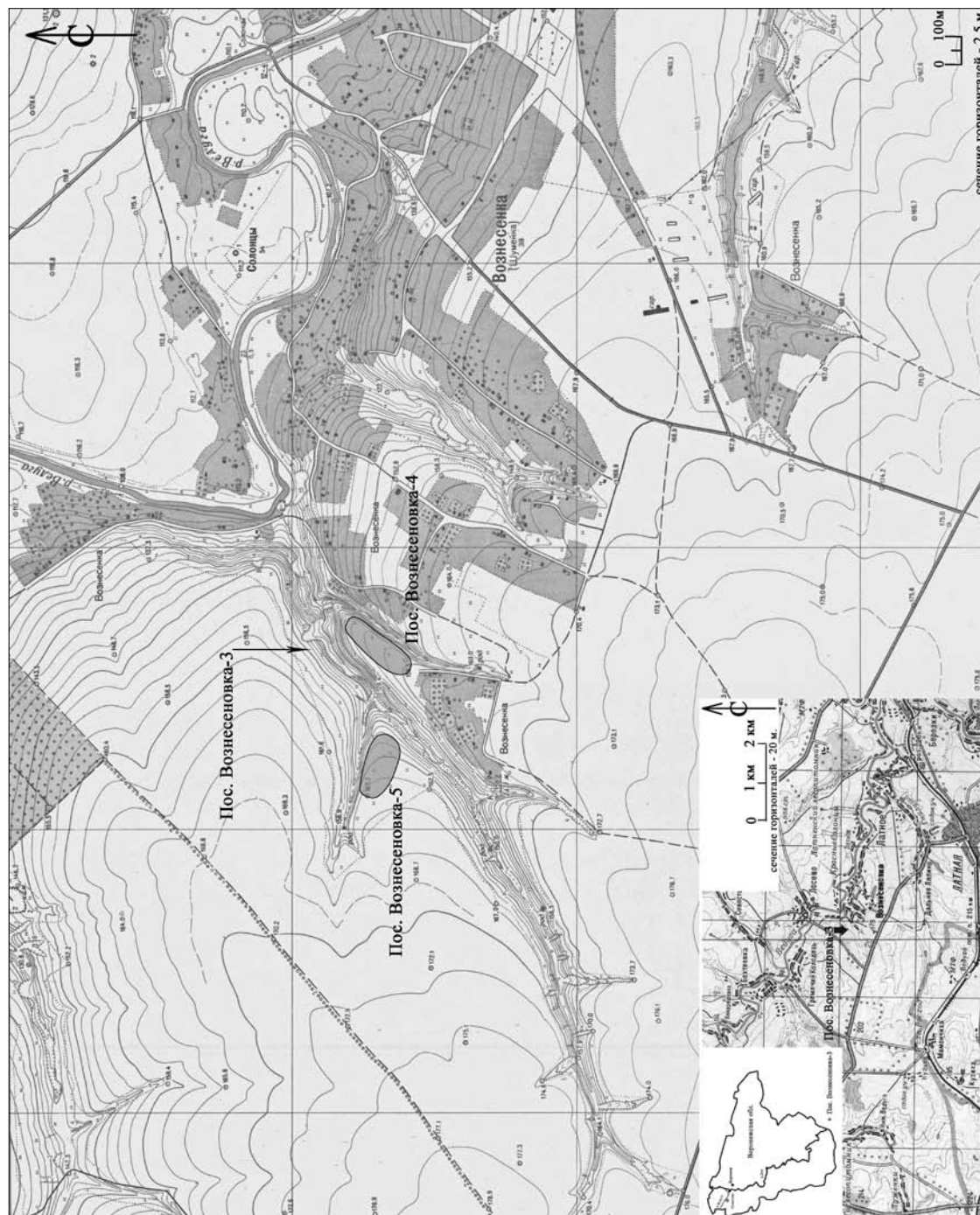

Илл. 6. Археологический комплекс из слоя на полу каменного дома в портовой части Сутдей, раскоп V

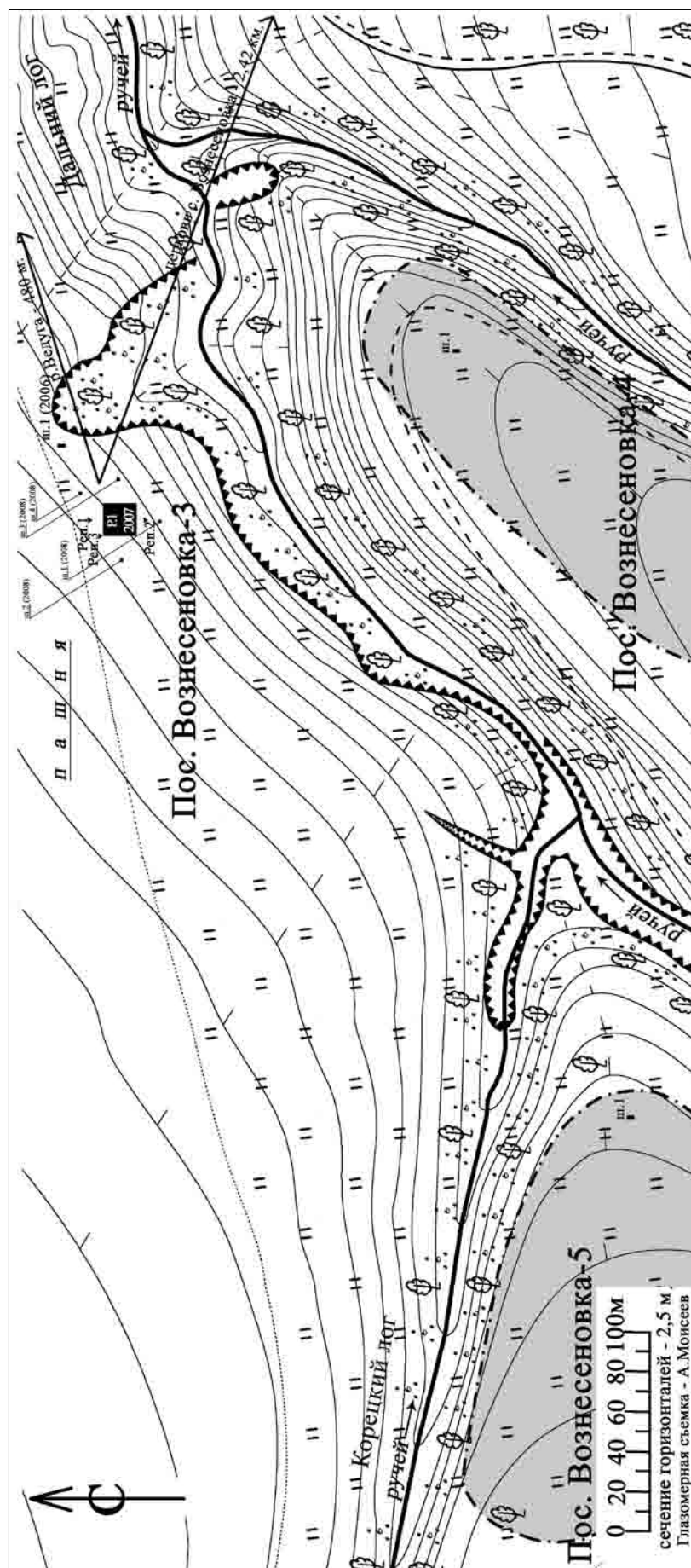

Илл. 7. Археологические комплексы Сутдей конца VII – первой половины VIII вв. 1–11 – переотложенный культурный слой на участке барбакана Сутдей; 12–16 – заполнение полуземлянки в портовой части Сутдей, раскоп V

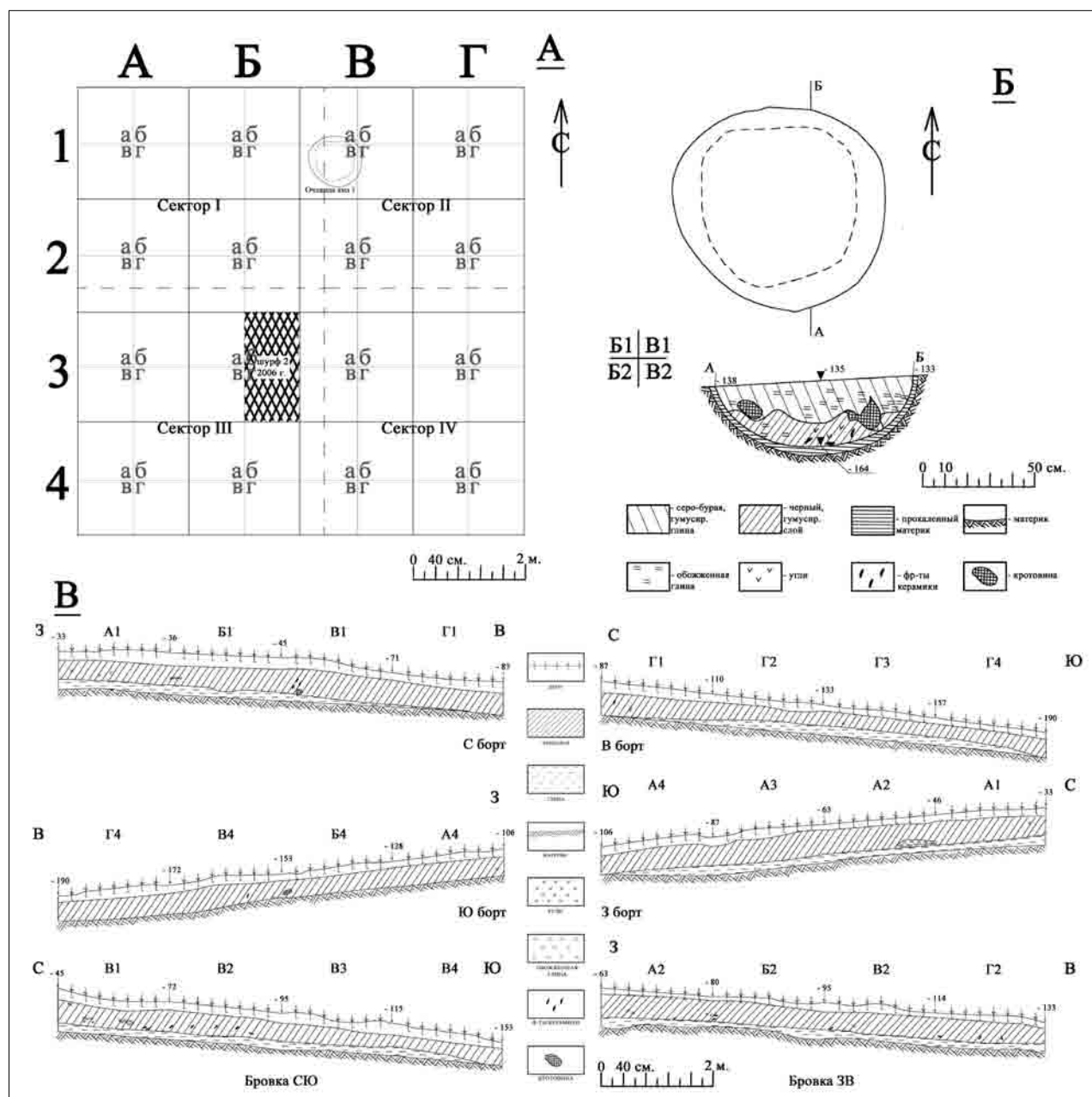
К статье А. В. Моисеева «Поселенческий памятник салтово-маяцкой культуры Вознесеновка-3 на границе Среднего и Верхнего Подонья (предварительная информация)»

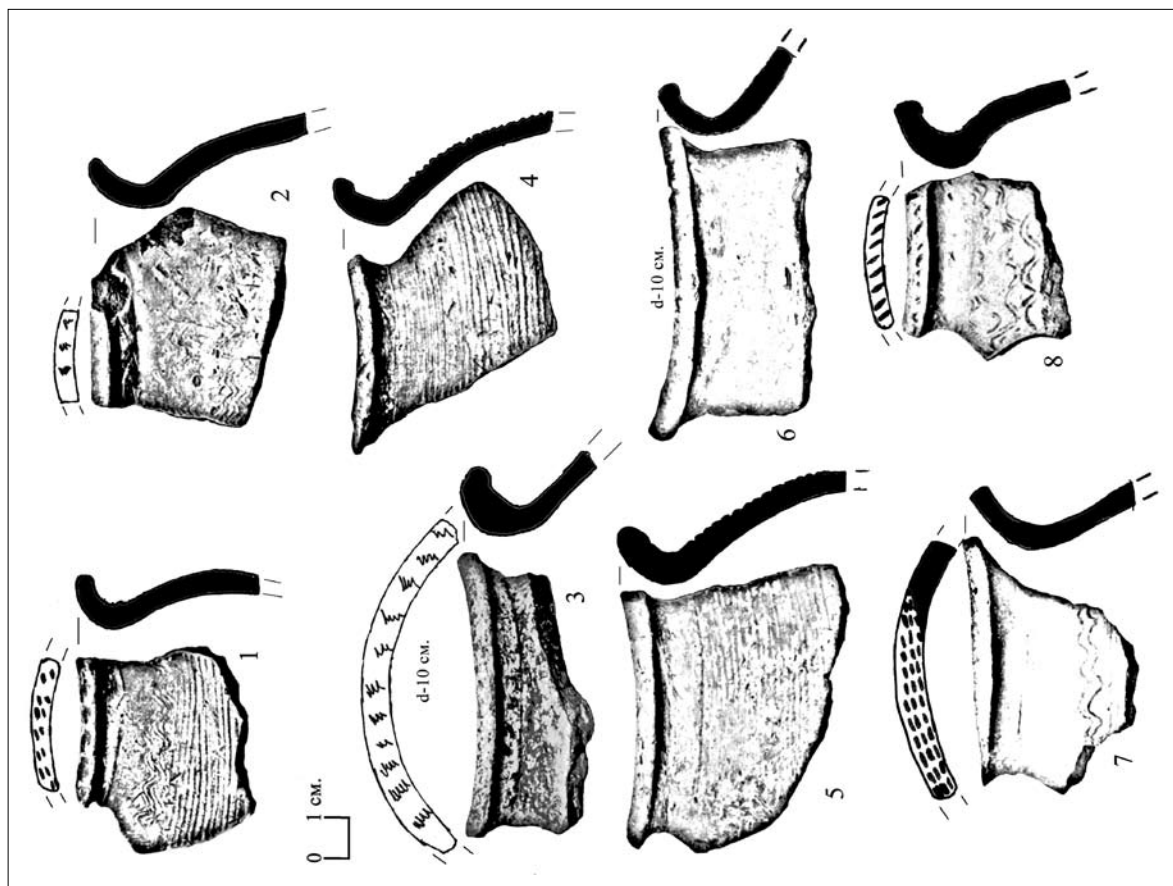
Илл. 1. Поселение Вознесеновка-3. Топографический план

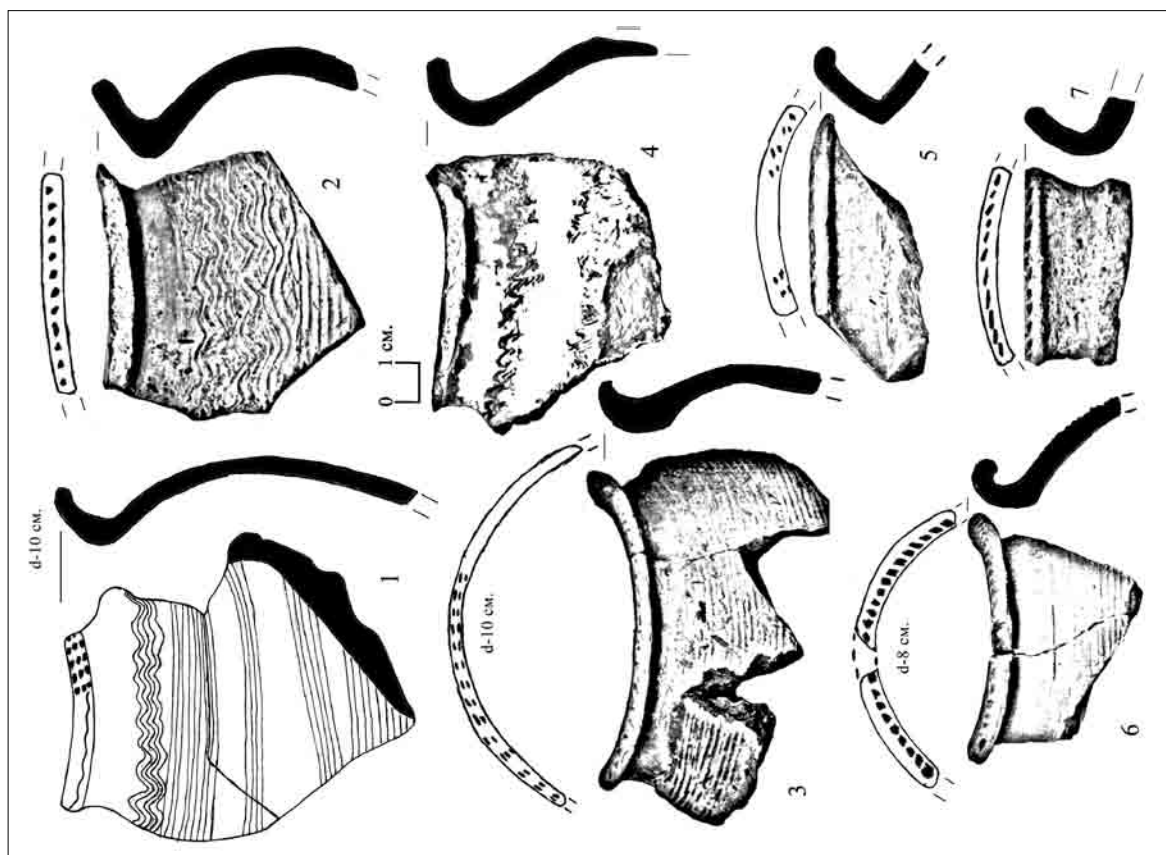
Илл. 2. Поселение Вознесеновка-3. Ситуационный план

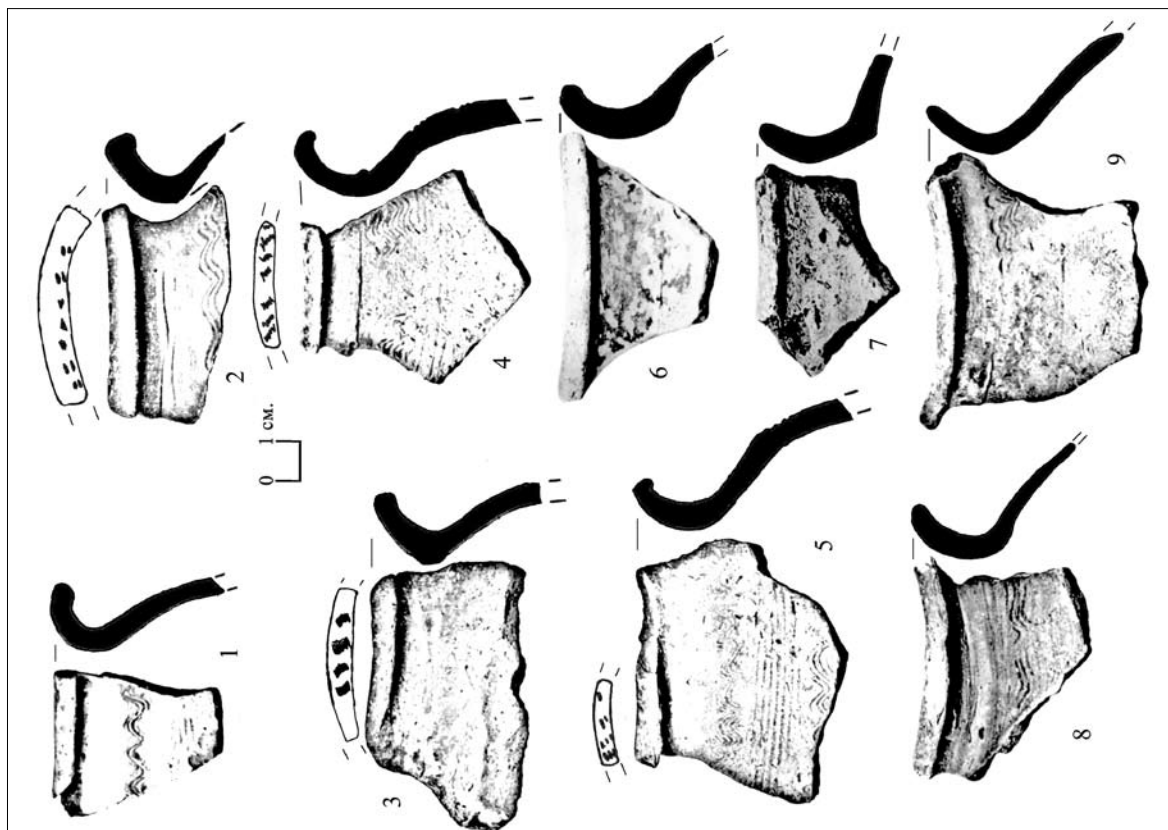
Илл. 3. Поселение Вознесеновка-3. Раскоп 1-2007 г. А. План раскопа по матерiku. Б. Очажная яма 1. План и разрез. В. Стратиграфические профили раскопа

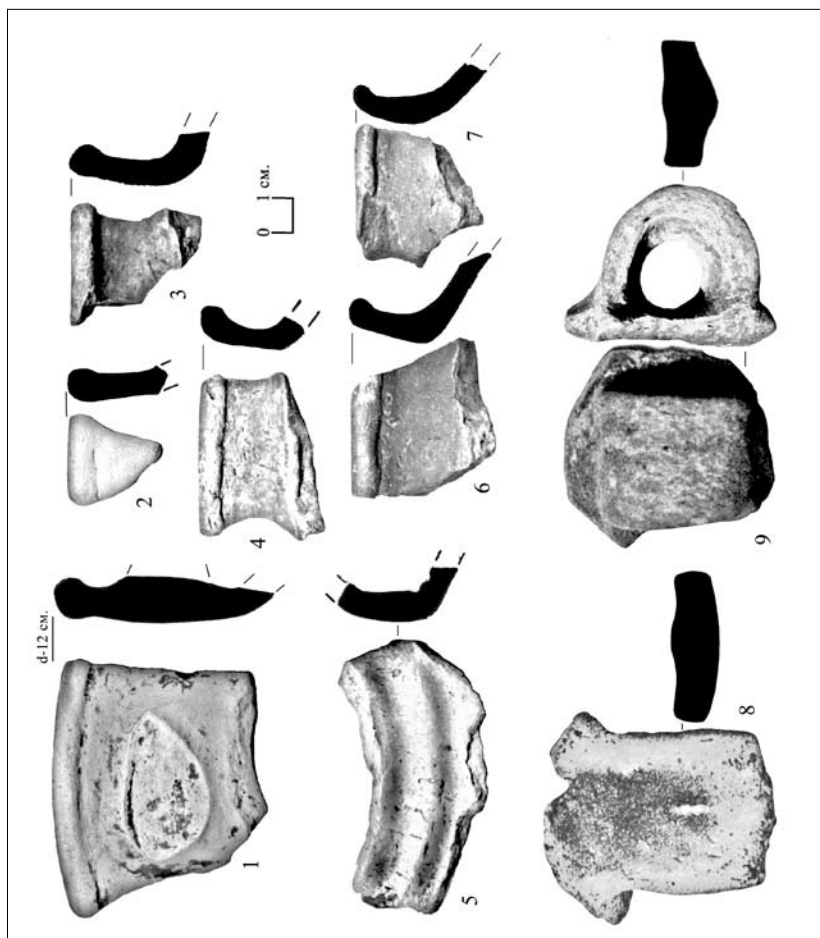
Илл. 5. Поселение Вознесенівка-3.
Образці венчиків посуду

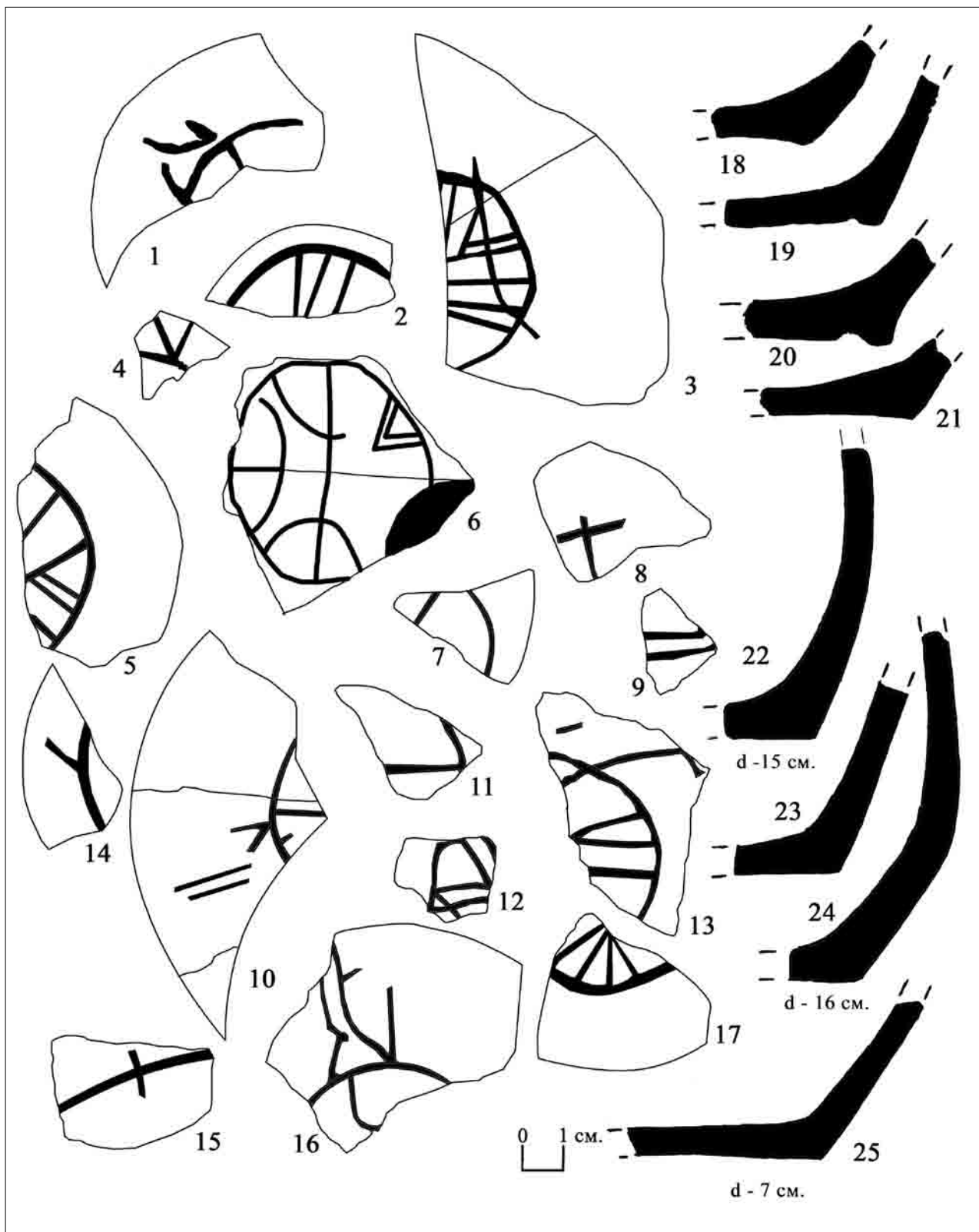
Илл. 4. Поселение Вознесенівка-3.
Образці венчиків посуду

Илл. 6. Поселение Вознесеновка-3.
Образцы венчиков сосудов

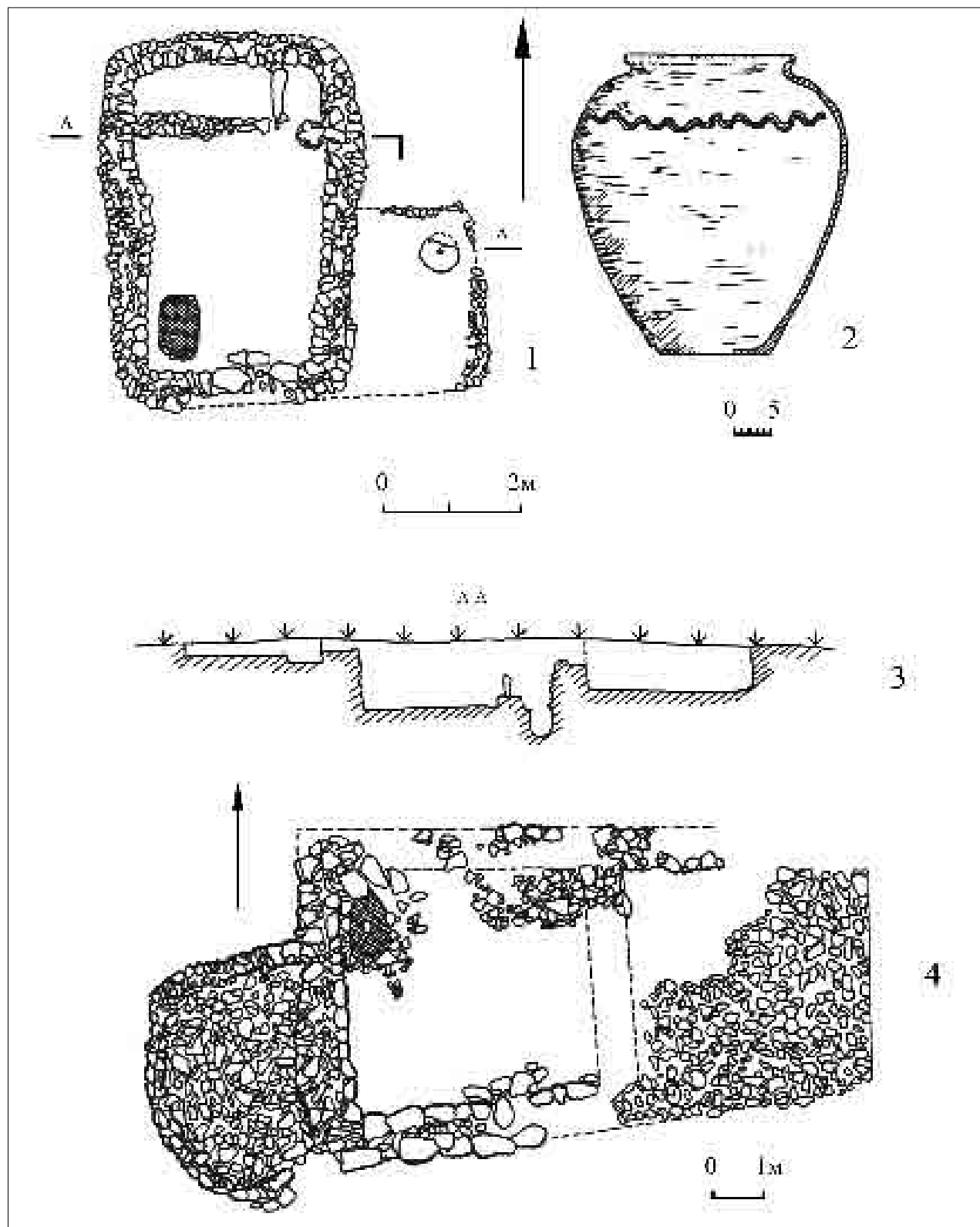
Илл. 7. Поселение Вознесеновка-3.
Образцы венчиков (1-4, 6-7), стенок (5) и ручек (8, 9) сосудов

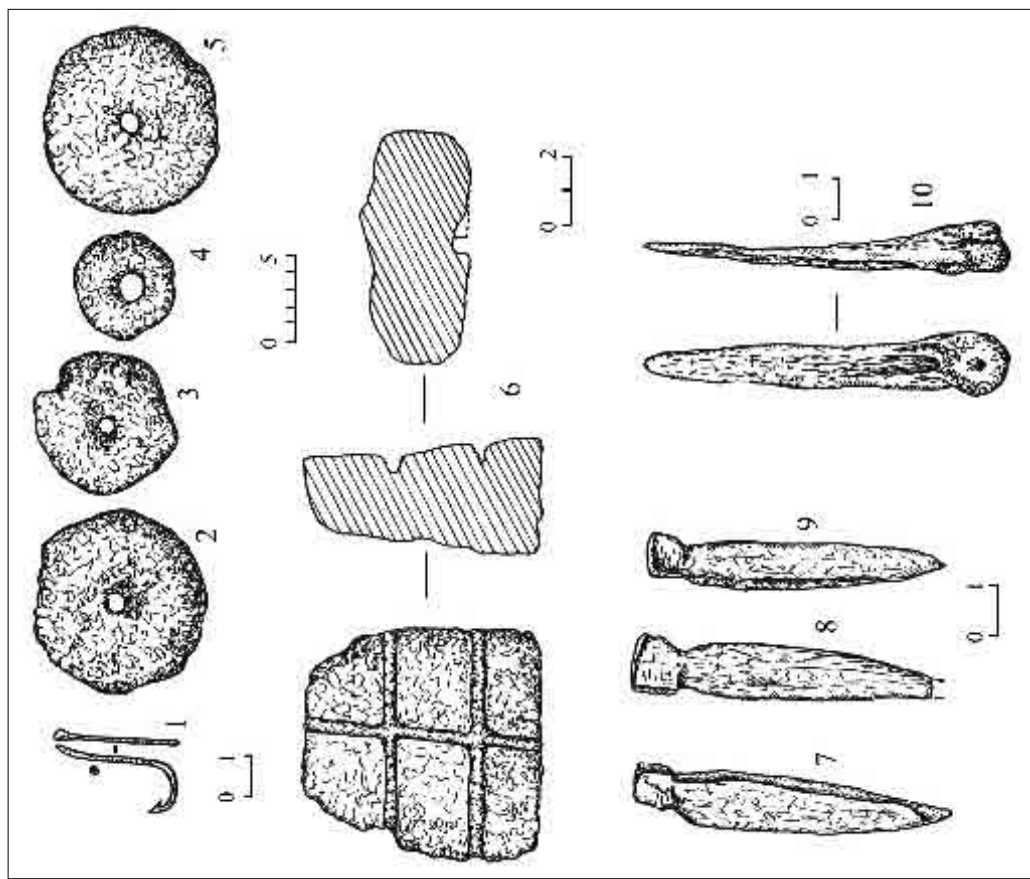
Илл. 8. Поселение Вознесеновка-3.
Образцы клейм на днищах (1–17) и профилей днищ (18–25) сосудов

К статье Л. Ю. Пономарёва

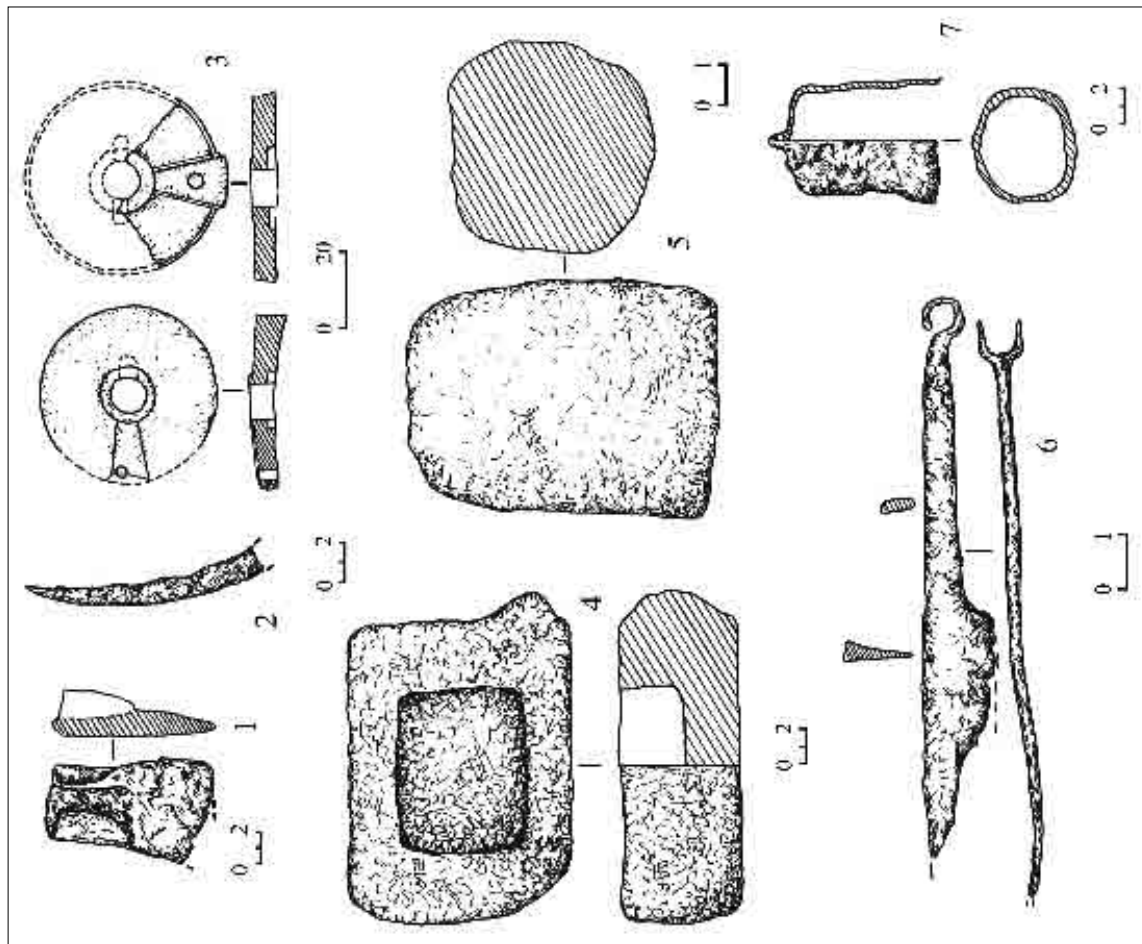
«Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников)»

Илл. 1. Жилищно-хозяйственные комплексы: 1-3 – Героевка-3; 4 – Героевка-6

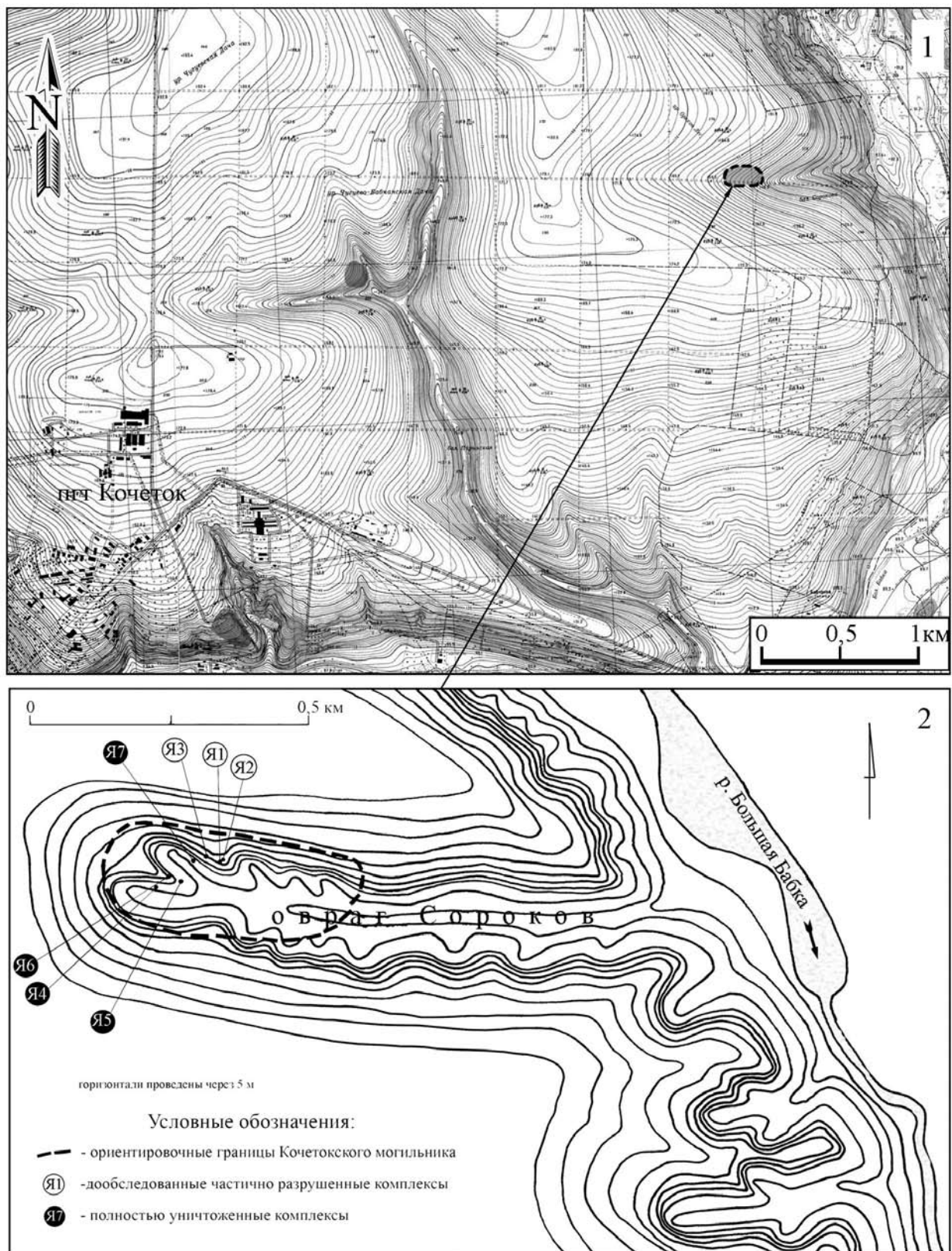
Илл. 3. Рыболовецкий инвентарь: 1 – Тиритака;
2–5 – Героевка-3; 6 – Эльтиген-I;
7–9 – Геровка-3; 10 – Тиритака

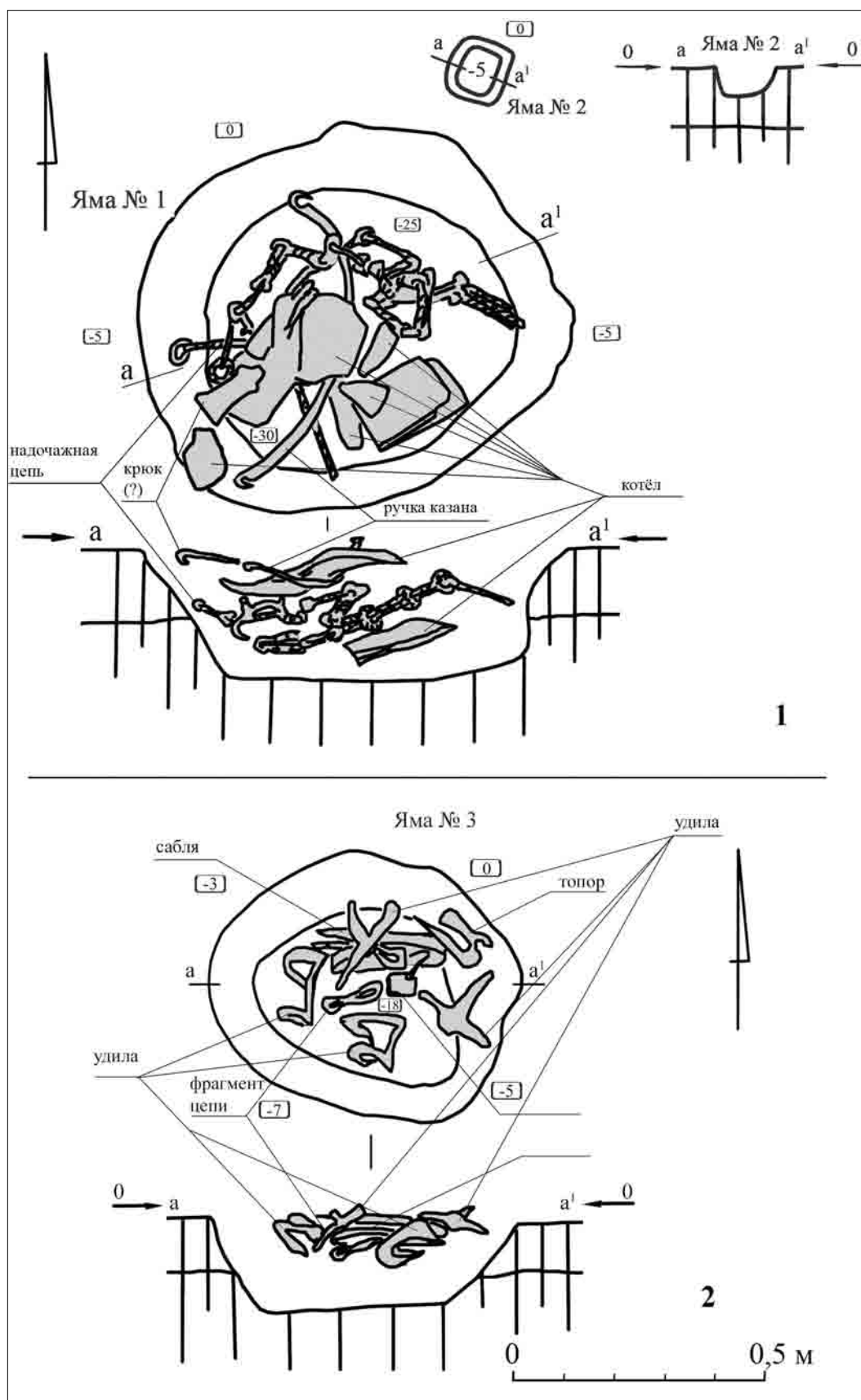
Илл. 2. Сельскохозяйственные орудия: 1 – Героевка-3;
2 – Заветное; 3 – Тиритака; 4 – «Эльтиген-Памятник»;
5–6 – Эльтиген Юго-Западное; 7 – Героевка-3

К статье Г. Е. Свистуна

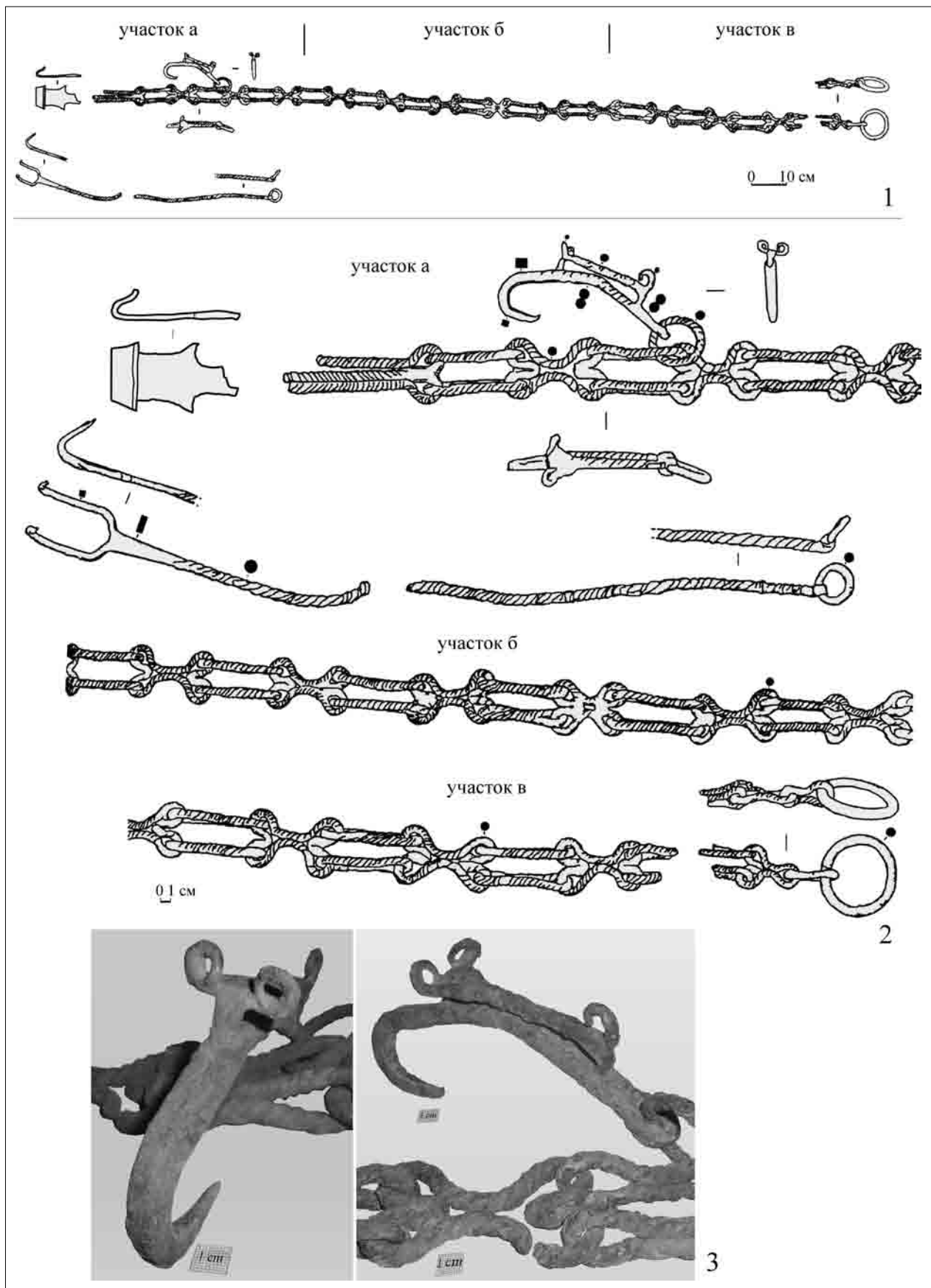
«Новый кремационный могильник на территории Чутуево-Бабчанского лесничества
(предварительная информация)»

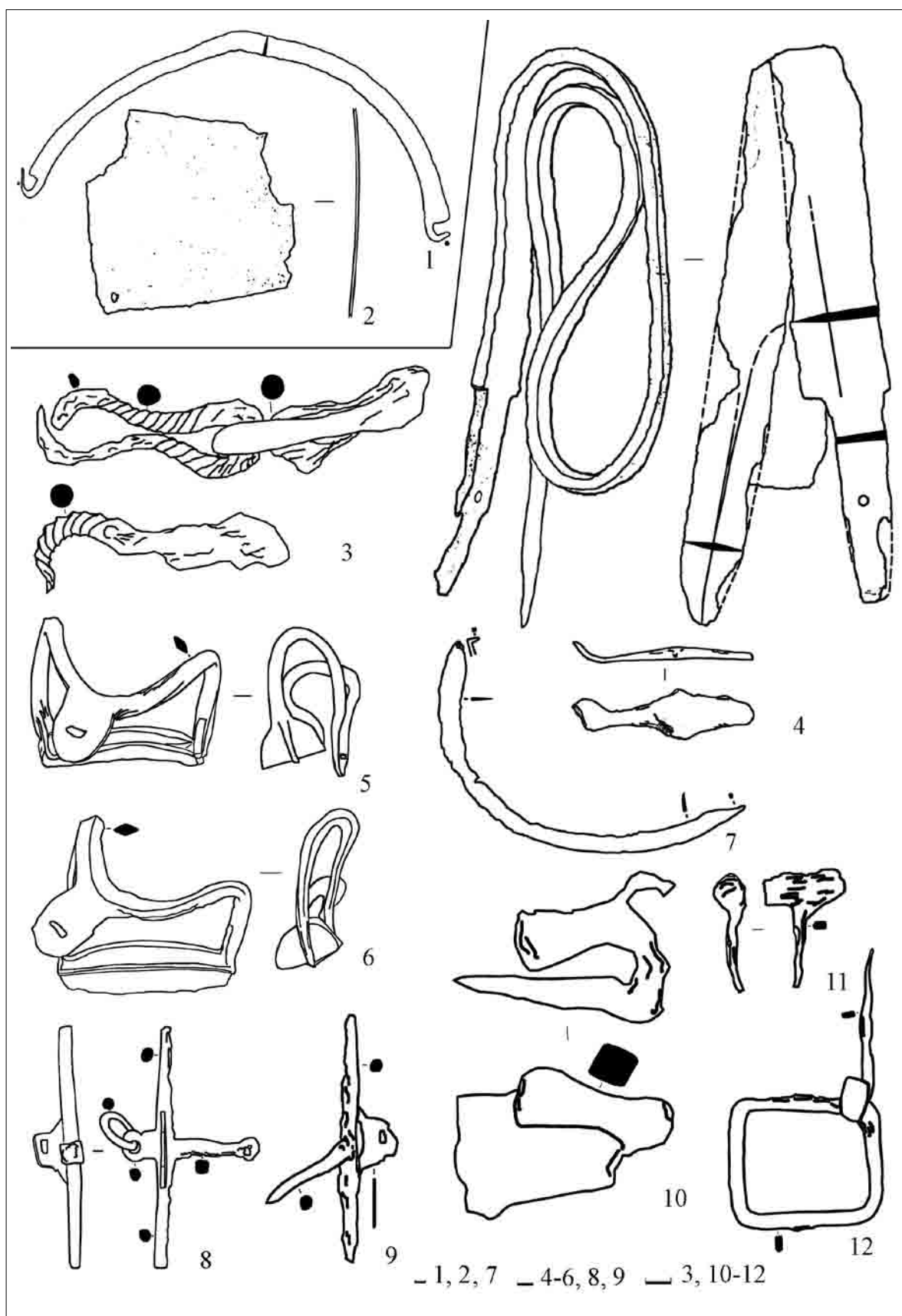
Илл. 1. Карта-схема и план Кочетокского могильника

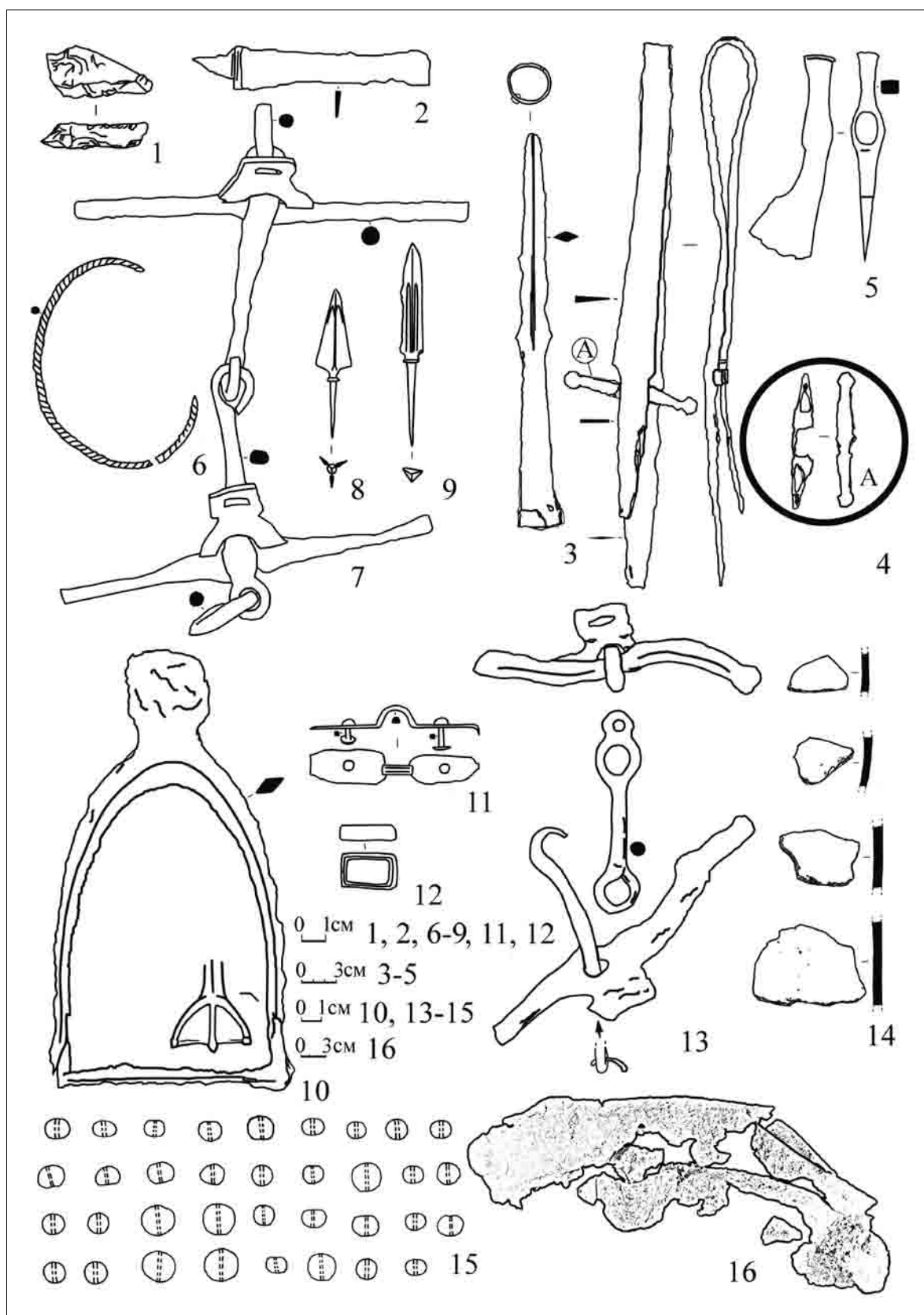
Илл. 2. План и профиль ям №№ 1–3

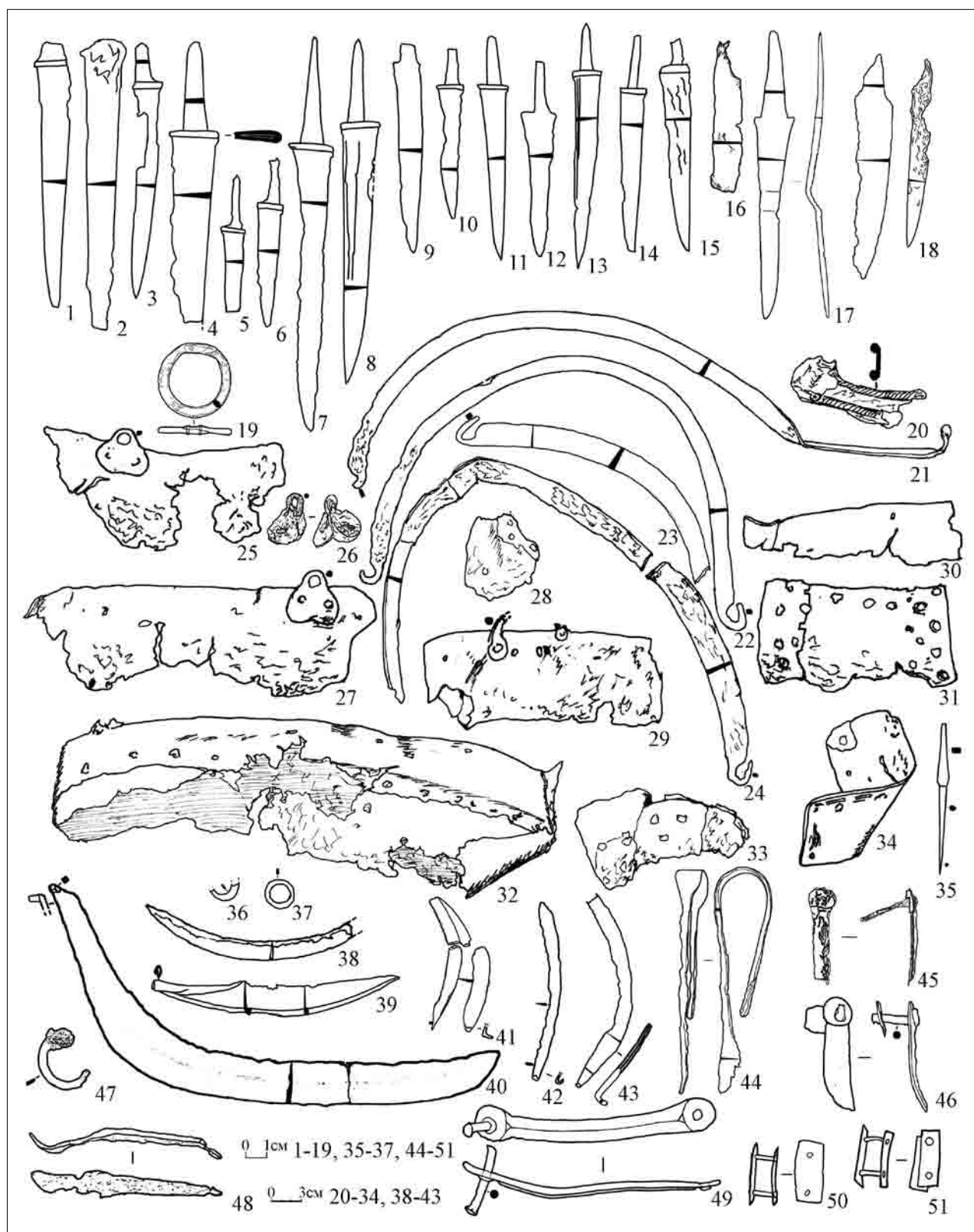
Илл. 3. Надочажная цепь из ямы № 1. Железо

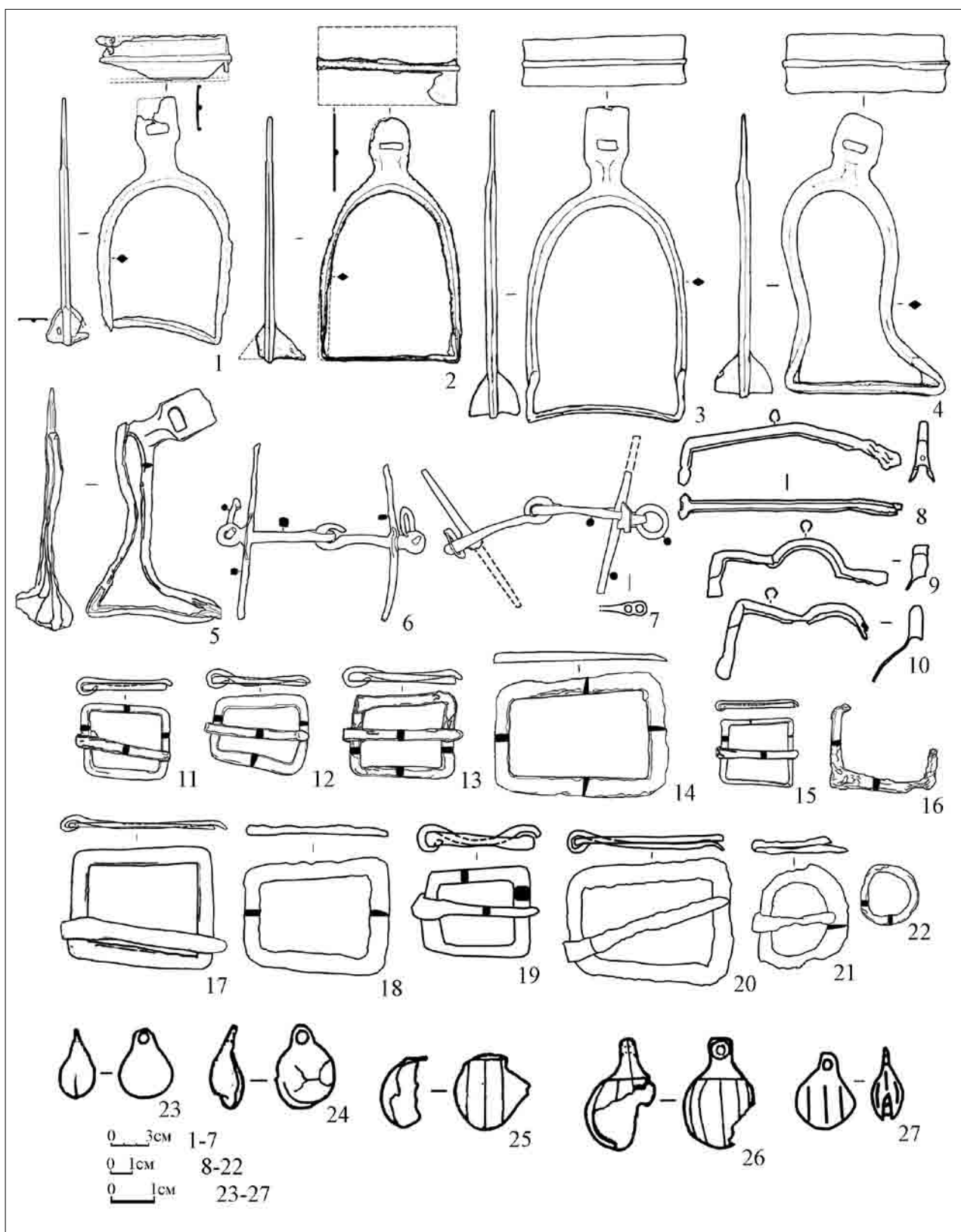
Илл. 4. Предметы с ям №№ 1 и 3: 1 – ручка казана; 2 – фрагмент казана; 3 – звенья очажной цепи; 4 – сабля с перекрестием; 5, 6 – стремяна; 7 – серп; 8, 9 – удила; 10 – топор; 11 – фрагмент фибулы; 12 – пряжка. 1-12 – железо

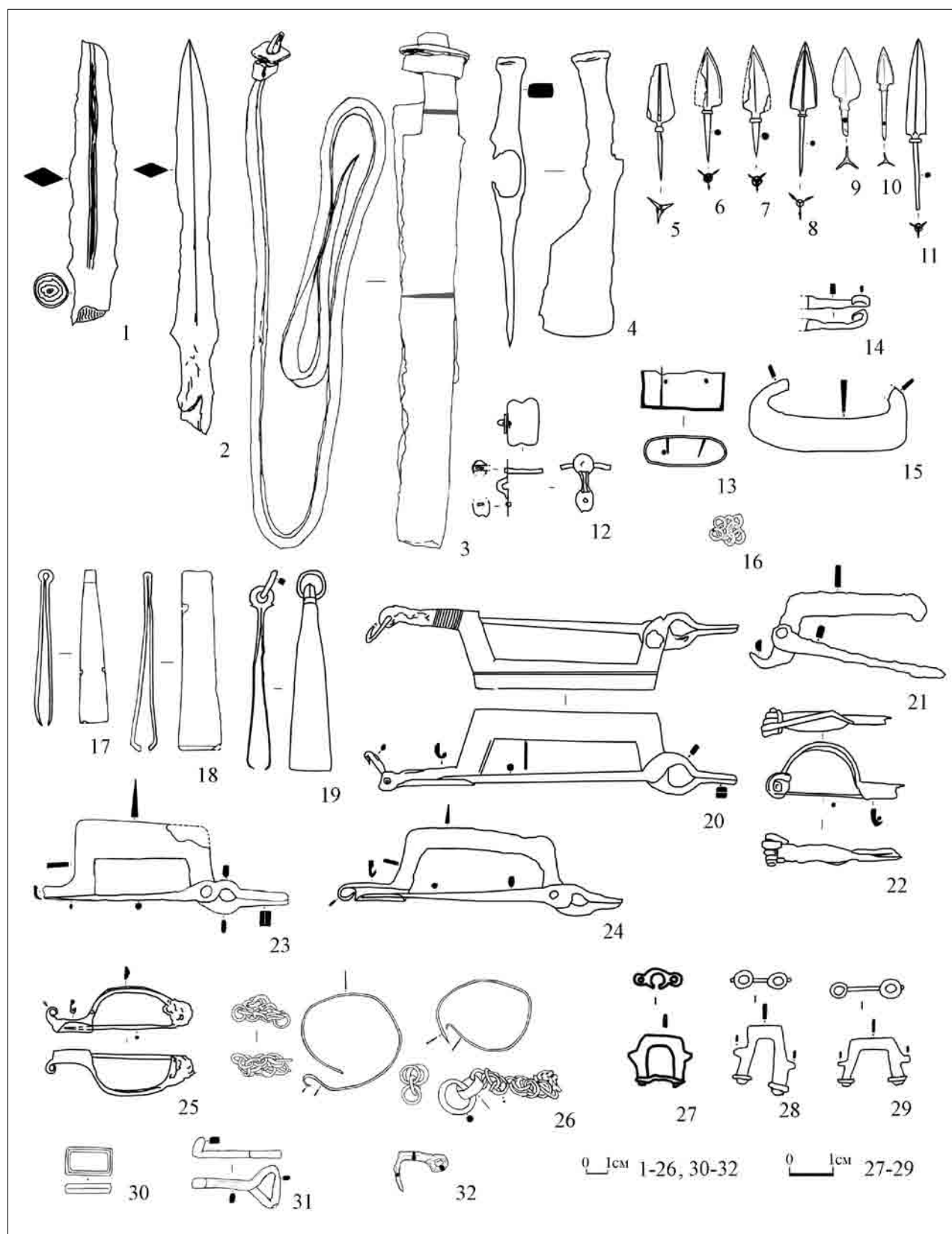
Илл. 5. Предметы с ямы № 6: 1 – кресальный камень; 2 – нож; 3 – наконечник пики; 4 – сабля с перекрестием; 5 – топор; 6 – браслет; 7, 13 – удила; 8, 9 – наконечники стрел; 10 – стремя; 11 – петля колчана; 12 – обойма ремня; 14 – фрагменты сосудов; 15 – бусы; 16 – фрагмент казана.
1 – кремль; 2-5, 7-11, 13-16 – железо; 6, 12 – бронза; 14 – керамика; 15 – стеклянная паста

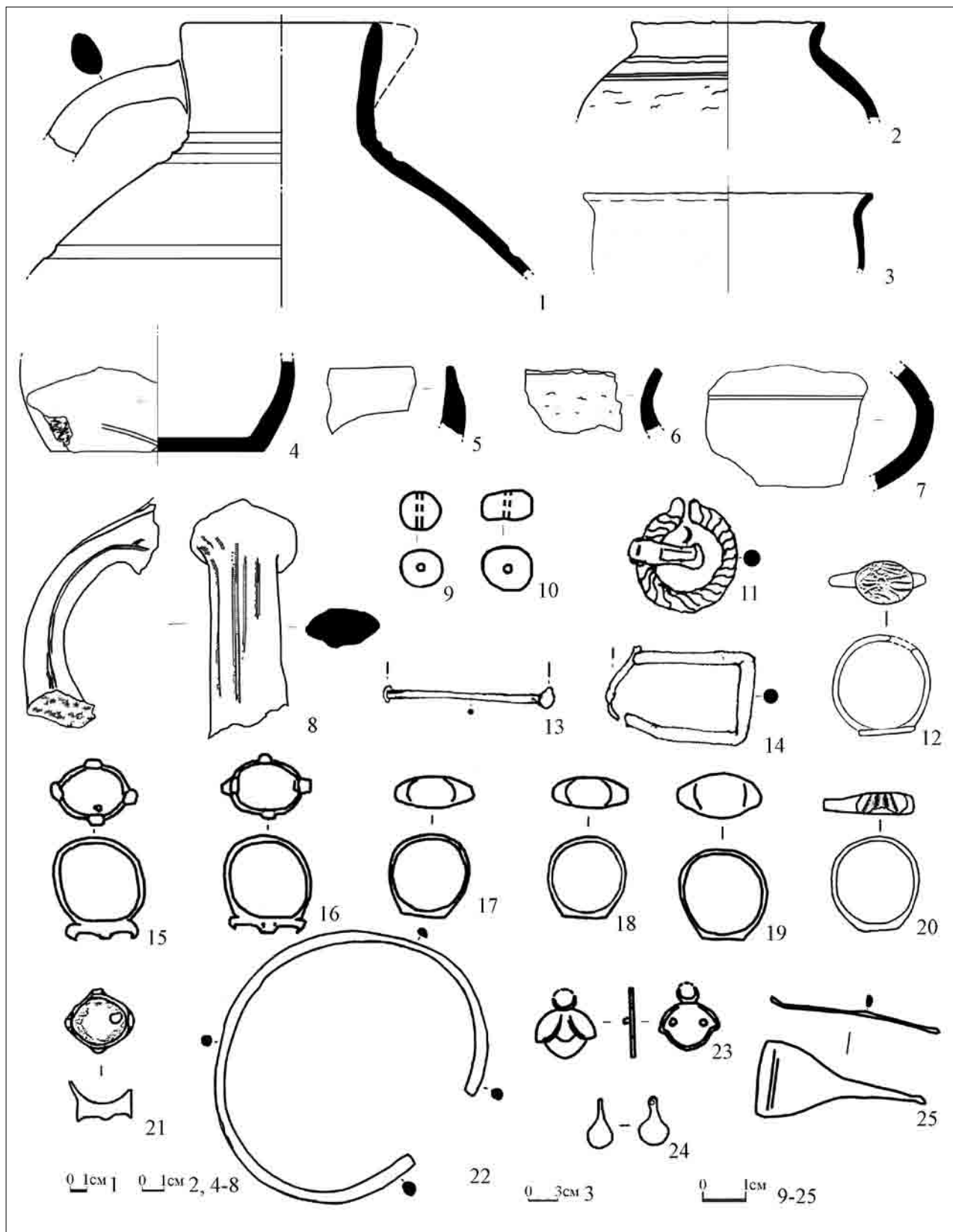
Илл. 6. Предметы с территории Кочетокского могильника: 1-18 – ножи; 19 – кольцо надочажной цепи; 20 – крюк надочажной цепи; 21-24 – ручки казанов; 25-34 – фрагменты казанов; 35 – шило; 36, 37, 47 – колечки; 38-40 – косы; 41-43 – серпы; 44 – ножницы; 45-46 – пластины с заклепками; 48 – «ложкорез»; 49 – деталь седла; 50, 51 – накладки. 1-51 – железо

Илл. 7. Предметы с территории Кочетокского могильника: 1-5 – стремена; 6, 7 – удила; 8 – оковка боковой стороны ножен сабли; 9, 10 – портупейные П-образные скобы; 11-20 – трапециевидные пряжки; 21, 22 – овалнорамчатые пряжки; 23-27 – бубенчики.
1-22 – железо; 23-27 – бронза

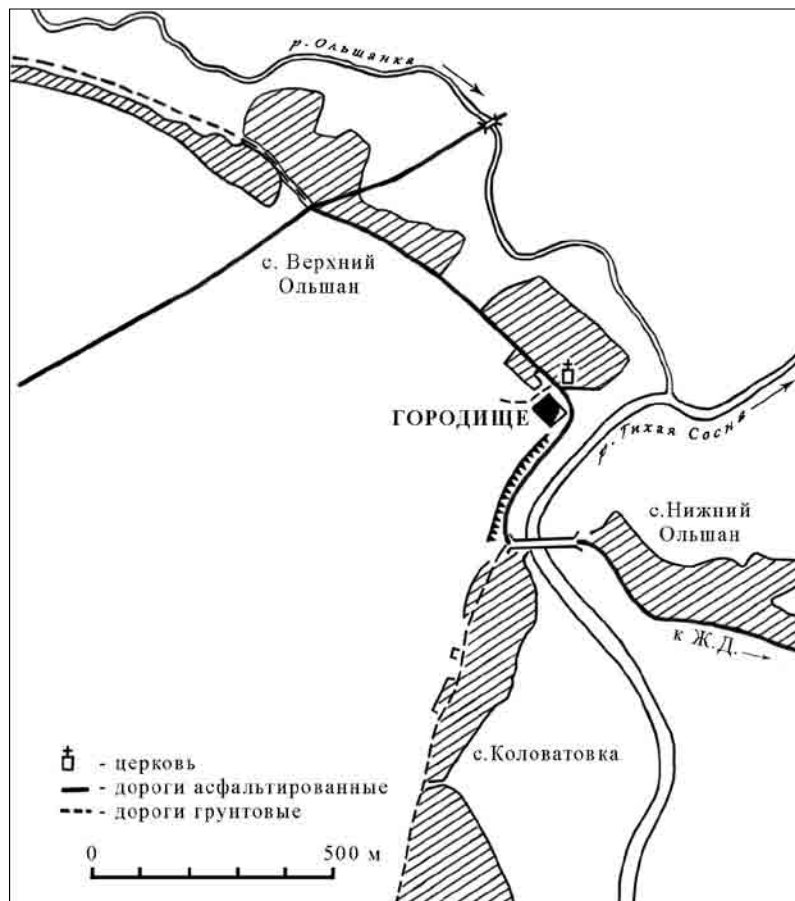

Илл. 8. Предметы с территории Кочетокского могильника: 1, 2 – наконечники пик; 3 – сабля; 4 – топор; 5–11 – наконечники стрел; 12, 13 – обоймы ножен для ножей; 14, 15 – кресала; 16, 26 – фрагменты кольчуг; 17–19 – пинцеты; 20–25 – фибулы; 27–29 – петельки; 30 – обойма для ремня; 31, 32 – крюки. 1–29, 31, 32 – железо; 30 – бронза

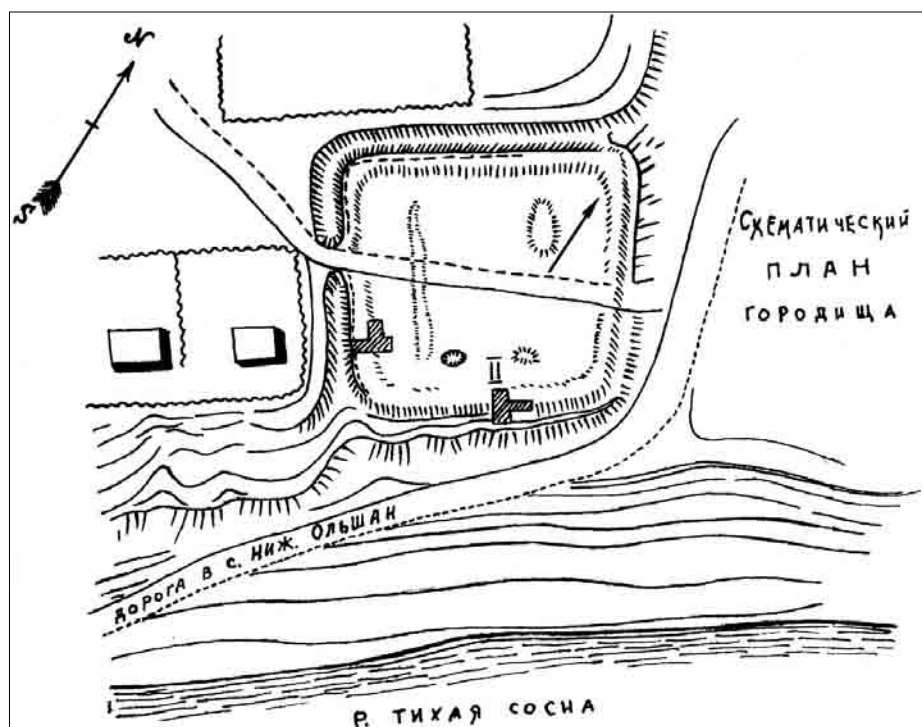

Илл. 9. Предметы с территории Кочетокского могильника: 1-8 – фрагменты сосудов; 9, 10 – бусы; 11 – застёжка-сюльгама; 12, 15-21 – перстни; 13, 14 – крепежные детали; 22 – браслет; 23 – ремённая бляшка; 24 – пуговица; 25 – косметическая лопатка.
1-8 – керамика; 9, 10 – стеклянная паста; 11-14, 25 – железо; 15-24 – бронза

К статье В. С. Флёрова, В. Е. Флёровой
«Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчёта о раскопках в 1991 году»

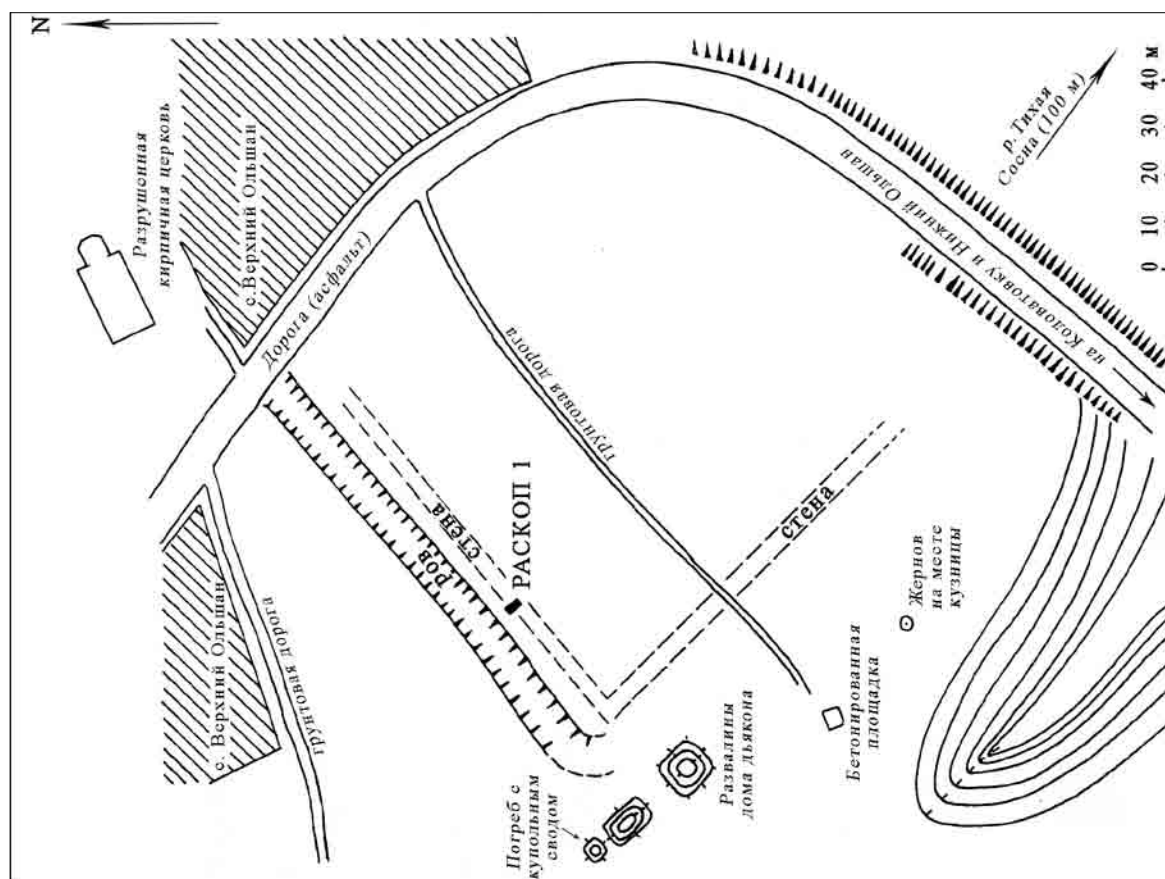
Илл. 1. Ситуационная схема
местоположения Верхне-
Ольшанского городища,
1991 г.

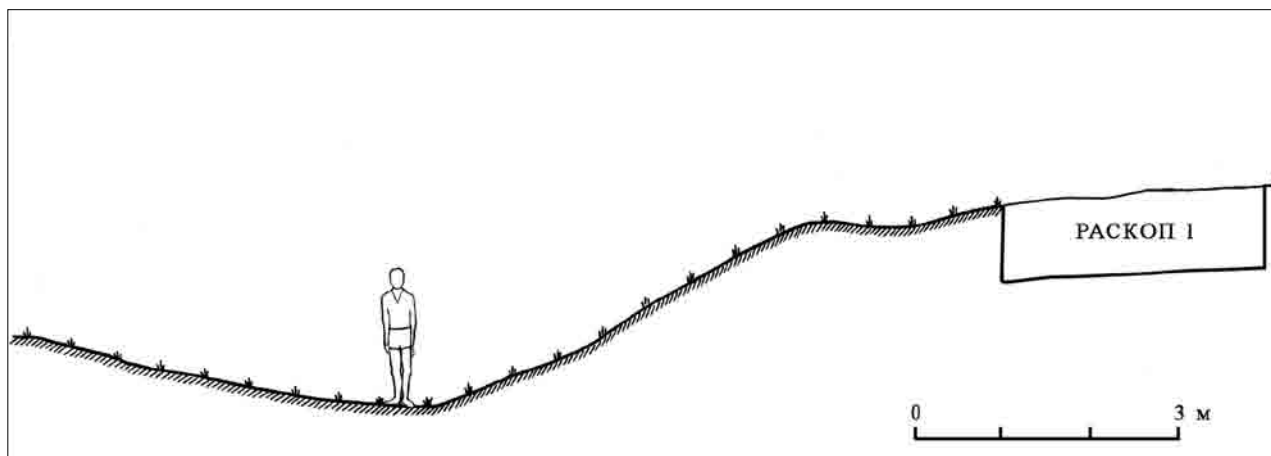
Илл. 2. План Верхне-
Ольшанского
городища по
С. Н. Замятнину

Илл. 4. Ров, вид со стороны раскопа (надпись на этикетке ОГ-91 означает Ольшанское городище-1991 г.). На заднем плане: дома с. Верхний Ольшан к северо-западу от городища (публикуется впервые)

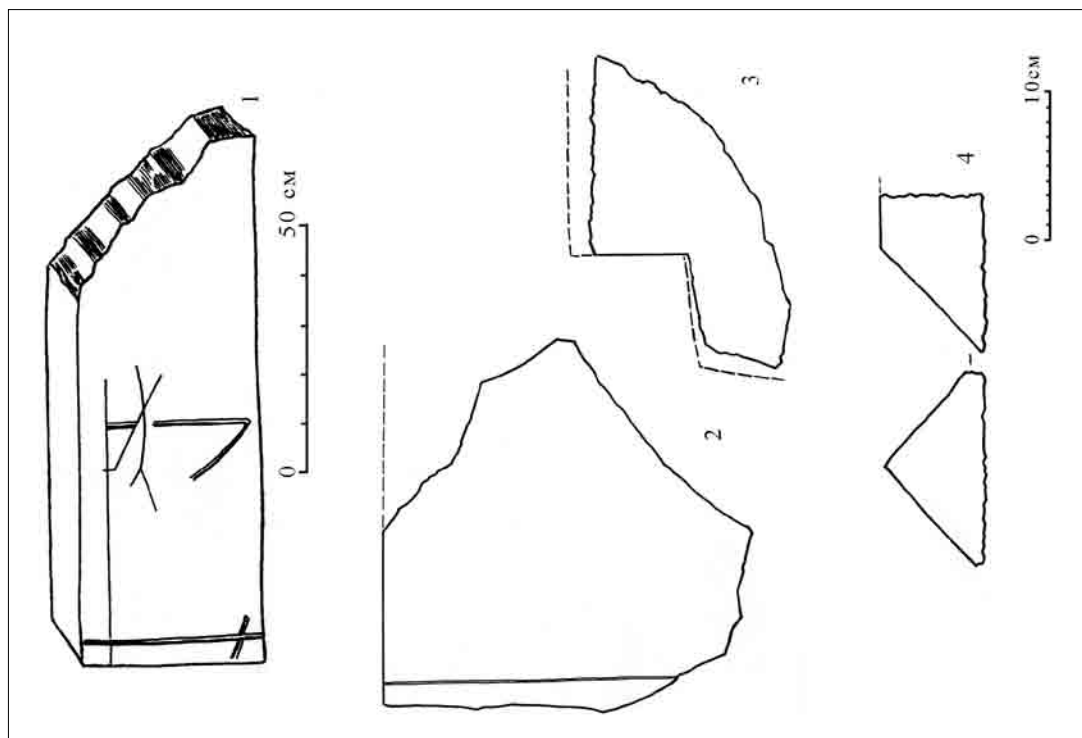
Илл. 3. План Верхне-Ольшанского городища, 1991 г.

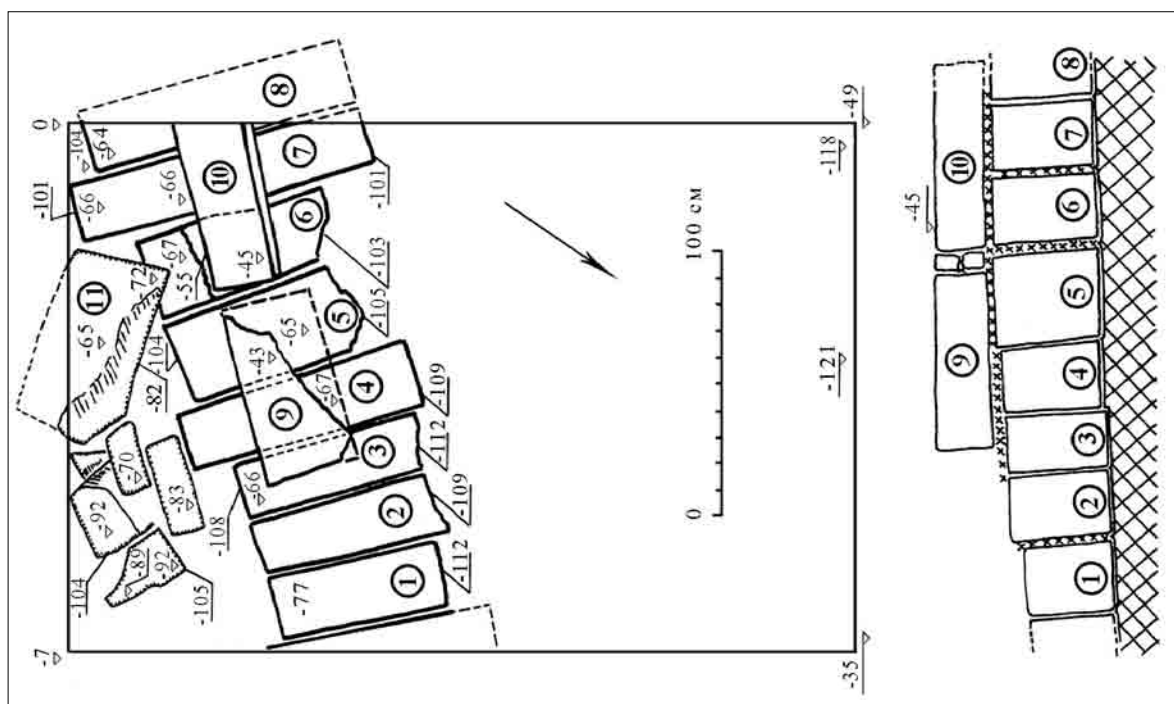
Илл. 5. Профиль рва (публикуется впервые)

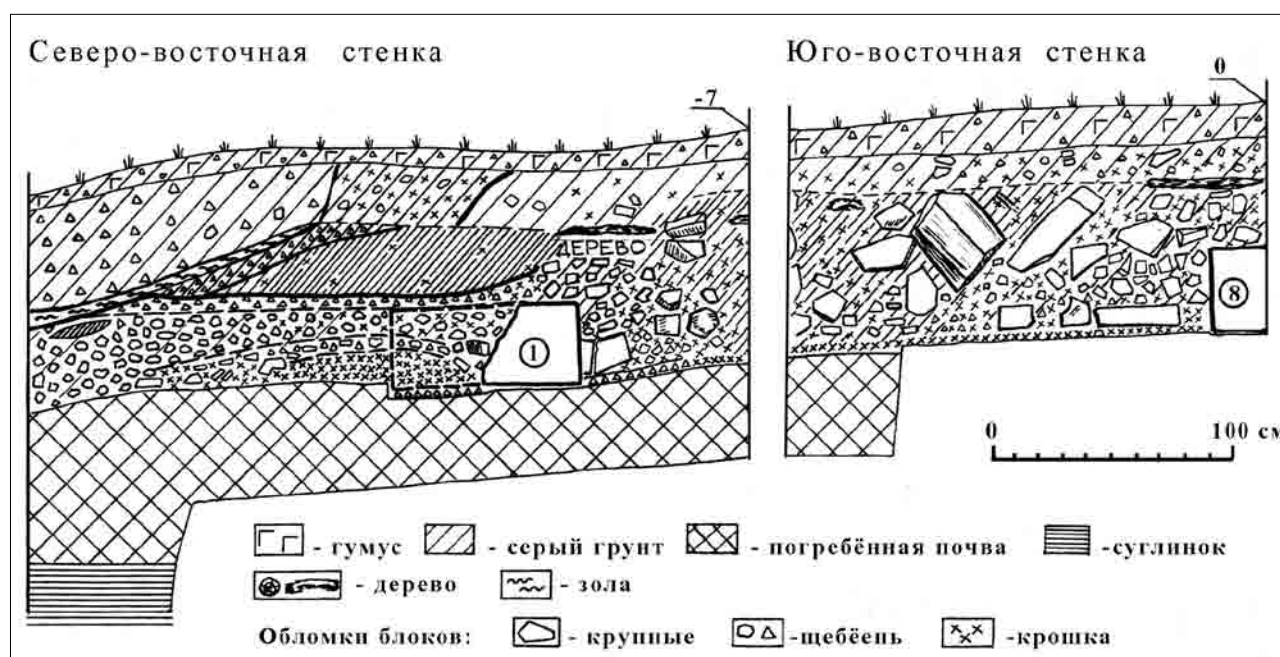
Илл. 6. Лицевой фас внешнего панциря стены (публикуется впервые)

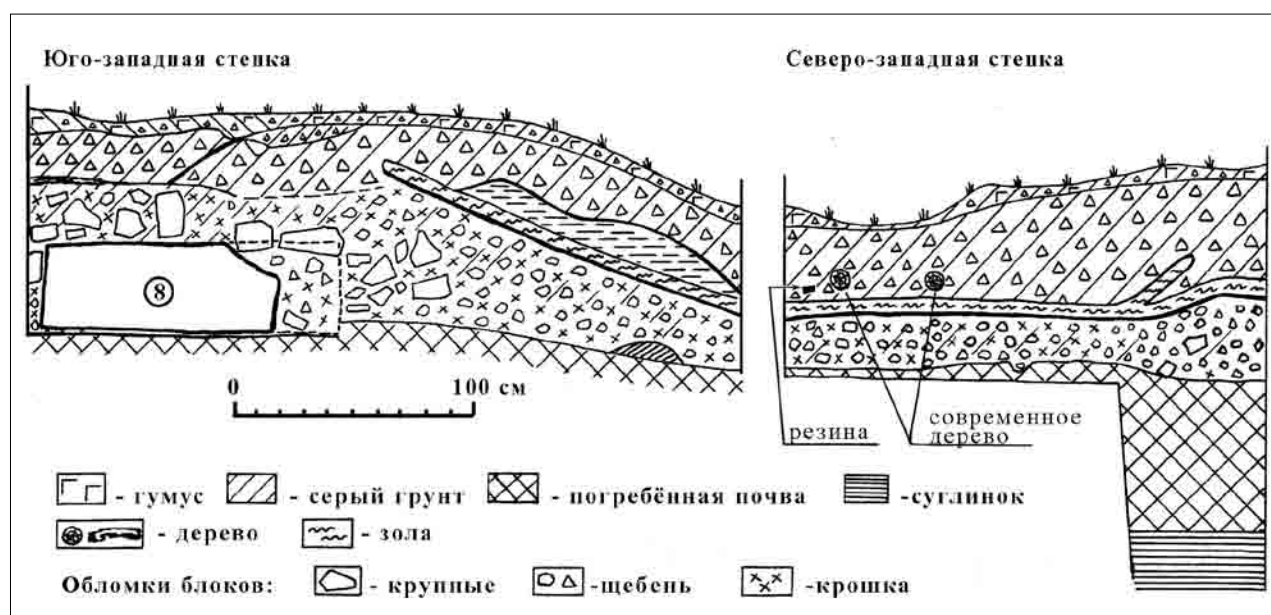
Илл. 8. Блоки. 1 – блок № 7 с прямыми линиями разметки и граффити; 2 – фрагмент блока с линией разметки; 3 – фрагмент блока с вырезом, вид в профиль; 4 – фрагмент блока, скошенный с треугольным сечением (публикуется впервые)

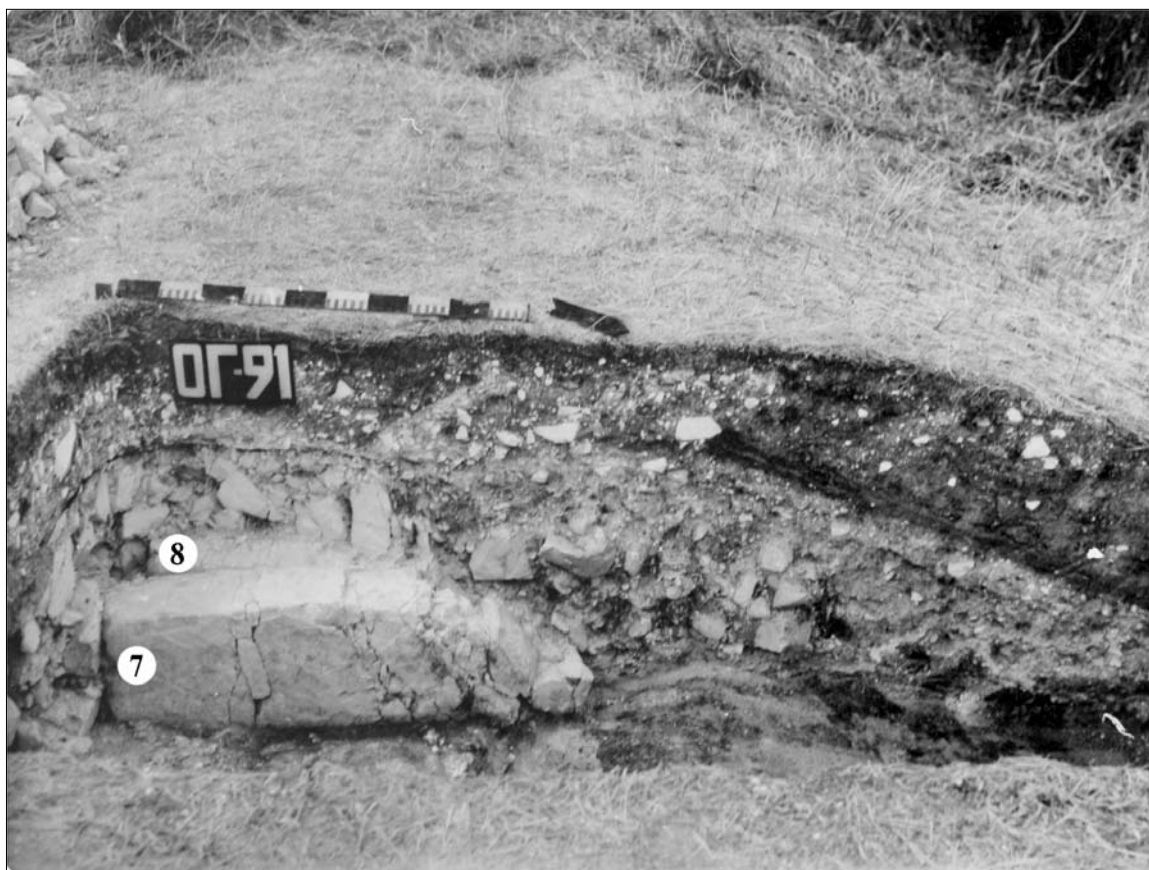
Илл. 7. План раскопа с внешним панцирем крепостной стены. Внизу: фас кладки блоков (публикуется впервые)

Илл. 9. Юго-западная и северо-западные стенки раскопа, стратиграфия (публикується вперше)

Илл. 10. Северо-восточная стенка и юго-восточная стенки раскопа, стратиграфия (публикується вперше)

Илл. 11. Юго-западная стенка раскопа, стратиграфия; ров справа (публикуется впервые)

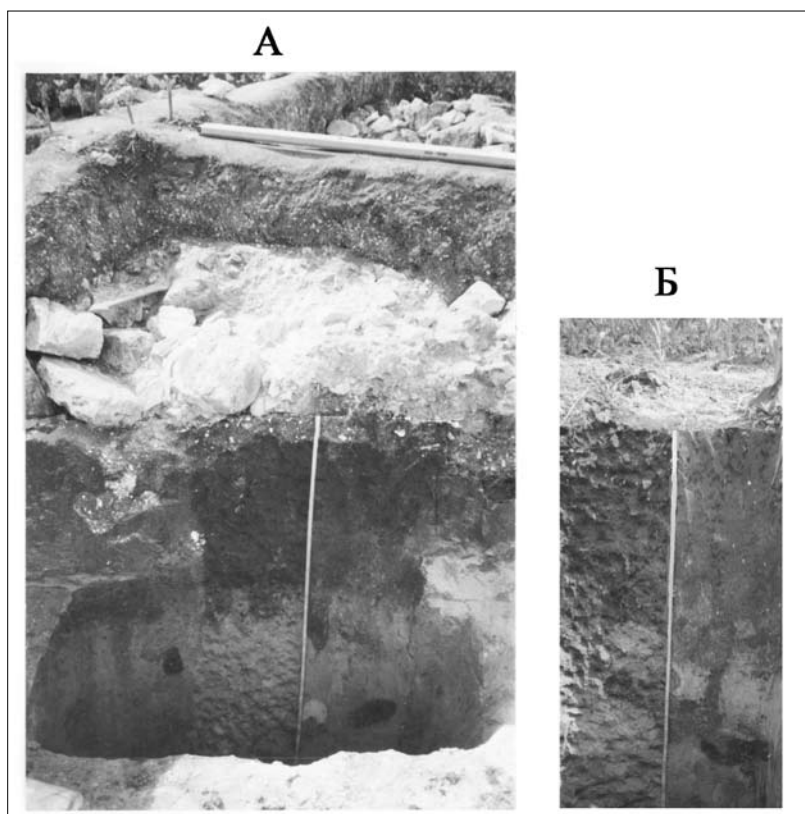
Илл. 12. Северо-восточная стенка раскопа, стратиграфия; ров слева за кадром (публикуется впервые)

К статье Ю. Г. Чендева, В. А. Сарапулкина

«Опыт палеогеографической реконструкции на примере исследования памятника салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихая Сосна (Белгородская область)»

Илл. 1. Общий вид культурного слоя на городище «Колтуновка» в месте обнаружения остатков сооружения из мелового камня. На фотографии ниже культурного слоя залегает перерытый землероями погребенный чернозем

Илл. 2. Хорошо сохранившийся профиль чернозема, погребенного под развалом из мелового камня (А, разрез 1) и профиль фонового (современного) чернозема (Б, разрез 3) на городище «Колтуновка»